

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

SOCIOLOGY

Издается с сентября 1997 г.
(до 2017 г. – под названием «Социология»)

Выходит один раз в квартал

3

2018

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **ДАНИЛОВ А. Н.** – доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент НАН Беларуси; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: a.danilov@tut.by

**Заместители
главного редактора** **ГРИЩЕНКО Ж. М.** – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: zhanna0607@mail.ru
РОТМАН Д. Г. – доктор социологических наук, профессор; директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: dgrotman@rambler.ru

**Ответственный
секретарь** **КОБЯК О. В.** – доктор социологических наук, доцент; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: aleh.kabiak@mail.ru

- Бабосов Е. М.** Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Бакиров В. С. Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Харьков, Украина.
Безнюк Д. К. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Бурова С. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Вятр Е. Европейская высшая школа права и управления, Варшава, Польша.
Галлиев Г. Т. Институт непрерывного и дополнительного образования, Уфа, Россия.
Гигин В. Ф. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Головаха Е. И. Институт социологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Горшков М. К. Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Россия.
Инглхарт Р. Ф. Мичиганский университет, Анн-Арбор, США.
Кечина Е. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Кизима С. А. Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Клингеман Х.-Д. Берлинский центр социальных наук, Берлин, Германия.
Коростелева Е. А. Кентский университет, Кентербери, Великобритания.
Курилович Н. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Кучко Е. Е. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лапина С. В. Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Лихачёв Н. Е. Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Матулионис А. Институт социологии Литвы, Вильнюс, Литва.
Рубанов А. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Рудь В. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь (зав. редакцией).
Симхович В. А. Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.
Соколова Г. Н. Центр политической и экономической социологии Института социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Стёпин В. С. Институт философии Российской академии наук, Москва, Россия.
Титаренко Л. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т. Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Филинская Л. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Херпфер К. Венский университет, Вена, Австрия.
Черняк Ю. Г. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Чурилов Н. Н. Институт социологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Шавель С. А. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Щелкова Т. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	DANILOV A. N. , doctor of science (sociology), full professor, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus; head of the department of sociology of the faculty of philosophy and social science of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: a.danilov@tut.by
Deputy editor-in-chief	GRISHCHENKO Zh. M. , PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social science of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: zhanna0607@mail.ru ROTMAN D. G. , doctor of science (sociology), full professor; director of the Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: dgrotman@rambler.ru
Executive secretary	KABIAK A. V. , doctor of science (sociology), docent; professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social science of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: aleh.kabiak@mail.ru
Babosov Y. M.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Bakirov V. S.	Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine.
Beznyuk D. K.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Burova S. N.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Vyatr J.	European School of Law and Administration, Warsaw, Poland.
Galliyev G. T.	Institute of Continuous and Additional Education, Ufa, Russia.
Hihin V. F.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Golovakha E. I.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Gorshkov M. K.	Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Inglehart R. F.	University of Michigan, Ann Arbor, USA.
Kechina E. A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kizima S. A.	Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Klingemann H.-D.	Berlin Social Science Center, Berlin, Germany.
Korosteleva E. A.	University of Kent, Canterbury, United Kingdom.
Kurilovich N. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kuchko E. E.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Lapina S. V.	Academy of Public Administration under the Aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Likhachyov N. E.	Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Matulionis A.	Institute of Sociology of Lithuania, Vilnius, Lithuania.
Rubanau A. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Rud V. G.	Belarusian State University, Minsk, Belarus (head of the editorial staff).
Simkhovich V. A.	Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.
Sokolova G. N.	Centre for Political and Economic Sociology of the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Stepin V. S.	Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Titarenko L. G.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T.	Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Filinskaya L. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Herpfer K.	University of Vienna, Vienna, Austria.
Chernyak Y. G.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Churilov N. N.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Shavel S. A.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Shchyolkova T. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

УДК 316(075.8)

ПРОБЛЕМЫ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ СЛОЖНЫХ РАЗВИВАЮЩИХСЯ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

В. С. СТЕПИН¹⁾

¹⁾Российская академия наук, пр. Ленинский, 14, 119991, г. Москва, Россия

Выделены ключевые составляющие методологии социального прогнозирования. Культура представлена как особо важный регулятор социальных отношений. Дана характеристика трех стадий фазового перехода социальной системы к новому уровню ее организации. Отмечено, что наиболее глубокие качественные преобразования общества происходят при переходе к новому типу цивилизационного развития. Охарактеризованы основные социальные риски, связанные с внедрением NBIC-технологий. Обоснована необходимость социально-этической экспертизы научных программ и технологических проектов в сфере биокибернетической модернизации.

Ключевые слова: саморазвивающаяся система; культура; социальные перемены; социальное прогнозирование; тип цивилизационного развития; человекообразная система; биокибернетическая модернизация; социальные риски; социально-этическая экспертиза.

THE PROBLEMS OF FORECASTING OF COMPLEX SOCIAL SYSTEMS DEVELOPING

V. S. STEPIN^a

^aRussian Academy of Sciences, 14 Leninskii Avenue, Moscow 119991, Russia

The article highlights the key components of the methodology of social forecasting. Culture is presented as a particularly important regulator of social relations. The characteristic of three stages of the social system phase transition to a new level of its organization is given. It is noted that the most profound qualitative transformation of society occurs in the transition

Образец цитирования:

Степин В.С. Проблемы прогнозирования сложных развивающихся социальных систем. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;3:4–10.

For citation:

Stepin VS. The problems of forecasting of complex social systems developing. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;3:4–10. Russian.

Автор:

Вячеслав Семенович Стёпин – академик РАН, доктор философских наук, профессор, почетный профессор БГУ; руководитель секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук.

Author:

Vyacheslav S. Stepin, academician of the Russian Academy of Sciences, doctor of science (philosophy), full professor, emeritus professor of the Belarusian State University; head of the section of philosophy, sociology, psychology and law, department of social sciences.
vsstepin@gmail.com

to a new type of civilizational development. The main social risks associated with the implementation of NBIC technologies are characterized. The necessity of social and ethical expertise of scientific programs and technological projects in the field of biocybernetic modernization is substantiated.

Key words: self-developing system; culture; social changes; social forecasting; type of civilizational development; human-sized system; biocybernetic modernization; social risks; social and ethical expertise.

Определение тенденций развития общества в эпоху современных глобальных перемен предполагает явно или неявно принятую методологию социального прогнозирования. Ее целесообразно эксплицировать и отрефлексировать.

Важно выделить две составляющие такой методологии. Во-первых, это представление о структуре и динамике общества. В рамках научного подхода оно репрезентировано современной версией картины социальной реальности как особой формы научного знания, которая вводит системно-структурное видение предмета исследования социально-гуманитарных наук. Во-вторых, это современная концепция системного анализа, в которой акцент сделан на выявлении особенностей сложных саморазвивающихся систем.

В современной научной картине мира общество рассматривается как целостный сложный, исторически развивающийся организм, воспроизводство и изменение которого определяются взаимодействием его главных подсистем – экономики, социальных отношений в больших и малых социальных группах, культуры.

Культура играет здесь особую роль. В современном понимании она предстает как сложноорганизованная и развивающаяся система надбиологических программ человеческой деятельности, поведения и общения людей. Системообразующим основанием таких программ выступают мировоззренческие универсалии (концепты, категории) культуры: *человек, деятельность, природа, личность, рациональность, власть, традиции и новации, добро и зло, вера, надежда, любовь* и т. д. Смыслы мировоззренческих универсалий предстают как фундаментальные жизненные ориентиры и переживаются людьми в качестве базовых ценностей. В жизни общества они функционируют аналогично генам в биологических организмах, образуя в своих связях некий геном социальной жизни. И подобно тому, как возникновение новых биологических видов невозможно без трансформации генома, коренные изменения социальных организмов невозможны без преобразования их культурно-генетического кода, представленного фундаментальными ценностями, смыслами мировоззренческих универсалий культуры.

Из этого следует, что в прогнозировании будущего, если речь идет о коренных переломах в развитии общества, анализ его ценностных оснований

и их изменений является главным и определяющим фактором.

В марксистской концепции общества генератором социальных перемен рассматривается экономика, развитие производительных сил как результата технологических инноваций.

Возникающее в процессе этого развития противоречие между новым уровнем производительных сил и сложившимися ранее производственными отношениями приводит к их смене, трансформации сложившейся макроструктуры общества (классовых, сословных, кастовых отношений) и возникновению новой общественно-экономической формации как особого вида социального организма.

В этой картине социальных перемен выражены многие реальные характеристики эволюции обществ. Но если более детально анализировать процесс укоренения новых производственных отношений и трансформации макроструктуры общества, то обнаруживается, что этот процесс предполагает изменение статуса ранее доминирующих ценностей и формирование новых ценностных ориентиров, новых смыслов мировоззренческих универсалий. И пока они не станут достоянием массового сознания в качестве оснований новой картины жизненного мира, будет длиться эпоха неустойчивостей, противоречий, столкновения различных социальных сил. Духовные революции всегда предшествуют революциям политическим, изменяющим макроструктуру общества и ее социальные институты.

Для понимания, объяснения и предвидения социальных трансформаций, кардинально изменяющих вид общества, недостаточно рассмотреть только то, как организована и как изменяется экономическая жизнь. Нужно саму экономическую жизнь понять с точки зрения доминирующих культурно-генетических кодов, репрезентирующих базисные ценности соответствующих типов общества.

Общество, как целостный организм, а также природная среда (биосфера), в которую оно погружено и с которой непосредственно взаимодействует, и подсистемы общества (экономика, социальная сфера, культура) представляют собой сложные саморазвивающиеся системы. Прогнозирование будущего предполагает выяснение их особенностей функционирования и развития.

Ряд важных структурных особенностей таких систем был зафиксирован в философии Гегеля.

Развивая его идеи, К. Маркс сформулировал методологические принципы анализа сложных объектов и продемонстрировал эффективность этого подхода при исследовании процессов возникновения товарно-денежных отношений, последующего превращения денег в капитал и становления капитализма.

Дальнейшие шаги исследования особенностей саморазвивающихся систем были сделаны уже в науке XX в.: формирование квантово-релятивистской физики и космологии, создание генетики, системные идеи в науках о Земле (В. И. Вернадский), разработка кибернетики, динамики неравновесных систем и синергетики, теории информации и семиотики – все это дало огромный и многообразный материал для системных обобщений, позволивший выделить сущностные характеристики сложных развивающихся систем (природных, социальных и ментальных).

Сложные саморазвивающиеся системы характеризуются иерархической организацией элементов. Все эти системы открыты по отношению к окружающей среде. Они обмениваются с ней веществом, энергией и информацией. В устойчивых состояниях в процессе этого обмена каждая такая система воспроизводится в соответствии с программами саморегуляции. Но эти программы постоянно испытывают возмущающие воздействия внешней среды и могут мутировать под влиянием таких воздействий. В данном случае система входит в стадию качественных перемен (фазовый переход).

Философия характеризует такие этапы как скачок, прерывание постепенности в развитии, переход количественных изменений в качественные, превращение возможности в действительность. В современной науке эти общие характеристики конкретизируются при их описании на языке синергетики. В таком случае фазовые переходы описываются интегрально как возникновение динамического хаоса, точек бифуркации, формирования возможных сценариев развития, действие кооперативных эффектов и режимов с обострением.

Опираясь на эти идеи, можно сделать новые шаги в описании фазовых переходов, представив их интегральные характеристики дифференцированно, во «временной развертке» процесса качественных изменений развивающейся системы.

В своих работах последних лет я предложил выделить внутри фазового перехода три стадии, сменяющие друг друга с течением времени [1, с. 9].

Первая стадия характеризуется возникновением динамического хаоса в условиях, когда предшествующие параметры порядка и соответствующие программы саморегуляции перестают обеспечивать воспроизводство сложной системы в устойчивом состоянии. Возникают точки бифуркации и спектр возможных сценариев развития систе-

мы. Эти сценарии в языке синергетики характеризуются как аттракторы в нелинейной среде. Их множество не бесконечно, оно включает только те сценарии, которые не противоречат сложившимся объективным законам. Реализация любого из этих сценариев определена вероятностной причинностью, зависит от множества случайных факторов, поэтому даже самый маловероятный сценарий может осуществиться.

На второй стадии фазового перехода конкуренция сценариев может выделить некоторые из них в качестве доминирующих, намечающих мейнстрим развития. В этом случае меняются первоначальные вероятности каждого из сценариев. Когда один из них начинает определять русло изменений системы, резко уменьшается вероятность реализации других.

Разумеется, это не исключает возможности появления в качестве мейнстрима развития катастрофического сценария, который может привести к упрощению и разрушению системы. Но если доминирующим становится сценарий, обеспечивающий восходящую тенденцию развития, то возникает своего рода целенаправленное движение системы к новому уровню организации. Главную роль здесь начинает играть целевая причинность.

На завершающем этапе фазового перехода формирование нового уровня организации системы оказывает активное обратное воздействие на ранее сложившиеся уровни, трансформирует их, накладывая определенные ограничения на действие их законов. В результате формируется новая целостность усложнившейся системы, новые программы ее саморегуляции и соответствующие параметры порядка.

Такого рода трансформации выступают важнейшим компонентом эволюции сложных саморазвивающихся систем.

Можно привести множество примеров таких трансформаций применительно к природным, социальным и ментальным системам. Одним из них выступает регулятивная роль культуры по отношению к биогенетическим программам человеческого поведения. Культура, как система надбиологических программ деятельности, поведения и общения людей, не устраняет законов инстинктивного поведения (инстинкты питания, самосохранения, половой инстинкт), но оказывает по отношению к ним регулирующее воздействие, формируя соответствующие традиции, обычаи, социальные нормы (в том числе нравственные и правовые регулятивы), которые определяют допустимые в том или ином обществе рамки инстинктивного поведения.

Синергетика еще не освоила в полной мере особенности этого процесса трансформации ранее сложившихся уровней сложной системы под влиянием возникающих новых уровней. Тем не менее фено-

менологически, в рамках интегрального описания фазовых переходов, было зафиксировано, что в режимах с обострением будущее оказывает влияние на прошлое (см. работы С. П. Курдюмова). Внешне это утверждение выглядит необычно и даже иррационально. Но если принять во внимание, что прошлое запечатлено в ранее возникших структурных уровнях системы, то влияние будущего на прошлое получает вполне рациональное объяснение. Оно выражает принцип, согласно которому условием воссоздания целостности системы при ее усложнении является трансформация ранее возникших уровней под воздействием нового уровня.

Все эти особенности должны учитываться при прогнозировании будущего социальных систем. Если речь идет об этапах относительной устойчивости, то предсказание будущего может быть основано на выявлении программы саморегуляции и пролонгации сложившихся тенденций изменений системы. Но такого рода прогнозы уже не работают, если система входит в состояние фазового перехода. В таком случае принципиально важно определить, на какой стадии этого перехода находится система, и какой тип причинных связей является основанием для предсказания ее будущего.

На стадии фазовых переходов происходят преобразования общества разной степени глубины. Наиболее глубокие качественные преобразования, которые определяют дальнейшую эволюцию общества часто на протяжении многих столетий, осуществляются при переходе к новому типу цивилизационного развития.

В истории человечества было два таких перехода: во-первых, переход от архаических обществ к цивилизациям традиционалистского типа; во-вторых, становление техногенного типа цивилизационного развития, который возник в Европе, а затем распространился по всей планете.

Есть множество оснований полагать, что современные глобальные перемены и сопровождающие их кризисы являются начальной стадией перехода к новому типу цивилизационного развития, третьему по отношению к традиционалистскому и техногенному [2].

В каждой смене типа цивилизационного развития происходит преобразование ценностной матрицы (смыслов универсалий культуры) и формируются новые ценностные ориентиры. Они образуют ядро генетического кода обществ, реализующих соответствующий тип развития. В каждом из таких обществ это ядро соединяется со специфическими видовыми признаками, выражающими исторические особенности культуры того или иного вида общества (цивилизации).

Формирование новой системы ценностей всегда стимулировано нарастанием неустойчивостей и обострением социальных кризисов.

Особенности современной эпохи состоят в том, что впервые в истории человечества возникли глобальные кризисы (экологический, антропологический), дальнейшее обострение которых создает реальные угрозы разрушения цивилизации и даже самоуничтожения человечества. Поэтому принцип сохранения человечества и биосферных условий его существования становится основой оценки тех или иных сценариев развития цивилизации.

На современном этапе на роль доминирующего претендует сценарий, реализованный в потребительских обществах Запада. Он основан на идее роста потребления как условия экономического роста, причем в этот процесс включаются научно-технологические революции, формирующие новые типы технологического уклада. Успехи потребительских обществ в улучшении качества жизни сделали привлекательной организацию экономики по принципу роста потребления.

Этот принцип реализуется через целенаправленное формирование особого менталитета. Программу его формирования, как отмечал известный футуролог Э. Ласло, предложили еще в середине прошлого столетия американские пропагандисты и теоретики свободного рынка. Согласно их идеям необходимо сделать покупки и потребление товаров ритуалом самоутверждения личности, способом удовлетворения собственного Я, приучить людей быстро изнашивать вещи, выбрасывать их как не соответствующие новым запросам, менять их на более модные с возрастающей быстротой. Это будет повышать спрос и стимулировать рост экономики. В конце XX столетия в общественном сознании возникающих потребительских обществ стал утверждаться принцип *чем больше мы потребляем, тем лучше мы живем* [3, с. 70].

Сегодня эта программа экономического роста превратилась в системообразующий фактор глобального рынка. И уже сложились практики, обеспечивающие ускоренное потребление и изнашивание товаров. Многие фирмы начинают упрощать производство, удаляя операции, гарантирующие сохранение качества вещей на более-менее длительный срок. Расширяется объем быстроизнашиваемой и одноразовой продукции. Реклама активно программирует людей на увеличение числа покупок, замену вполне пригодных бытовых вещей на новые, более модные и престижные. По мере ускоренного роста потребления товаров и услуг ускоренно растет количество продуктов, подлежащих утилизации.

Если непредвзято посмотреть на все эти процессы расширяющихся масштабов потребления, то возникает образ иррационального устройства, самоцелью которого является ускоряющееся перемалывание природных ресурсов. Это нечто вроде лукулловых пиров времен Римской империи, когда

участники пира, пресытившись, принимали рвотное, чтобы вновь приступить к потреблению новых кулинарных изысков.

Платой задоминирующий на современном этапе тип экономического роста становится возрастающая угроза катастрофического загрязнения окружающей среды. Как справедливо отмечает Э. Ласло, это путь к экологической катастрофе. Принцип *чем больше мы потребляем, тем лучше мы живем* превращается в свою противоположность.

Сложившаяся сегодня система экономического роста имеет свои ценностные основания. Они корнями уходят в эпоху становления ценностной матрицы техногенного типа цивилизационного развития. Здесь утверждался идеал человеческой деятельности как активного начала, направленного на преобразование окружающего мира, осуществление господства человека над природой. Природа воспринималась в качестве поля для преобразования и неисчерпаемого резервуара ресурсов для деятельности. Эти смысловые ориентиры были альтернативны мировоззренческим установкам традиционалистских культур, в которых мироздание рассматривалось как живой организм, в который включен человек. Активность человека понималась как его адаптация к окружающему миру, самоограничение, призванное обеспечить гармонию человека и мира.

Свойственный техногенной культуре идеал преобразования природы и господства над ней был ментальным основанием эпохи индустриализации в странах Запада, включая ее этапы, получившие наименование первого и второго модернов XX в.

Переход традиционалистских обществ на путь техногенного развития сопровождался внедрением новых идеалов в качестве ценностной доминанты. Традиционалистские мировоззренческие идеи об отношении человека к природе лишь отчасти сохранялись как архетипы массового сознания и уже не имели решающего значения в организации экономической жизни.

Доминирование сложившихся в эпоху становления техногенной цивилизации идеалов взаимодействия человека с природой было проблематизировано в XX столетии.

Развитие науки в эту историческую эпоху установило, что природная среда, с которой человек непосредственно взаимодействует, – это целостный живой организм, глобальная экосистема, биосфера. Производственная деятельность людей оказывает на нее возрастающее воздействие, которое может породить локальные, а затем и глобальные экологические кризисы. Эти представления вошли в научную картину мира и обрели мировоззренческий смысл.

Значительный вклад в формирование их мировоззренческого статуса внесли философские идеи русского космизма, разработка В. И. Вер-

надским концепции биосферы и ноосферы, идеи Римского клуба о пределах роста, современные концепции экологической этики (Дж. Б. Калликот, Л. Уайт, Р. Атфилд) [4, с. 115–130; 5, с. 1203–1207; 6, с. 20–33].

Как обобщение всех этих идей идеал господства над природой был трансформирован в идеал коэволюции человека и природы.

Этот кластер новых ценностей, возникающих в точках бифуркации техногенной культуры, сопрягается с возникновением в наше время нового понимания научной рациональности и технологической деятельности. Такое понимание было генерировано расширением предметной области научно-технологического освоения.

В современную эпоху главными объектами прорывных научных исследований и технологий становятся сложные саморазвивающиеся системы. Среди них особое место занимают человекообразные системы, включающие человека в качестве своего компонента. Примерами таких систем являются биосфера, биогеоценозы, все социальные объекты в их развитии, объекты современных конвергентных NBIC-технологий (нано-, биотехнологии, информационные и когнитивные технологии).

Деятельность со сложными развивающимися системами имеет свои особенности. Она не выступает в роли чисто внешнего фактора по отношению к системе, а включается в нее, актуализируя те или иные тенденции ее развития.

При исследовании саморазвивающихся систем всегда появляется проблема анализа сценариев, возникающих на стадии фазовых переходов. Среди этих сценариев могут быть неблагоприятные и даже катастрофические для человека.

В качестве примера можно сослаться на сценарии освоения NBIC-технологий и, в частности, на перспективы современных биотехнологий.

Обычно внимание центрируют на их позитивных перспективах, открывающих новые возможности излечения ранее неизлечимых наследственных болезней, возможности выращивания из стволовых клеток различных органов, которые не отторгаются иммунной системой и могут заменить путем трансплантации поврежденные органы человеческого тела. Отмечают, что применение современных технологий в медицине открывает реальные возможности значительного продления человеческой жизни.

Но, констатируя эти впечатляющие перспективы, не всегда акцентируют внимание на вероятных рисках, среди которых есть и опаснейшие сценарии радикальной биокрибернетической трансформации человека. Уже высказаны идеи о необходимости киборгизации человека как условия его успешного управления будущими роботами, способными совершенствовать первоначально заложенную в них программу действий. Сложилось направление так

называемого трансгуманизма, которое рассматривает человека как промежуточную ступень к более высокой стадии мыслящих существ, возникающих как продукт информационных и биогенетических технологий, а затем продолжающих новую, уже постчеловеческую линию эволюции.

Прогнозы трансгуманистов о будущем человечества хотя и включают фантастические и умозрительные компоненты, тем не менее фиксируют реальные возможности катастрофического для человечества сценария постепенного самоуничтожения.

Сегодня уже существуют и реализуются проекты генетического улучшения отдельных свойств человека в целях более успешного выполнения им определенных видов деятельности. Есть, например, проект создания идеального солдата, который посредством генетических изменений и внедрения в мозг особых чипов обретет способности видеть и слышать в значительно большем диапазоне, чем обычный человек, обладать большей быстротой ответных реакций и иметь иной (сниженный) инстинкт самосохранения. В этом ключе выдвигают идеи о производстве нового типа субъектов деятельности, способных успешно выполнять работы в условиях, крайне опасных для обычных людей. Существуют проекты генетических изменений, позволяющих человеку наращивать мускульные усилия, преодолевать кислородное голодание при длительных нагрузках (выращивание будущих олимпийских чемпионов) и т. п.

В принципе сегодня такого рода проекты вполне реализуемы и некоторые из них уже разрабатываются. В этой связи возникает ряд вопросов. Как будет воспринимать мир человек, превращаемый в идеального солдата, если у него зрительные и слуховые образы будут кардинально отличаться от обычных? Весь строй человеческой психики и поведенческих реакций в этом случае может радикально измениться. Как возможна коммуникация обычных людей с этими искусственно сконструированными индивидами? Как их рассматривать – в качестве людей иной расы или в качестве киборгов? Какой будет судьба, допустим, идеального солдата, когда он утратит необходимые функции в процессе старения и с появлением более совершенных образцов? Если он киборг, вид биоробота, то вполне допустима его утилизация как непригодного изделия. Но если это человек, то он должен продолжить свою жизнь и после увольнения из армии. Однако он узкоспециализирован (своего рода военная машина) и может зарабатывать на жизнь, например, в качестве киллера и террориста. Не превратится ли создание идеального солдата в изготовление идеальных террористов?

Тенденция конструирования самых различных генетически специализированных индивидов, приспособленных для осуществления строго опреде-

ленных видов деятельности, может радикально изменить структуру общественной жизни. Не произойдет ли трансформация человеческого общества в нечто подобное таким популяциям насекомых, как, например, муравейник, где есть генетически запрограммированные особи – муравьи-солдаты, муравьи-няньки, муравьи-рабочие, муравьиная матка и т. п.

Человек – биосоциальное существо. Его жизнедеятельность регулируется двумя типами взаимосвязанных программ – биогенетическими программами и культурой. И если трансформируется биогенетическая составляющая человеческой жизнедеятельности, это неизбежно приведет к трансформации культуры. Ценности, вырабатываемые человечеством на протяжении многих столетий социальной эволюции, могут быть разрушены.

В своей книге «Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции» известный американский политолог Ф. Фукуяма отмечает, что ценности правового равенства и прав человека теряют свою значимость, если биотрансформация создаст радикально отличные друг от друга постчеловеческие «квазирасы» [7, с. 159–163, 306–308].

Понимание человека как предмета и средства рыночных отношений открывает пути к внедрению самых рискованных технологий «биокибернетической» модернизации. Современный рынок в принципе готов принять эти технологии «биокибернетического» совершенствования человека как очередное ноу-хау, способное приносить огромные прибыли, так же как приносят их технологические новации в области машиностроения, изготовления новых материалов, компьютерные разработки и т. п.

В этих условиях резко возрастает значимость анализа сценариев риска и их оценка. Такой анализ осуществляется в форме социально-этической экспертизы научных программ и технологических проектов.

При исследовании и технологическом освоении сложных развивающихся человекообразных систем эта экспертиза органично включается в исследовательскую и технологическую деятельность в качестве особой составляющей. Тем самым видоизменяются сложившиеся в техногенной культуре ценностные установки, регулирующие научно-технологическую деятельность.

Фундаментальные принципы научного этоса – установки на поиск объективной истины (*Платон мне друг, но истина дороже*) и постоянное наращивание истинного знания (ценность новизны научного открытия) в классическую эпоху были и необходимы, и достаточны для успехов научного исследования. В современную эпоху они сохранились как необходимые, но стали уже недостаточными.

Социально-этическая экспертиза предполагает при оценке сценариев развития соотношение внутреннего этоса науки с общечеловеческими гуманистическими ценностями. Такое соотношение не только не противоречит принципу объективности научного исследования, но выступает условием реализации этого принципа.

Включение в состав научного знания о человеке разномасштабном объекте экспертных оценок тех или иных сценариев его развития уже намечает тенденции технологического применения научных достижений. Эти тенденции конкретизируются в процессе проектирования и дополнительной социально-гуманитарной экспертизы технологических проектов. В наиболее продвинутых современных образцах такая конкретизация обеспечивает привязку создаваемых технологий к особенностям той природной и социальной среды, в которую они внедряются. В этом случае проектируется не только технология, но целостный комплекс *технология – экосреда – социокультурная среда, принимающая технологию*, и весь этот комплекс рассматривается в развитии. Такой подход соответствует идеалу сохранения человека и биосферной среды его жизнедеятельности.

Эффективность социально-гуманитарной экспертизы во многом зависит от применения в ней

достижений социально-гуманитарных наук. Эти науки в процессе исследования и технологического освоения сложных систем активно взаимодействуют с естественными и техническими науками, образуя междисциплинарные комплексы знаний, необходимые для решения конкретных исследовательских и практических задач.

В ближайшем будущем человечество, осваивая конвергентные технологии, столкнется с новыми проблемами, решение которых потребует нового уровня социально-гуманитарных научных исследований. Роботизация и применение информационных технологий ставят задачу изменения стратегий обучения и подготовки специалистов. Возникают вопросы: как перестроить процессы обучения и организовать воспитание нового поколения с детского возраста?

Проблемы формирования человеческого сознания в контексте изменений культуры должны быть осмыслены как определяющие все другие сферы человеческой жизнедеятельности. И такое осмысление невозможно без наращивания потенциала социально-гуманитарных наук.

В этой связи уместно напомнить высказывание известного этнолога и культуролога К. Леви-Стросса: «XXI век будет веком социально-гуманитарных наук, либо его вообще не будет».

Библиографические ссылки

1. Стёпин ВС. Цивилизация в эпоху перемен: поиск новых стратегий развития. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;3:6–11.
2. Стёпин ВС. *Философская антропология и философия культуры: избранное*. Москва: Академический проект; 2015. Совместное издание с «Альма Матер».
3. Ласло Э. *Макросдвиг: к устойчивости мира курсом перемен*. Москва: Тайдекс Ко; 2004.
4. Callicott JB. Conceptual Resources for Environmental Ethics in Asian Tradition of Thought: a propaedeutic. *Philosophy East and West*. 1987 April;37(2):115–130.
5. White LJr. The Historical Roots of Our Ecologic Crisis. *Science*. 1967 March 10;155(3767):1203–1207. DOI: 10.1126/science.155.3767.1203.
6. Attfield R. *The Ethics of Environmental Concern*. New York: Columbia University Press; 1983.
7. Фукуяма Ф. *Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции*. Москва: АСТ; 2004. Совместное издание с «Люкс».

References

1. Stepin VS. Civilization in the epoch of changes: search for new development strategies. *Journal Belarusian State University. Sociology*. 2017;3:6–11. Russian.
2. Stepin VS. *Filosofskaya antropologiya i filosofiya kultury: izbrannoe* [Philosophical anthropology and philosophy of culture]. Moscow: Akademicheskii projekt; 2015. Co-published by the «Alma Mater». Russian.
3. Laszlo E. *Macroshift: Navigation the Transformation to a Sustainable World*. Berrett-Koehler Publishers; 2002. Russian edition: Laszlo E. *Makrosdvig: k ustoichivosti mira kursom peremen*. Moscow: Taideks Ko; 2004.
4. Callicott JB. Conceptual Resources for Environmental Ethics in Asian Tradition of Thought: a propaedeutic. *Philosophy East and West*. 1987 April;37(2):115–130.
5. White LJr. The Historical Roots of Our Ecologic Crisis. *Science*. 1967 March 10;155(3767):1203–1207. DOI: 10.1126/science.155.3767.1203.
6. Attfield R. *The Ethics of Environmental Concern*. New York: Columbia University Press; 1983.
7. Fukuyama F. Our Posthuman Future. Consequences of the Biotechnology Revolution. New York: Picador; 2002. Co-published by the «Farrar, Straus and Giroux».
- Russian edition: Fukuyama F. *Nashe postchelovecheskoe budushchee. Posledstviya biotekhnologicheskoi revolyutsii*. Moscow: AST; 2004. Co-published by the «Lux».

Статья поступила в редколлегия 20.05.2018.
Received by editorial board 20.05.2018.

КОНТУРЫ ГРЯДУЩЕГО: ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЭКОНОМИКИ И ДРУГИХ СФЕР ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Е. М. БАБОСОВ¹⁾

¹⁾Институт социологии Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Представлен ряд подходов к определению содержания понятия «цифровая экономика». Охарактеризованы суть и основные процессы информационно-коммуникационной революции. Высокая производительность труда и неразрывно связанное с ней повышение конкурентоспособности предприятий проанализированы как основные результаты цифровизации экономики. Рассмотрены ключевые особенности стремительной цифровизации экономики и других сфер жизнедеятельности современного общества: возрастание роли креативно мыслящего и действующего субъекта, существенное повышение производительности труда, переход к индустрии 4.0, широкое распространение блокчейна, развитие сферы применения криптовалют, интенсификация использования больших данных.

Ключевые слова: цифровая экономика; гибридный мир; информационно-коммуникационная революция; цифровые дивиденды; производительность труда; конкурентоспособность; блокчейн; криптовалюта; большие данные; креативный субъект.

THE OUTLINES OF THE FUTURE: DIGITALISATION OF THE ECONOMY AND OTHER SPHERES OF HUMAN ACTIVITY

Е. М. BABOSOV^a

^aInstitute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

The article presents a number of approaches to the definition of the concept of «digital economy». The essence and basic processes of information and communication revolution are characterized. High labor productivity and inextricably linked with it increase of competitiveness of enterprises are analyzed as the main results of digitalization of the economy. The key features of the rapid digitalization of the economy and other spheres of modern society: the increasing role of subject creative thinking, a significant increase in productivity, the transition to industry 4.0, widespread blockchain, development of the scope of cryptocurrency, intensification of the use of big data are considered.

Key words: digital economy; hybrid world; information and communication revolution; digital dividends; labor productivity; competitiveness; blockchain; cryptocurrency; big data; creative subject.

Впервые термин «цифровая экономика» в научной литературе начали употреблять канадский исследователь Дон Тапскотт (Торонтский университет) и американский ученый Николас Негропonte (Массачусетский технологический инсти-

тут). Первый из них в 1994 г. выпустил книгу под названием «Цифровая экономика», а второй ввел данное словосочетание в употребление в научном сообществе в 1995 г. Но достаточно долгое время этот термин существовал в своеобразном анабиозе.

Образец цитирования:

Бабосов ЕМ. Контуры грядущего: цифровизация экономики и других сфер жизнедеятельности человека. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2018;3:11–23.

For citation:

Babosov EM. The outlines of the future: digitalisation of the economy and other spheres of human activity. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;3:11–23. Russian.

Автор:

Евгений Михайлович Бабосов – академик НАН Беларуси, доктор философских наук; главный научный сотрудник.

Author:

Evgenii M. Babosov, academician of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (philosophy); chief researcher.
babosov@yandex.ru

тическом состоянии, поскольку его использование было sporadическим и редким. Лишь на рубеже XX–XXI столетий его употребление начало приобретать все более широкий, нарастающий, каскадный характер. В настоящее время термином «цифровая экономика» все чаще в своих выступлениях, дискуссиях, публикациях пользуются ученые, преподаватели, журналисты, предприниматели, политические деятели. Однако до сих пор его содержание остается неоднородным и многие попытки концептуализации данного феномена существенно расходятся друг с другом. Чаще всего цифровую экономику характеризуют как ту часть экономических отношений в процессах производства, обмена и потребления, которая опосредуется интернетом, сотовой связью, информационно-коммуникационными технологиями.

Профессор Тихоокеанского государственного университета А. Зубарев считает, что ключевым отличительным признаком цифровой экономики является техноцифровая природа экономических отношений. В его понимании цифровая экономика представляет собой системную совокупность экономических отношений по поводу производства, распределения, обмена и потребления товаров и услуг техноцифровой формы существования [1, с. 178].

В ином ракурсе интерпретируют этот социально-экономический феномен авторы книги «Введение в “Цифровую” экономику»¹. В их истолковании «цифровая (электронная) экономика – это экономика, характерной особенностью которой является максимальное удовлетворение потребностей всех ее участников за счет использования информации, в том числе персональной. Это становится возможным благодаря развитию информационно-коммуникационных и финансовых технологий, а также доступности инфраструктуры, вместе обеспечивающих возможность полноценного взаимодействия в гибридном мире всех участников экономической деятельности: субъектов и объектов процесса создания, распределения, обмена и потребления товаров и услуг» [2, с. 12].

Как отмечает О. Русин, «цифровая экономика – это не целостная экономика, а ее сектор, состоящий из электронных товаров и услуг (в том числе по выбору и заказу реальных товаров). Полноценная цифровая экономика возникнет, когда появится виртуальная реальность и стоимость приобретенных в этой реальности реальных товаров и услуг превысит стоимость реальных товаров и услуг, приобретаемых за ее пределами» [3].

Сходные позиции в понимании и истолковании цифровой экономики как результата синтеза реального и виртуального миров имеют профессор экономического факультета БГУ М. Ковалев и стар-

ший преподаватель БГУ Г. Голованчик, российские социологи Д. Литвинов, А. Крикунов, доктор экономических наук, член-корреспондент РАН В. Иванов. Гибридную интерпретацию цифровизации экономики развивает директор Института экономики НАН Беларуси В. Бельский. Ученый утверждает, что рассматриваемый феномен – это «экономика, существующая в условиях “гибридного мира”». Сам же гибридный мир, в толковании В. Бельского, представляет собой «результат слияния реального и виртуального миров, отличающийся возможностью совершения всех действий в реальном мире через виртуальный» [4].

Формирование и развитие цифровой экономики является естественным и необратимым процессом, возводящим всю совокупность экономических процессов и сопряженных с ними сдвигов в производстве, науке, образовании, здравоохранении, культуре на более высокий уровень эффективности. Важный и существенный отличительный признак цифровой экономики состоит в том, что она переводит свои ресурсы – производственные, финансовые и др. – в информационные сообщения и на базе этого развивает интеллектуально емкие трудовые процессы. Перемещения информационно-коммуникационных потоков в экономической сфере обретают квантовые скорости и занимают доминирующие позиции в ней. Такая особенность резко ускоряет экономическое развитие, рост производительности труда и повышение конкурентоспособности предприятий.

В докладе Всемирного банка за 2016 г. «Цифровые дивиденды» [5] подчеркивается, что в мире происходит величайшая информационно-коммуникационная революция. Ее содержательное ядро составляют три взаимосвязанных процесса: 1) широкое распространение интернета, мобильной связи, информационно-коммуникационных технологий становится основой для создания цифровой экономики; 2) цифровая экономика многих стран мира находится в стадии бурного развития; 3) цифровая экономика ведет к радикальному преобразованию мира со знаком «плюс». Существенной особенностью цифровой революции, как утверждается в указанном докладе, стало то, что ныне социальные сети соединяют фирмы, граждан и правительства прочнее, чем когда бы то ни было прежде. К тому же цифровая революция сразу принесла выгоды частным лицам: стало проще и удобнее общаться и получать информацию, появились бесплатные цифровые продукты, возникли новые формы досуга.

«Цифровые дивиденды» обществу, согласно докладу, реализуются в виде более высокой производительности труда, повышения конкурентоспособности компаний, снижения издержек произ-

¹Сохранена орфография оригинала. – Е. Б.

водства, ослабления признаков стагнации (за счет ускоренной реализации товаров и услуг, создания новых рабочих мест, роста занятости и снижения безработицы, уменьшения бедности и официального неравенства). Кроме того, «цифровые дивиденды» в перспективе приведут к более полному удовлетворению потребностей человека, более широкому развитию электронного банкинга, электронных платежей, электронной торговли, заказов товаров и услуг через интернет-магазины и интернет-офисы.

Конечно же, все эти социально-экономические трансформации, вызываемые развитием цифровизации экономики, позитивным образом сказываются на уровне и качестве жизни человека. Благодаря развитию цифровых технологий потребитель может получать быстрее необходимые ему товары и услуги, экономить свои средства, покупая продукты по более низким ценам на оптовой закупке в интернете. Кроме того, можно оформить в интернете доставку готовой еды на дом, совершить денежный перевод на счет другого человека или организации через мобильный банк, зарегистрировать транспортное средство через портал государственных услуг.

Итак, по своей значимости в развитии цифровизации экономики первостепенную роль играют высокая производительность труда и неразрывно связанное с ней повышение конкурентоспособности предприятий, фирм, компаний. Дело в том, что цифровая экономика опирается на новые с исторической точки зрения источники производительности, которые делают экономику особенной. К числу таких источников относятся прежде всего новые технологические изменения (инновации) в процессах производства, повышение уровня образованности рабочей силы, нарастающая прибыльность производственной деятельности, оптимизация государственного регулирования экономической деятельности, приводящие в своем синергетическом взаимодействии к повышению конкурентоспособности предприятий и росту производительности. Гарантом успеха управленческой стратегии в таких условиях, как отмечает М. Кастельс, «является позиционирование фирмы (или конкретного производственного проекта) внутри сети так, чтобы получить конкурентное преимущество для данной конкретной позиции» [6, с. 108].

Органическая сопряженность трех названных факторов в развитии цифровизации экономики в их тесной связи с социальной политикой государства приводит к ослаблению кризисов, созданию новых рабочих мест и снижению безработицы. Цифровизация экономики также способствует возрастанию прозрачности и большей обзоримости существующих в стране общественно-экономических отношений. А это, в свою очередь, влечет за собой сужение разворота бюрократии и идущей

с ней об руку коррупции. Всякого рода «откаты», незаконные «подношения», вымогательства со стороны чиновников по отношению к гражданам, мелкому и среднему (реже – крупному) бизнесу становятся более затруднительными. Сложнее станет оформлять денежные суммы и недвижимость, личный транспорт на подставных лиц и проводить другие незаконные мошеннические сделки.

Эти особенности развития цифровой экономики обстоятельно анализируются весьма влиятельным среди специалистов по цифровым технологиям экспертом Д. Тапскоттом – председателем исследовательского объединения, занимающегося разработкой проблем электронного бизнеса. Квинтэссенцией развиваемой им доктрины является выделение и характеристика пяти взаимосвязанных элементов, составляющих основные звенья цифровизации общества. Они таковы:

- эффективная личность – человек, вооруженный мультимедийным компьютером;
- высокопроизводительный коллектив – рабочая группа, взаимодействующая на основе компьютерных технологий;
- интегрированное предприятие – корпорация, обладающая целостной внутренней информационной структурой;
- расширенное предприятие – несколько разных организаций, связанных межкорпоративными компьютерными сетями;
- деловая активность в межсетевой среде – глобальное цифровое сообщество, интернет.

Исследователь также называет ряд факторов, в совокупности превращающих информационную магистраль в основу новой экономики. Среди них – переход от аналоговой техники к цифровой, от полупроводников к микропроцессорам, от централизованных вычислений к архитектуре *клиент – сервер*, от раздельного существования данных, текста, изображения и звука к мультимедиа, от специализированных систем к открытым. Большое значение Д. Тапскотт придает сокращению транзакционных издержек, прежде всего издержек неполноты информации при заключении договоров, влекущему за собой появление новых форм бизнеса, исключение посредников и прямое взаимодействие потребителя и поставщика [7, с. 24–28].

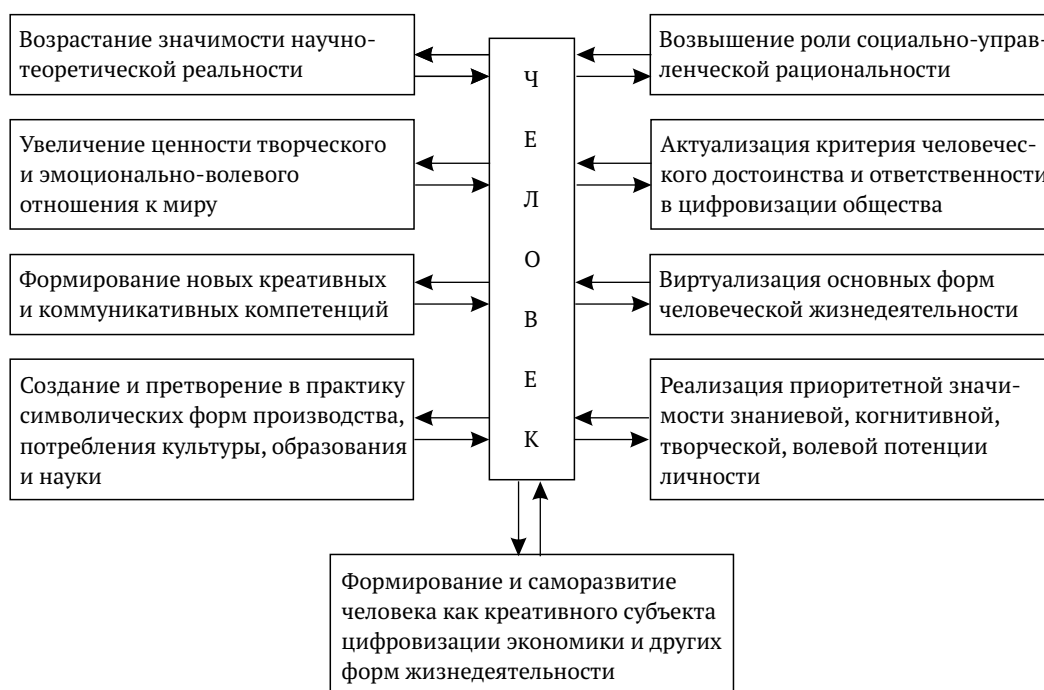
Во всех этих изменениях центральную креативную роль, по мнению Д. Тапскотта, выполняют «цифровые люди», которые в своей совокупности составляют *N-Generation* – «сетевое поколение». Представители этого поколения окружены цифровыми медиа, разбираются в компьютерах и их использовании, являются высокомотивированными и социально ответственными людьми, эффективно включенными в цифровую экономику личностями, ориентированными на знания, владеют цифровой формой представления и использова-

ния информации и ее практического применения [7, с. 47–49].

Данная позиция разделяется и конкретизируется многими российскими и белорусскими исследователями. Так, профессор А. Зубарев подчеркивает, что в цифровой экономике «ценность компаний и фирм, их конкурентоспособность все в большей мере определяются не только материальным имуществом, а скорее нематериальным: знаниями людей, человеческими капиталами, идеями, искусственным интеллектом и стратегической совокупностью интеллектуальной собственности (обладанием идеями, инновационными цифровыми технологиями, обеспечивающими стратегическое превосходство фирмы над конкурентами». Эффективность таких компаний «обеспечивается в первую очередь настойчивостью, коммуникабель-

ностью персонала, коллегиальностью принимаемых решений и индивидуальным подходом к пользователям сетей (потенциальным покупателям) на основе технологий *big data*» [1, с. 182]. *Big data* (большие данные) – это технология принятия решений на основе больших объемов информации в целях получения воспринимаемых человеком результатов.

Но как бы ни расширялись объемы и социальное пространство создаваемых и используемых в различных целях массивов информации и как бы ни сжималось (вплоть до мгновения) время их распространения, основным субъектом цифровизации экономики и других сфер жизнедеятельности является человек. Его центральное место в развитии цифровизации общества визуализировано на рисунке.

Человек – основной субъект и объект цифровизации всех сфер общества
Man is the main subject and object of digitization of all spheres of society

В наиболее перспективных, но не развитых «прорывных интонациях» цивилизационной экономики и других сфер жизнедеятельности общества всегда первична личность креативного исследователя, который видит дальше, проникает в сущность изучаемых процессов и явлений глубже других, способен точнее ставить и решать назревшие проблемы цифровизации общества и осуществлять практическую реализацию достигнутых результатов. В связи с этим новые грани актуальности приобретает очень верное суждение М. Полани: «Будучи человеческими существами, мы неизбежно вынуждены смотреть на Вселенную из того центра, что находится внутри нас, и говорить о ней в терминах человеческого языка, сформиро-

ванного насущными потребностями человеческого общения. Всякая попытка исключить человеческую перспективу из мира неминуемо ведет к бессмыслице» [8, с. 20].

Такой центр не является нейтральным к процессам цифровизации, а наделен личностными характеристиками – мотивами, интересами, потребностями, мировоззренческими установками, жизненными ориентациями, которые побуждают человека накладывать своеобразную «антропологическую печать» на многоликую панораму цифровизации общества.

Стержневым направлением развертывания цифровизации экономики становится переход к индустрии 4.0 (*Industry 4.0*), которая приводит к компью-

теризации рабочих мест и производственного оборудования, использованию современного программного обеспечения по подготовке производства, управлению необходимыми для повышения его эффективности ресурсами, созданию на промышленном предприятии единого информационного пространства, в котором производственный персонал с помощью автоматизированных систем управления сможет оперативно и своевременно обмениваться необходимой информацией. Все эти процессы в своем синергетическом взаимодействии и взаимоусилении приводят к возрастанию эффективности производительности труда, повышению качества выпускаемой продукции, освоению новых технологий, снижению стоимости и сокращению времени на изготовление продукции, автоматизации производственной деятельности на всех этапах, экономии в использовании ресурсов, роботизации рутинных производственных действий и управлению ими специалистами, обладающими глубокими знаниями в области информационных технологий.

В цифровизирующейся экономической среде, как правило, преуспевающими предприятиями и компаниями становятся те, которые постоянное улучшение качества выпускаемой продукции осуществляют в первую очередь за счет новых цифровых технологий и цифровизированного продвижения товаров и услуг к потребителю. В современной цифровизирующейся экономике информационные компьютерные технологии существенно снижают, а следовательно, делают менее длинными связи между компаниями, банками и населением, убирая излишние для производства и потребления длинные цепочки посредничества и ускоряя тем самым операции купли-продажи, кредита, аренды, уплаты налогов и других платежей и расчетов.

В процессе развития цифровой экономики основным фактором роста становятся высокоинтеллектуальные когнитивные технологии, способные обрабатывать информацию, находящуюся в неструктурированном, чаще всего текстовом виде. Они могут не следовать заданному алгоритму, но способны учитывать множество сторонних факторов и самообучаться, используя результат прошлых вычислений и внешние источники информации. Благодаря использованию когнитивных технологий существенно снижаются трудозатраты на рутинную офисную работу, такую, в частности, как обработка стандартных документов, подготовка деклараций, договоров, проведение платежных расчетов и т. д.

Кроме того, цифровизация экономики позволяет внести кардинальные улучшения в производственные процессы, проектно-конструкторские работы, использование сырья и материалов, а также в процессы управления цепочками поставок и ре-

гулирование жизненного цикла продукта, получать широкий спектр продукции в требуемых объемах, сохраняя эффективность массового производства и гибкость опытного производства.

Разработка и внедрение новых технологий в процессе цифровизации экономики позволяют получать большое количество позитивных экономических и социальных эффектов. Главный из них – повышение производительности труда. Данный эффект приводит к расширению капитализации производственной деятельности, формированию и развитию новых рынков товаров и услуг. Наряду с этим возрастает эффективность утилизации ресурсов, таких как активы, капиталы, компетенции. Все это повышает конкурентоспособность предприятий и компаний. Внедрение интернета вещей приводит к улучшению качества жизни индивидов и социальных групп.

В процессе цифровизации экономики, производства, обмена, сбыта и потребления производимых товаров возрастающую роль выполняет технология блокчейн – выстроенная по определенным правилам непрерывная последовательная цепочка блоков, содержащих информацию. Применение шифрования гарантирует, что пользователи могут изменять только те части цепочки блоков, от которых у них есть закрытые ключи.

Блокчейн представляет собой методологию распределения баз данных, не имеющих единого центра, а каждая запись при этом содержит информацию истории их формирования и развития, вследствие чего предельно затруднена фальсификация данной информации. Отличительные особенности технологии блокчейн заключаются в следующем:

- 1) данные многократно продублированы и хранятся в распределенной сети, созданной и поддерживаемой всеми участниками, что делает ее взлом практически нереализуемым;
- 2) каждая информационная запись содержит предысторию, что дает возможность проверить происхождение информации и ее подлинность;
- 3) особенности построения базы данных делают ее чрезвычайно устойчивой к хакерским атакам или противоправным действиям [2, с. 10].

Данная информационная технология действует на основе заданных алгоритмов как децентрализованная последовательность блоков, содержащих в себе информацию о совершенных в них операциях с базами данных. По мере развития информатизации экономики и других сфер жизнедеятельности людей происходит существенное расширение сферы блокчейна. Он составляет технологическую базу для формирования реестра недвижимости, применяется в осуществлении государственного регулирования производства товаров и услуг, развитии кредитования, процессе

голосования на выборах депутатов, использовании смарт-контрактов, обращении ценных бумаг, установлении идентификации клиентов банков, распределении социальной помощи нуждающимся гражданам, осуществлении денежных переводов, операциях с криптовалютами.

Применение блокчейна позволит отказаться от использования бумажных документов в различных областях жизнедеятельности человека и общества, поможет экономить средства на хранение данных. Кроме того, эта технология дает возможность увеличить оперативность и эффективность различных выплат – заработной платы, пенсий, стипендий – с помощью использования криптовалюты. Следует также иметь в виду, что по технологии блокчейн работают так называемые биллинговые системы, вычисляющие стоимость услуг связи для каждого клиента и хранящие информацию обо всех тарифах и других стоимостных характеристиках, которые используются телекоммуникационными операторами для выставления счетов абонентам и взаиморасчетов с другими поставщиками услуг. Все это дает основание утверждать, что в процессе цифровизации различных сфер деятельности происходит криптолизация и блокчейнизация современного общества.

Обобщая и осмысливая все изложенное, можно с достаточной обоснованностью утверждать, что широкое применение технологии блокчейн революционизирует экономические процессы, делает их более рентабельными при относительно меньших рисках, приводит к повышению стоимости высококвалифицированного труда и его оплаты, создает основные структурно-институциональные условия для расширения применимости цифровых технологий.

Стремительное развитие цифровизации экономики и других сфер жизнедеятельности современного общества позволяет выделить и охарактеризовать целый ряд положительных особенностей данного многогранного феномена.

Первая особенность цифровизации экономики заключается в том, что вдумчивым и креативно действующим субъектом ее развития является человек. Научно-теоретическая и социально-управленческая рациональность, эмоционально-волевая устремленность, креативная и коммуникативная компетентность, высокая ответственность за результаты творческой деятельности и высокий волевой потенциал творческой личности составляют неиссякаемый резервуар инновационного созидательного потенциала личности и в своем синергетическом взаимодействии превращают человека в главное действующее лицо, строгого оценителя и требовательного потребителя всех достижений цифровизации экономики и других областей жизнедеятельности современного общества.

Вторая принципиально важная особенность заключается в том, что цифровизация экономики приводит к существенному росту производительности труда – главного источника созидания всех материальных и духовных ценностей – и неразрывно связанному с ним повышению конкурентоспособности предприятий, фирм, компаний и производимых ими товаров и услуг на внутреннем и международном рынках.

Третья особенность цифровизации экономики проявляется в том, что стержневым направлением ее развития становится переход к индустрии 4.0, в русле которого осуществляется компьютеризация рабочих мест и производственного оборудования, применяется современное программное обеспечение по подготовке производства и управлению им, ориентированное на включение в производственные процессы необходимых для роста его эффективности людских, материальных, технических, финансовых ресурсов, повышение качества выпускаемой продукции и сокращение времени на ее производство.

Развертывание многокомпонентного процесса «индустрия 4.0» включает в себя следующие этапы:

1) переход от простой информатизации (третья промышленная революция) к инновациям, базирующимся на интеграции технологий (четвертая технологическая революция), что вынуждает компании пересмотреть свои производственные процессы;

2) сближение физического, цифрового и биологического миров, что приводит к появлению новых технологий и платформ на базе киберфизических систем, включающих в себя умные машины, системы хранения и передачи данных, производственные мощности, которые в комплексе способны автономно обмениваться информацией, вызывать действия и контролировать друг друга, а это влечет за собой не только изменение производственных процессов в промышленности, но и преобразование бизнес-процессов в целом и взаимосвязей между экономическими субъектами;

3) развитие интернета услуг как в пределах организации, так и между компаниями, что позволяет создать новые цепочки формирования стоимости и найти новые пути доставки товаров потребителю;

4) широкое применение промышленного интернета вещей, облачных технологий, аналитики больших данных, роботизации трехмерного моделирования 3D-принтеров и искусственного интеллекта, дополненной реальности, горизонтальных и вертикальных интеграций, что приводит к созданию аддитивного производства и обеспечению кибербезопасности.

Четвертая важная отличительная черта цифровизации экономики и других сфер жизнедея-

тельности общества проявляется в широком распространении блокчейна, представляющего собой многофункциональную и многоуровневую информационную технологию, предназначенную для надежного учета различных активов и охватывающую множество областей применения. Технология блокчейн функционирует как механизм верификации всех транзакций в социальных сетях, которые могут совершаться любыми валютами, финансовыми контрактами, материальными и нематериальными активами. Ее можно применять не только для транзакций, но и для фиксации, отслеживания, мониторинга и совершения операций с любыми активами. Децентрализованная модель блокчейн-технологии предполагает возможность различных видов взаимодействия между людьми, между человеком и машиной, между машинами в локальном, региональном и глобальном масштабах. Блокчейн может применяться на рынке интеллектуальной собственности (для регистрации патентов), в сфере обеспечения безопасности электронных кошельков потребителей, издательской сфере, при реализации программных идей в области исследований искусственного интеллекта, в координации различных видов взаимодействий между людьми, в государственном регулировании экономики и других сфер развития в обществе [9, с. 13, 16, 61]. Кроме того, технологии блокчейн можно с успехом применять в здравоохранении (оцифровка медицинских данных, электронная аптека и др.), развитии образования, массовой культуры.

Актуальность применения блокчейна в различных сферах деятельности приводит к резкому, каскадному росту количества людей, стремящихся овладеть IT-специальностями. Если в 2016 г. в Беларуси были размещены единичные вакансии для работы над блокчейн-проектами, то за 2017 г. опубликовано более 150 таких вакансий. При этом требуются не только программисты – нужны маркетологи, проект-менеджеры, специалисты по продажам, бизнес-аналитики, юристы и другие специалисты, без которых бизнес в современном мире существовать не может. Наиболее важные требования, которые предъявляются к этим специалистам, – знание принципов работы блокчейн-проектов и высокий уровень владения иностранным языком. В Институте повышения квалификации и переподготовки кадров БНТУ по IT-специальностям вместо предусмотренных планом набора 25 слушателей в первую же группу зачислили почти 50, а в апреле 2018 г. начали обучать во второй группе еще 60 человек, чтобы удовлетворить ажиотажный спрос. Осенью на эту специальность зачислят еще 200 слушателей, и звонки с вопросами о новой специализации все идут. Повышенный интерес понятен: в требованиях некоторых вакансий (особенно велико их число на те-

матических ресурсах) все чаще мелькает строчка «глубокие знания блокчейн-технологии» или «разработка стратегии проведения ICQ». Судя по всему, эта тенденция будет нарастать, так как проникновение технологии блокчейн в различные области жизнедеятельности общества становится многоликим и всеобъемлющим.

Важным направлением цифровизации современного общества является интернет вещей (англ. *Internet of things*) – многосторонняя вычислительная сеть физических предметов (вещей), оснащенных встроенными технологиями для взаимодействия друг с другом, активно влияющая на развитие социально-экономических процессов или исключающая необходимость участия человека. Интернет вещей приобрел повсеместное распространение благодаря широкому применению беспроводных сетей, технологий межмашинного взаимодействия, программно-конфигурируемых сетей и облачных вычислений.

Интернет вещей – это не просто множество приборов и датчиков, подключенных к интернету и объединенных между собой каналами связи, а более тесная интеграция реального и виртуального миров, где происходит взаимодействие между людьми и устройствами, единая сеть физических объектов, способных изменять параметры внешней среды или собственные параметры, собирать информацию и передавать ее на другие устройства. Он предполагает подключение к глобальной компьютерной сети производственных и бытовых предметов при помощи встроенных модулей связи, благодаря чему эти предметы получают возможность взаимодействовать друг с другом, с внешней средой, обмениваться данными и совершать операции без участия человека [10, с. 50–52, 58–59].

Когда производится анализ сущности и особенностей интернета вещей, довольно часто употребляют определение «умный»: умный дом, умное предприятие, умный транспорт, умная энергетика, умный город. Умный интернет вещей предполагает не только определение цели, но и разработку средств и способов ее достижения. Это означает, что в умном интернете вещей полноправным и непременным участником всех процессов является человек, которому принадлежит приоритетное место в принятии решения на основе интеллектуального осмысления многих, порой очень разнородных информационных потоков.

Важнейшие особенности интернета вещей проявляются в его воздействии на повышение производительности труда, сокращение расходов на производство товаров и услуг с одновременным усилением безопасности трудовых действий. Все это создает основу для развития экономики результата, при которой предприятия и компании переходят от продажи продукции к продаже изме-

римых результатов. В этом же ключе на базе промышленного интернета вещей осуществляется повышение эффективности и стимулирование создания продуктов сервисных гибридных решений, ориентированных на конечный результат.

С этим органично взаимосвязана еще одна, пятая особенность цифровизации экономики – опережающее и беспрепятственное развитие сферы применимости криптовалют. Международные эксперты, оценив ситуацию с криптовалютами в 48 европейских странах, на конференции *Blokshow Europe 2018*, состоявшейся в конце мая в Берлине, определили, что Беларусь входит в десятку самых дружелюбных для криптовалют европейских стран. Все государства оценивались по нескольким критериям, в число которых входили возможности использования криптовалют в качестве платежного средства. Учитывалось, что налог на биткоин (самую популярную криптовалюту) до 2023 г. составляет в нашей стране 0 %. Эксперты также назвали Беларусь одной из лучших для проведения *ICO* (*Initial coin offering* – первичное определение монет) – специальной формы привлечения инвестиций в виде продажи инвесторам фиксированного количества новых ценных криптовалют. Подписанный Президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко Декрет № 8 «О развитии цифровой экономики», вступивший в силу 28 марта 2018 г., не предполагает никаких ограничений для операций по созданию, размещению, хранению, отчуждению, обмену токенов, а также деятельности криптобирж и криптоплатформ [11, с. 2].

Очень своеобразным, но важным направлением цифровизации современного общества выступает возникшая в 2009 г. и быстро распространяющаяся мировая цифровая валюта, называемая «биткоин», которая одновременно является онлайн-платежной системой. Она претендует на статус мировой валюты, замещающей доллар. Как утверждает М. Свон, биткоин – это «крупнейшая децентрализованная криптовалюта», которая работает «независимо от государственных центробанков» [9, с. 12]. Основные особенности виртуальной валюты, в частности биткойна, согласно определению, сформулированному Группой разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (*Financial Action Task Force*), состоят в том, что «виртуальная валюта – это средство выражения стоимости, которым можно торговать в цифровой форме и которое функционирует как средство обмена и/или расчетная денежная единица и/или средство хранения стоимости, но наделено статусом законного платежного средства, не эмитируется и не обеспечивается ни одной юрисдикцией и может выполнять вышеуказанные функции исключительно по соглашению в рамках сообщества пользователей виртуальной валюты» [12]. Биткоин – это компьютерная

программа, предоставляющая персональный биткоин-кошелек и позволяющая пользователям отправлять и получать биткоины. Сеть биткоин представляет собой публичную бухгалтерскую книгу под названием «блокчейн» – регистр, содержащий в себе записи о всех когда-либо осуществленных транзакциях (это позволяет установить подлинность осуществления каждой транзакции), которые защищены цифровыми подписями соответствующих отправляющих адресов.

Множество продавцов товаров и услуг по всему миру в последнее время стали принимать платежи в биткойнах, среди них есть крупные компании с мировым именем, а также магазины, университеты, авиакомпании, и число таких юридических лиц растет. К их числу относятся некоторые строительные предприятия, рестораны, агентства недвижимости, юридические фирмы и онлайн-сервисы, физические и юридические лица [12, с. 6].

Шестой особенностью цифровизации экономики является стремительно расширяющееся и интенсифицирующееся использование больших данных – многообразных структурированных и неструктурированных данных огромных объемов. Большие данные дают возможность осуществлять моделирование огромного числа процессов, происходящих в реальной действительности, и на основе этого прогнозировать дальнейшее развитие различных отраслей жизнедеятельности людей. Взрывной рост объемов данных, поступающих из разнообразных источников, позволяет достичь значительного прогресса в развитии экономики, научных исследованиях, оптимизации и совершенствовании государственного управления.

Российские специалисты в области цифровизации экономики М. А. Аверьянов, С. Н. Евтушенко, Е. Ю. Кочетова утверждают, что «цифровые технологии успешно справляются с обработкой больших данных, используя принципы искусственного интеллекта и нейронных сетей» [13, с. 112–113]. Известно, что под большими данными понимаются огромные объемы многообразных структурированных и неструктурированных данных, эффективно обрабатываемых горизонтально масштабируемыми программными инструментами. Для обработки этих прикладных массивов больших данных, возрастающих в геометрической прогрессии, требуется специфический инструментарий, называемый аналитикой больших данных. На основе такой аналитики разрабатывается технология извлечения информации из огромного массива данных в максимально короткие сроки в целях выявления полезной информации и принятия эффективных управленческих решений. Принятие и последующее осуществление эффективных управленческих решений становится возможным вследствие скрытых зависимостей и нахождения

новых вопросов и ответов на основе анализа и осмысления всего объема огромного количества разнородных данных, последующего анализа и прогноза текущей ситуации и нахождения наиболее продуктивных вариантов оптимального, а следовательно, эффективного решения возникающих проблем.

Источником стремительно нарастающей лавины больших данных являются многочисленные цифровые устройства, собирающие, концентрирующие и направляющие в бездонные просторы интернета и других сетевых структур продукцию человеческой интеллектуальной деятельности.

Для развития социологических исследований имеет большое значение так называемая революция социальных данных – тенденция изменения модели взаимодействия людей в сторону расширения обмена личной информацией и связанные с ней последствия [14, с. 229]. Большие социальные данные и их квалифицированный анализ могут с успехом использоваться в изучении тенденций общественных настроений, политических мнений, электоральных предпочтений различных социальных групп населения, уровня доверия к внешним структурам, динамики рынка труда, уровня жизни в стране и т. д.

Наиболее перспективными методами обработки больших данных являются статистический анализ, прогностическая аналитика, сетевой анализ, генетические алгоритмы и др. Наиболее активно разработкой инструментария в современном мире занимаются всемирно известные компании и корпорации *Microsoft, IBM, Oracle, SAP, Facebook, Google* и др. Однако, по мнению некоторых специалистов, несмотря на то, что существует множество задач, которые можно решать с помощью аналитических решений класса больших данных, в настоящее время анализируется только чуть больше 1 % некоторых цифровых данных [10, с. 67, 72]. Совершенно очевидно, что такую ситуацию необходимо исправлять.

Одним из новейших направлений в развитии цифровых технологий, тесно связанных с обработкой больших данных, является возникшая в 2006 г. облачная технология (облачные вычисления). По определению А. Медведева, «облачные вычисления – это процессы распределенной обработки данных, в которых компьютерные ресурсы и сетевые мощности представляются пользователю как интернет-сервис» [15, с. 6]. Это краткое определение нуждается в некоторых уточнениях. Облачные вычисления представляют собой технологию распределенной обработки данных, в которой компьютерные ресурсы предоставляются пользователю в качестве интернет-сервиса.

Облачные вычисления обладают следующими особенностями: 1) универсальный сетевой доступ, обеспечивающий открытость вычислительных воз-

можностей на больших расстояниях с помощью стандартных механизмов; 2) широкая доступность, обеспечивающая повсеместное приобщение к данным, располагающимся в облачной технологической инфраструктуре, посредством любых устройств, подключенных к интернету; 3) интегрированность используемых ресурсов, состоящая в объединении их в едином месте для совместного использования большим количеством людей; 4) мобильность, заключающаяся в свободе пользователя от привязанности к месту доступа данных при наличии подключения к интернету [10, с. 78–79].

Одно из преимуществ облачной технологии проявляется в том, что потребитель находится при ее использовании на весьма удаленном сервере, который получил быстро прижившееся название «облако», и может применять любое компьютерное устройство для просмотра содержащейся на нем информации. Поскольку все вычислительные операции производятся не на его компьютере, а на более мощных серверах, он может использовать мощность программных средств этих серверов, недоступных его компьютеру. Поэтому пользователь может не покупать лицензируемое программное обеспечение облачной технологии, а оплачивать только предоставляемую ему сервисную услугу. К тому же есть возможность одновременно просматривать, воспроизводить, редактировать одну и ту же информацию на разных устройствах разными пользователями с любой точки мирового пространства облачной технологии.

Среди основных направлений цифровизации современного общества особое место занимает глубокое технологическое обновление энергетической системы. Такое своеобразие предопределяется тем, что энергетическая (электроэнергетическая) система представляет собой совокупность источников энергии и разнообразных устройств для ее передачи и распределения, обеспечивающих нормальную деятельность всех сфер общества – производственной, потребительской, здравоохранительной, образовательной, научно-исследовательской, бытовой и др.

Цифровизация этой многоаспектной и многонаправленной системы приводит к возникновению модернизированных энергосетей, которые используют информационные технологии для сбора информации об энергопроизводстве и энергопотреблении, позволяющие автоматически повышать эффективность, надежность, экономическую выгоду, устойчивость производства и распределения электроэнергии. Это дает возможность принимать обоснованные управленческие решения в автоматизированном режиме в целях повышения эффективности производства и качества предоставляемой энергии, надежности и безопасности энергетической системы [10, с. 133].

Выстраивание такой системы, осуществляемое государственным регулированием всех сфер жизнедеятельности общества, означает синтез вертикальной и горизонтальной интеграции управленческих и воспроизводственных действий, направленных на генерирование, сбыт и потребление электричества и приводящих к повышению качества автоматизации и интеллектуализации управления энергосистемой.

Важнейшим направлением цифровизации современного общества является становление цифрового государства. Широко известный и авторитетный основатель теории сетевого общества М. Кастельс подчеркивал: «Возникающее сетевое государство характеризуется разделением суверенитета и ответственности между разными государствами на разных уровнях управления, подвижностью управленческих процедур и большим разнообразием пространственно-временных отношений между правительством и гражданами» [6, с. 58]. В своем повседневном функционировании цифровое государство предстает в качестве целостной, многомерной, целеустремленно действующей социально-политической властной системы, в которой осуществляется благотворное для страны, народа и человека прямое взаимодействие власти и граждан. В действиях цифрового государства проявляется множественность его структур, осуществляемых ими процессов и реализуется качественно возвышающееся их воспроизводство.

Дело в том, что создаваемые в процессе цифровизации современные большие массивы качественных данных, сопряженные с современными системами поиска данных, предоставляют возможность автоматизировать, а затем и прогнозировать развитие экономических процессов на уровне целой страны, ее отдельных регионов, отраслей и предприятий, создавая тем самым более благоприятные возможности принятия и реализации управленческих решений. Упорядочивание столь разнообразных уровней циркулирующих потоков большого количества данных и регулирование их для принятия управленческих решений образуют основное пространство деятельности цифрового государства. Кроме того, в такой среде цифровое правительство, государственные органы получают возможность стать более доступными для населения и оказывать ему более качественные услуги.

Цифровое управление, осуществляемое государством, предполагает достижение поставленной цели за счет средств управления на основе интеллектуальных знаний, разработки сценариев риска и экспертной оценки вероятности инициирующих событий-высказываний в экономической сфере [16, с. 138]. Иначе говоря, все нити регулирования многообразных процессов цифровизации государства, а также определение целей и перспектив циф-

ровизационных трансформаций и в масштабах страны в целом, и в масштабах тех или иных отраслей промышленности, строительства, сетевого хозяйства, и для различных регионов сосредоточены в руках государства. Поэтому вполне правомерным является суждение заместителя директора департамента банковского производственного объединения *RS-Bank* компании *R-Style. Softlab* М. Большаева о том, что «цифровая экономика невозможна без участия государства» [17].

Решающая регулирующая роль государства в развитии цифровизации экономики и всех других сфер жизнедеятельности человека заключается, во-первых, в разработке законодательной базы, благоприятствующей цифровым трансформациям; во-вторых, в создании организационных административных кадровых предпосылок поддержки предприятий, компаний и организаций, которые идут по пути цифровизации своей повседневной деятельности; в-третьих, в юридической технологической и иной защите цифровизирующихся организаций от возрастающих киберугроз. Для этого у государства имеется достаточно много режимов воздействия на участников социально-экономической деятельности (законодательство, акты, распоряжения, льготы, штрафные санкции, продвижение во всех сферах жизнедеятельности цифровой грамотности, внедрение автоматизированных процессов управления и т. п.).

В ежегодном послании Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь 24 апреля 2018 г. сказано, что «у нас вырисовываются контуры *IT*-страны», а «правительству поручено внести предложения по созданию эффективного министерства в этой сфере» [18, с. 3]. Успешное осуществление данных крупномасштабных и многоплановых мероприятий улучшит качественные и количественные характеристики системного использования информационно-коммуникативных технологий в работе общереспубликанских и местных органов власти с целью повысить эффективность и прозрачность работы государственного аппарата и региональных, местных властных структур, наладить прямое взаимодействие власти и ее граждан. Развитие и повышение качественно-го уровня системы государственного управления посредством электронных технологий существенно изменяют структуру политических социальных групп, общностей и организаций в выработке и практическом осуществлении государственной политики, упрочнении демократических успехов белорусского общества. Кроме того, данный многомерный и многокомпонентный процесс способствует становлению у населения нашей страны активной гражданской позиции и формированию политического имиджа белорусского государства во внешнем мире.

Стремительно расширяющееся оперирование большими данными приводит к глубокой трансформации экономических отношений. Поэтому весьма существенное значение приобретает проблема качества самих данных, методов их обработки и принятия на основе их обобщения и осмысления эффективных управленческих решений. Более того, речь сегодня идет о том, что с возрастающими масштабами больших данных появляется возможность их перехода на качественно более высокий уровень управления экономическими процессами. Не менее важным для улучшения социально-политической ситуации в стране, интенсификации консолидации народа вокруг ее политического руководства является предоставление более широких возможностей для объединения граждан.

Возрастающие многосторонность, многокомпонентность, многонаправленность геопозиционирования пассажиропотоков, перемещения транспортных средств, грузов предопределили повышение значимости такого направления цифровизации современного общества, как цифровая логистика. Интенсивное распространение пассажиро- и грузоперевозок, широкое внедрение в них цифровых технологий позволяют существенно снизить затраты на организацию всех видов перевозок (железнодорожных, автомобильных, морских, речных, трубопроводных и т. п.), повысить качество транспортных и логистических услуг, производительность труда работников транспортных предприятий, конкурентоспособность компаний [19, с. 147–149].

Благодаря применению технологии больших данных и облачных технологий, возникших и быстро развивающихся в процессе цифровизации современного общества, транспортные компании могут лучше управлять трафиком, ежедневно анализируя информацию о транспортных операциях. С помощью правильно структурированных и проанализированных данных можно обнаружить новые неочевидные маршруты и задействовать неиспользованные ресурсы в сложных логистических цепочках.

Транзитивность Беларуси на первое место в цифровой логистике выдвигает создание цифровых европейских коридоров электронной документации, сопровождающей грузы в целях ускорения их прохождения на белорусско-польской границе.

В принятой правительством в конце 2017 г. Концепции развития логистической системы Республики Беларусь до 2030 г. поставлены следующие задачи в области цифровизации:

1) переход на электронные технологии документооборота по устойчивым цепям товародвижения;

2) формирование единой цифровой платформы логистических систем на основе интеграции взаимодействия с международными информационными системами;

3) унификация стандартов информационного обмена данными между участниками логистической системы;

4) использование электронных форм товаросопроводительных и коммерческих документов при международных перевозках различными видами транспорта;

5) развитие системы электронной биржевой торговли в сфере оказания логистических услуг [10, с. 239–240].

Реализация данной концепции позволит существенно повысить эффективность цифровой логистики, качество предоставляемой ею услуги для всех участников пассажиро- и грузоперемещений на территории нашей республики и логистических действий, совершаемых с отдельными странами.

Жизненно важным направлением цифровизации современного общества, затрагивающим интересы всех граждан страны, все более определенно становится цифровая трансформация социальной сферы, ведь именно она представляет собой обеспечиваемую обществом многомерную и многонаправленную, динамично развивающуюся систему постоянного воспроизводства человека – субъекта всех социальных процессов и их трансформаций. Социодинамика развития и самореализации социальной сферы складывается, с одной стороны, из спонтанных пожеланий, возникающих из стремлений, целеустановок отдельных индивидов, их социальных групп и общностей, целенаправленно организуемых и регулируемых государством, с другой – из процессов непосредственного жизнеобеспечения людей, в первую очередь воспроизводства повседневной жизни, развития и самоосуществления человека как непрестанно развивающейся и саморазвивающейся личности.

Какую бы конкретную область социальной сферы мы ни рассматривали, будь то образование, здравоохранение, социальная защита нуждающихся в социальной помощи людей, каждая из них испытывает на себе влияние цифровизации общественных процессов, составляющих квинтэссенцию превращения Беларуси в IT-страну. В частности, в аспекте образования цифровизация воплощается в переходе к цифровым методикам (скриптам), электронным учебникам, мультимедийным материалам, видеолекциям, видеоконсультациям, видео-, аудио-, мультимедийным материалам с дистанционным доступом через интернет и т. п.

Цифровизация здравоохранения дает возможность создавать и практически использовать цифровые (электронные) медицинские карты, выписывать электронные рецепты, осуществлять мониторинг больных в операционных и палатах, прогнозировать и предупреждать неблагоприятные варианты развития болезни, использовать

электронные системы, электронные коммуникации ведущих специалистов, с помощью интернет-коммуникаций отслеживать динамику здоровья пациентов, развивать практику персонифицированной медицины.

В условиях углубляющейся тенденции старения населения многих стран, в том числе и Беларуси, возрастающую значимость приобретает цифровизация социальной работы. Диапазон ее деятельности чрезвычайно широк: это и цифровизация процессов социальной адаптации личности к быстро изменяющимся социально-экономическим условиям ее жизнедеятельности, и внедрение информационно-коммуникационных технологий в работу с неблагополучными семьями и подростками, и использование интернета в обеспечении социальных гарантий пожилым людям, многодетным семьям, группам социального риска, и внедрение сетевых систем в процессы осуществления социальной диагностики, в упрочнение социального здоровья личности, населения страны.

В условиях нарастающей неопределенности, нестабильности, непредсказуемости в развитии глобальных процессов, отягощенных множеством социальных турбуленций, жизненно важным, даже судьбоносным, становится такое направление цифровизации, как активное внедрение информационно-коммуникационных технологий в обеспечение национальной и международной безопасности. Необходимо учитывать те действия, которые в современном мире предпринимаются для продвижения своих лидеров многими странами, силу, оснащенную новейшими коммуникационными цифровизованными технологиями, а также то, что сопредельные с Республикой Беларусь страны, опоясывающие ее полукольцом с юга, запада, северо-запада, обладают хорошо оснащенными новейшими видами вооружений. Огромное значение имеет переоснащение Вооруженных сил Республики Беларусь новейшими технологичными средствами ведения военных операций. Именно хорошо обученные и оснащенные новейшими техническими средствами боеспособные и боеготовые воинские формирования выступают эффективно действующей гарантией мирной жизни белорусского народа, сохранения независимости, территориальной целостности и суверенитета нашей страны.

Выделенные и охарактеризованные направления цифровизации экономики и других сфер жизнедеятельности современного общества являются инвариантными, т. е. присущими множеству стран в различных регионах мира, но проявляющимися своеобразно в каждой стране в зависимости от особенностей ее социально-экономического и технологического развития, менталитета, этнонациональных и межконфессиональных отношений. В нашем государстве инициатором цифровизации выступил Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, выдвинувший амбициозную программу превратить республику в ИТ-страну. Организованные на уровне государства и регионов информационно-коммуникационные компании позволяют осуществить успешную цифровую трансформацию многих видов созидательной деятельности.

В нашей стране немало серьезных достижений в развитии цифровой экономики. Беларусь становится первой в мире страной, обладающей юрисдикцией с комплексным правовым регулированием бизнеса на основе технологии блокчейн и легализовавшей криптовалюты и смарт-контракты на государственном уровне. Активно разрабатываются нанотехнологии, квантовые технологии и технологии виртуальной и дополненной реальности, нейротехнологии, биотехнологии, авиационные, космические, медицинские технологии. Создаются условия для развития продуктов ИТ-компаний. Внешнеэкономические сделки можно заключать в электронном виде с использованием интернета. Лидером в развитии новых технологических комплексов в стране является функционирующий в Минске Парк высоких технологий (ПВТ). В 2017 г. экспорт ПВТ составил 1 млрд 25 млн долл. США, что по сравнению с экспортом 2016 г. больше на 25 %. Общий объем производства ПВТ в 2017 г. увеличился по сравнению с объемом 2016 г. на 20 % и составил 2 млрд 153 млн бел. руб. В 2017 г. в ПВТ создано 5160 новых рабочих мест, что в 1,6 раза больше, чем в 2016 г. На конец 2017 г. в ПВТ работали 32,6 тыс. человек [20, с. 4–6]. Таким образом, в Беларуси созданы благоприятные условия для развития высоких технологий и их практической реализации в производственных структурах независимо от форм собственности, что сулит серьезные конкурентные преимущества для всей экономики страны.

Библиографические ссылки

1. Зубарев АЕ. Цифровая экономика как форма проявления закономерностей развития новой экономики. *Вестник ТОГУ*. 2017;4:177–184.
2. Кешелава АВ, Буданов ВГ, Румянцев ВЮ, Дмитров ИД, Сорокин КС, Хает ИЛ, Щербаков АВ. *Введение в «Цифровую» экономику. На пороге «цифрового» будущего. Книга первая*. Кешелава АВ, редактор. Москва: ВНИИгеосистем; 2017.
3. Русин ОА. Цифровая путиномика [дата обращения: 28.04.2018]. URL: <http://amfora.livjournal.com./530954.html>.
4. Дубовик С. Цифровая экономика: успеть за будущим (беседа с директором Института экономики НАН Беларуси В. Бельским). *Навука*. 2 апреля 2018;14:3.
5. Digital Dividends [world development report 2016] [cited 2018 March 10]. Available from: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/23347/210671RuSum.pdf>. DOI: 10.1596/978-1-4648-0671-1.

6. Кастельс М. *Власть коммуникации*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики; 2016.
7. Тапскотт Д. *Электронно-цифровое общество: плюсы и минусы эпохи сетевого интеллекта*. Дубинский И, переводчик, Писарев С, редактор. Киев: Int Пресс, Москва: Зефл-бук; 1999.
8. Полани М. *Личностное знание: на пути к посткритической философии*. Тедовский МБ, переводчик. Москва: Прогресс; 1985.
9. Свон М. *Блокчейн: схема новой экономики*. Москва: Олимп-Бизнес; 2017.
10. Ковалев ММ, Головенчик ГГ. *Цифровая экономика – шанс для Беларуси*. Минск: Издательский центр БГУ; 2018.
11. Кононович Ч. Жизнь становится быстрее: Беларусь вошла в ТОП-10 самых дружелюбных для криптовалют стран Европы. *СБ. Беларусь сегодня*. 22 мая 2018;95.
12. Виртуальные валюты. Ключевые определения и потенциальные риски в сфере ПОД/ФТ. Июнь 2014 г. *Отчет ФАТФ* [дата обращения: 04.05.2018]. URL: https://www.eurasiangroup.org/files/FATF_docs/Virtualnue_valyuty_FATF_2014.pdf.
13. Аверьянов МА, Агеев АИ, Евтушенко СН, Кочетова ЕЮ. Цифровое общество: архитектура, принципы, видение. *Экономические стратегии*. 2017;1:114–125.
14. Денисова ОЮ, Мухутдинов ЭА. Большие данные – это только размер данных. *Вестник Казанского технологического университета*. 2015;4(18):226–230.
15. Медведев А. Облачные технологии: тенденции развития, примеры исполнения. *Современные технологии автоматизации*. 2013;2:6–9.
16. Соложенцев ЕД. Цифровое управление государственной экономикой. *Управление и планирование в экономике*. 2018;1.
17. Цифровизация экономики [дата обращения: 14.05.2018]. URL: <http://bit.samag.ru/uart/more/67>.
18. Лукашенко АГ. Мы знаем, куда идем, чего хотим [Выступление Президента при обращении с ежегодным посланием к белорусскому народу и Национальному собранию]. *СБ. Беларусь сегодня*. 25 апреля 2018;78.
19. Лёвин БА, Ефимова ОВ. Цифровая логистика и электронный обмен данными грузовых перевозок. *Мир транспорта*. 2017;15(2):142–149.
20. Экономика в цифрах. *СБ. Беларусь сегодня*. 23 марта 2018;59.

References

1. Zubarev AE. The Digital economy as expression of regularities in the new economy development. *Vestnik TOGU* [Journal of the Pacific National University]. 2017;4:177–184. Russian.
2. Keshelava AV, Budanov VG, Rumyantsev VY, Dmitrov ID, Sorokin KS, Khaet IL, Shcherbakov AV. *Vvedenie v «Tsifrovuyu ekonomiku. Na poroge «tsifrovogo» budushchego. Kniga pervaya* [Introduction to the digital economy. On the threshold of a digital future. Book the first]. Keshelav AV, editor. Moscow: VNIgeosistem; 2017. Russian.
3. Rusin OA. Digital putinomics [cited 2018 April 28]. Available from: <http://amfora.livjournal.com./530954.html>. Russian.
4. Dubovik S. [Digital economy: catching up with the future (conversation with the director of the National Academy of Science of Belarus V. Belskii)]. *Navuka* [Science]. 2018 April 2;14:3. Russian.
5. Digital Dividends [world development report 2016] [cited 2018 March 10]. Available from: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/23347/210671RuSum.pdf>. DOI: 10.1596/978-1-4648-0671-1.
6. Kastels M. *Vlast' kommunikatsii* [Power of communication]. Moscow: The Higher School of Economics Publishing House; 2016. Russian.
7. Tapskott D. *Elektronno-tsifrovoe obshchestvo: plyusy i minusy epokhi setevogo intellekta* [Electronic digital society: pros and cons of the era of network intelligence]. Dubinskii I, translator, Pisarev S, editor. Kiev: Int Press, Moscow: Zefl-book; 1999. Russian.
8. Polanyi M. *Lichnostnoe znanie: na puti k postkriticheskoi filosofii* [Personal knowledge: towards post-critical philosophy]. Tedovskog MB, translator. Moscow: Progress; 1985. Russian.
9. Svon M. *Blokchein: skhema novoi ekonomiki* [Blockchain: the scheme of the new economy]. Moscow: Olimp-Biznes; 2017. Russian.
10. Kovalev MM, Golovenchik GG. *Tsifrovaya ekonomika – shans dlya Belarusi* [Digital economy – a chance for Belarus]. Minsk: BSU Publishing House; 2018. Russian.
11. Kononovich Ch. [Life is getting faster: Belarus is in the TOP 10 of the most cryptocurrency-friendly countries in Europe]. *СБ. Беларусь сегодня* [SB. Belarus today]. 2018 May 22;95. Russian.
12. [Virtual currency. Key definitions and potential AML/CFT risks. June 2014]. *Otchet FATF* [cited 2018 May 04]. Available from: https://www.eurasiangroup.org/files/FATF_docs/Virtualnue_valyuty_FATF_2014.pdf. Russian.
13. Averyanov MA, Ageev AI, Evtushenko SN, Kochetova EY. Digital society: architecture, principles, vision. *Ekonomicheskie strategii*. 2017;1:114–125. Russian.
14. Denisova OY, Muhutdinov EA. Big data is only the size of the data. *Vestnik Kazanskogo tehnologicheskogo universiteta* [Vestnic of the Kazan National Research Technological University]. 2015;4(18):226–230. Russian.
15. Medvedev A. Cloud technologies: development trends, examples of execution. *Sovremennye tekhnologii avtomatizatsii* [Contemporary technologies in automation]. 2013;2:6–9. Russian.
16. Solojencev ED. Digital management of the state economy. *Upravlenie i planirovanie v ekonomike*. 2018;1. Russian.
17. Digitalization of the economy [Management and planning in the economy] [cited 2018 May 14]. Available from: <http://bit.samag.ru/uart/more/67>. Russian.
18. [Lukashenko AG: We know where we're going, what we want. Speech by the President at the address to the Belarusian people and the National Assembly]. *СБ. Беларусь сегодня* [SB. Belarus today]. 2018 April 25;78. Russian.
19. Levin BA, Efimova OV. [Digital logistics and electronic data exchange for freight transport]. *Mir transporta* [The world of transport]. 2017;15(2):142–149. Russian.
20. [Economy in numbers]. *СБ. Беларусь сегодня* [SB. Belarus today]. 2018 March 23;59. Russian.

УДК 316.012+316.422+316.733

ЕВРОПЕЙСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕННОСТЕЙ: УНИКАЛЬНЫЙ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЙ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ И ЛОНГИТУДНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ ОБ ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЦЕННОСТЯХ В ЕВРОПЕ

Л. ХАЛЬМАН¹⁾, В. ЛОМАЦЦИ²⁾

¹⁾Тилбургский университет, Варанделаан, 2, 5037 AB, г. Тилбург, Нидерланды

²⁾GESIS – Институт социальных наук им. Лейбница, B2, 1, 68159, г. Мангейм, Германия

Описываются основные этапы развития межнационального сравнительного и лонгитюдного исследовательского проекта по общечеловеческим ценностям в Европе. Отмечается, что актуальность изучения ценностей заключается в том, что они функционируют в качестве основных руководящих принципов в жизни людей и отражают многие социальные изменения, которые произошли в Европе. Ключевым выводом Европейского исследования ценностей является то, что в Европе существует единство в многообразии. Подчеркивается, что новый сбор данных предоставляет исследователям информацию о текущих ценностях и позволяет выяснить, трансформируются ли (и в какой степени) ценности в быстро меняющемся европейском обществе.

Ключевые слова: Европейское исследование ценностей; модернизация; секуляризация; Европейское сообщество.

EUROPEAN VALUES STUDY: A UNIQUE CROSS-NATIONAL COMPARATIVE AND LONGITUDINAL SURVEY RESEARCH PROJECT ON BASIC HUMAN VALUES IN EUROPE

L. HALMAN^a, V. LOMAZZI^b

^aTilburg University, 2 Warandelaan, Tilburg 5037 AB, Netherlands

^bGESIS – Leibniz Institute for the Social Sciences, B2, 1 Mannheim 68159, Germany

Corresponding author: L. Halman (loek.halman@tilburguniversity.edu)

The article describes the main stages of the development of a cross-national comparative and longitudinal survey research project on basic human values in Europe. It is noted that the relevance of focusing on values is that they function as prime guidelines in people's life and they also reflect many of the social changes that have taken place in Europe. A key

Образец цитирования:

Хальман Л, Ломацци В. Европейское исследование ценностей: уникальный межнациональный сравнительный и лонгитюдный исследовательский проект об общечеловеческих ценностях в Европе. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2018;3:24–34 (на англ.).

For citation:

Halman L, Lomazzi V. European Values Study: a unique cross-national comparative and longitudinal survey research project on basic human values in Europe. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;3:24–34.

Авторы:

Лоек Хальман – доктор социологии; доцент социологии Тилбургской школы социальных и поведенческих наук, Тилбургский университет; председатель исполнительного комитета исследовательской программы «Изучение европейских ценностей», секретарь фонда «Группа по изучению систем европейских ценностей». **Вера Ломацци** – доктор социологии и методов социальных исследований; старший научный сотрудник архива данных для социальных наук, международных опросов, почетный научный сотрудник Абердинского университета; сотрудник, ответственный за коммуникации, секретарь исполнительного комитета исследовательской программы «Изучение европейских ценностей».

Authors:

Loek Halman, PhD (sociology); associate professor in sociology, Tilburg School of Social and Behavioral Sciences, Tilburg University; chair of the Executive Committee of the European Values Study, secretary to the Board European Values Systems Study Group Foundation. loek.halman@tilburguniversity.edu
Vera Lomazzi, PhD (sociology and social research methods); senior researcher at the data archive for the social sciences, international surveys, honorary research fellow at University of Aberdeen; communication officer and secretary of the Executive Committee of the European Values Study. vera.lomazzi@gesis.org

result of the European Values Study project is that there is unity in diversity in Europe. In conclusion, it is emphasized that the new data collection provides researchers with information about current values and enables to find out if and to what extent and in which direction values are changing in a rapidly changing European society.

Key words: European Values Study; modernization; secularization; European Community.

Introduction

The founding fathers of the European Values Study (EVS) could not have imagined that the project they started at the end of the 1970s would develop in such a unique large scale international comparative and longitudinal survey research project, covering all European countries and even beyond, and lasting for, now, almost 40 years! Their initial idea was far more limited as one becomes aware if one reads the preface to one of the first publications on the European Values Study. In Jean Stoetzel's work [1], the two founding fathers admit that it was their desire to better understand the system of values in contemporary Europe and where possible, to look for the changes that are occurring [1, p. 10]. They aimed at collecting survey data in four European Community member states only, but soon the study evolved into a nine countries study including the United Kingdom, West Germany, France, Italy, Spain, the Netherlands, Belgium, Ireland and Denmark. In later years, researchers in many more countries, not limited to Western Europe, adopted the same questionnaire and organized similar surveys in their countries using the same (translated) questionnaire. As a result, soon after its genesis, the project expanded to include several non-European Community member states: Finland, Norway, Sweden, Malta, Iceland, United States, Canada, Mexico, Japan, South Korea and South Africa, Argentina, Chili, Kuwait, Lebanon, Korean Republic, Australia and New Zealand. Even in parts of the Soviet Union, the survey was conducted and in Hungary a somewhat adapted questionnaire was applied [2; 3].

Not only were the initiators rather modest in their wish to focus on four European countries only, originally they also aimed at only one publication for which they invited Jean Stoetzel, at that moment director of the French survey agency Faits et Opinions. In his book, he presented the findings of the nine European Community members in a readable fashion even for those who are not familiar with the vocabulary and statistical tools of sociological research. The book revealed that Europe is far from homogenous when it comes to basic human values. Instead, «each country or group of countries has its own peculiar characteristics» [1, p. 282]. That conclusion is substantiated in numerous publications since then. Hence, the motto of the European Union «United in Diversity» is well chosen as it signifies that the continent has many different cultures and traditions.

The data appeared so rich that publications were prepared on each of the nations, and international comparative studies were initiated, not only by those involved in the project, but also from outside the project. The data proved to be a goldmine for social science researchers and political scientists. For example, Ronald Inglehart relied on the European Values Study data to further substantiate his theory of the Silent Revolution [4; 5]. Under his inspiring leadership, later on the World Values Survey was established resulting in regular data collections in countries all over the world [6].

The originators of the project not only asked themselves if there was a homogenous Europe when it comes to values, they also wanted to address the question if and how values are changing. For example, whether they are converging as a result of the progressing European unification or whether they remained distinctive. Already in those days, Europe was changing very fast, economically, socially, and politically and the question was whether these changes would go with cultural changes.

In order to provide answers to such questions, repeat surveys are required since only repeated surveys over longer periods of time could reveal if changes are taking place in values and for that reason the EVS organized a new wave of surveys in 1990. It was an exciting period in history with the fall of the wall and the end of communist area in Eastern Europe as one of the highlights. The 1990 EVS project was lucky to be able to collect data in several Central and Eastern European countries that belonged to the communist block in Europe. For the first time, data on values was collected in that part of Europe, enabling unique comparisons between the East and the West. The collected data appeared again a goldmine for those who are interested in European culture in a fast transforming Europe and numerous studies appeared on the basis of the newly collected survey data.

In order to measure further changes in basic human value orientations, repeat surveys were organized with time intervals of nine years in as many European countries as possible. In 1999, the third wave was launched in 33 countries, followed by a fourth wave of surveys in 2008 in all 47 European countries from Iceland to Azerbaijan and from Finland to Malta. Currently a fifth wave of data collection is on its way.

Why values?

Values play an important role in human behavior and they are at the core of interpretations of societies and changes that are taking place within societies

(see e.g. [7, p. 2; 8–10]). This was recognized in the seventies by Jan Kerkhofs (Catholic University Leuven, Belgium) and Ruud de Moor (Tilburg University,

The Netherlands) who launched the European Values Study project to investigate the value patterns of the Europeans.

According to the EVS-initiators, the relevance of focusing on values is that they function as prime guidelines in people's life. In so doing, they followed the ideas of the founding fathers of sociology. Weber [11] convincingly demonstrated in his famous study on the Protestant ethic and the spirit of capitalism, that protestant values in general and work ethos in particular, were a favorable substratum for the rise of industrial capitalism. Durkheim [12] argued that without consensus or agreement on certain fundamental values, social solidarity is threatened and society disintegrated and vulnerable to anomie. Earlier, Comte and Tocqueville already emphasized the importance of consensus about core ideas and beliefs for democracy and it was also one of the main conclusions from the pioneering study by Almond and Verba on the Civic culture in which they found that a particular pattern of orientations to political actions had major implications for the «way the political system operates – to its stability, effectiveness and so forth» [13, p. 74].

Although values are not the only determinant of actual human behavior, there is widespread agreement that values are important guidelines for human behavior. Values define people's goals and their priorities and as such they shape a society's economic, political, and social performance. Therefore they are considered crucial for the direction in which societies are moving [8]. Values are generally assumed «to play a crucial role in motivating and guiding human action and to be constitutive elements in the construction of personal and collective identities; they serve as a potent source of social integration but also of conflict and division» [14, p. 47].

Individually-held values are also likely to reflect many of the social changes that have taken place in Europe over the recent decades, such as the declining involvement in organized religion and growing levels of secularization; increased permissiveness in moral standards and behaviors; alternative family patterns, and shifting attitudes towards marriage and divorce; greater acceptance of sex before marriage, homosexuality, one-parent families and abortion; women's emancipation; alterations in work patterns and work expectations, shifting from heavy manufacturing industrial work towards white-collar work and the service sector, increasing employment of women; political realignments, with new parties eroding the old class based loyalties, new political concerns like environmentalism and sustainability.

One of the most profound changes in society and thus an important feature of modernization, is individualization which is assumed to have made people

less dependent on traditional institutions, like the churches, and more dependent on themselves. Increasingly people decide for themselves what is desirable and undesirable, good and bad or right and wrong. They are supposed to be no longer guided in their personal decisions by traditions, societal norms or rules by the churches. People's decisions are increasingly based on personal considerations. Behaviors, attitudes and values are not anymore a «one possibility thing» but are recognized as a «one out of many possibilities thing» [15]. According to some social observers, such developments are a severe threat to the functioning and living in modern society. Following Durkheim, they forecast all kinds of negative consequences of these developments towards increasing individual freedom and personal autonomy: hedonism, moral decay, narcissism, egoism, etc. There is a growing concern about the vanishing of certain traditional values and the waning of civic virtuous and community life that are at the core of the «good» society. Many people fear that a growing number of citizens is indifferent about society, and will become too narrowly focused on pure self-interest, being selfish, egoistic, irresponsible, political apathetic and morally obtrusive. For some it is therefore about time that the old «good» virtues and values are restored so that people become 'decent' and behave responsible again, and that institutions and the sense of community are revitalized [6–19]. A project like the EVS could reveal if and to what extent such developments are indeed taking place in contemporary fast changing Europe.

An additional, though highly important reason for surveying values in Europe was that diverging or even contrasting values in the various European countries could have serious consequences for the unification process of Europe. Although European countries may share a common set of values that distinguishes them not only from other great cultures such as the Chinese or Islamic, Europe is a richly varied part of the world, not only by its many languages but by old, regional subcultures, religious and ideological traditions, political and educational systems. The motto of the European Union clearly acknowledges this diversity. According to the initiators of the EVS project, disentangling that which is common in the collective conscience of the Europeans and which Europeans share to a lesser extent or not at all, could contribute to a better mutual understanding. Therefore, EVS could be of interest to (European) policy makers, political and religious leaders as well as to major companies, marketing leaders, labor unions, employers. In short, the EVS-initiators aimed at studying whether the emerging concept of one common European cultural identity has an empirical basis.

More specific research questions

Initiated by Jan Kerkhofs and Ruud de Moor, a small team of social sciences researchers organized themselves in what they called the European Value Systems Study Group (EVSSG). Later the name was abbreviated into EVS because no real system could be revealed in the values of the Europeans [1; 20; 21]. They were concerned about the sustainability of an expanding European Community gradually losing its Christian identity. A unified Europe would need shared values to underpin it and in secularizing Europe, Christianity is no longer self-evidently the common ground for such a shared European identity. Therefore, searching for European values could reveal whether there exist a common identity and a coherent set of fundamental values as a solid foundation

for European political, economic and social unity. If that is not the case, to what extent is it likely that such a lack of a common identity and the presence of cultural diversity in Europe impede progress towards European unity? The initial goal of EVS was to provide valid and reliable information how Europeans feel and think about European identity and to discover the underlying value systems. It was decided to explore the values of the Europeans through a large scale survey research project addressing the following research questions (see [22]):

1. Do Europeans share common values?
2. Are values changing in Europe and, if so, in what directions?
3. What are the implications for European unity?

Project design

Apart from a Steering Committee, a Technical Group was established which was made responsible for the questionnaire design as well as for the organization of the fieldwork. Three research institutes played an important role in the technical group: Gallup London, Faits et Opinions in Paris, and Institut für Demoskopie in Allensbach (West-Germany). A main task of the technical group was to undertake a series of explorative pilot studies on the nature, number, and salience of values in the lives of ordinary people. However, it was concluded that is difficult to decide what exactly values are, how many values there are, and how important they are in human life, since there seems to be no agreement on these issues in the existing literature on values.

Therefore a rather pragmatic course was followed in designing a questionnaire on values. They organized series of in-depth interviews with people who could be expected to have deeper insight in what is going on in society: journalists, architects, teachers and so on. Further, a series of group discussions was organized with individuals of socially deprived groups such as the unemployed, members of minority groups and so on. Thirdly, both the survey agencies Gallup London, and Faits et Opinions in Paris, conducted an archive search of different data bases with respect to questions and items referring to values. This archive search resulted in a database of more than 900 «interesting» items for a questionnaire. From this large data base, a questionnaire was produced, covering the domains of work and leisure time, family and sexuality, religion, politics, and ethics and a draft questionnaire was produced and piloted in Great Britain, France, West Germany and Spain among about 200 respondents in each country.

The final survey was fielded in 1981 in all European Community member states excluding Greece, but

including Spain, at that time not yet a member of the European Community. In each participating country, a national research institute was approached to do the fieldwork and to interview at least 1000 adults (aged 18 years and older) and additional a group of around 200 young people aged 18–24.

Gallup London coordinated the project, gathered all national datasets and produced a combined data set. This dataset has been deposited with the Economic and Social Research Council Data Archive at the University of Essex. Nowadays, the 1981 data are also publicly available via the ZACAT website of the GESIS – Leibniz Institute for the Social Sciences in Cologne, Germany¹.

Researchers from all over the world showed their interest in EVS and have fielded the questionnaire in their country and the originally European project expanded to become a worldwide survey research project on basic human values.

As argued, since one of the basic questions of the project was whether values in Europe were changing and, if so, in what directions, a repeat survey was necessary in order to address appropriately the question if and to what extent value changes are occurring.

In 1986, the preparations for a second wave of surveys started. It was attempted to draft a more theoretical based questionnaire. After all, the 1981 project was not theory driven and the items and questions were mainly selected on face validity: it was felt that they could reveal values, but these ideas were not firmly tested prior to the first fieldwork. An important hindrance for the construction of a new questionnaire was, of course, that in order to preserve comparability, questions should not be changed.

In 1989 the slightly adapted questionnaire was piloted in five countries: France, Germany, Italy, Portugal and United States. The results of these pilot surveys

¹See: <http://zacat.gesis.org/webview/>.

were discussed and the questionnaire was finalized. In the middle of 1990 and beginning of 1991 the main second survey was carried out covering the same themes as in 1981: work and leisure, family and sexuality, religion, politics and ethics. The survey was repeated in all EC countries (except for Greece), and also in Scandinavia, United States, and Canada. The 1990 fieldwork was coordinated by the Institut für Demoskopie in Allensbach (Germany). Moreover, the 1990 survey was conducted for the first time in Switzerland, Austria, and several Eastern European countries: Poland, Czechoslovakia, Hungary, Bulgaria, parts of the Russian Republic, Estonia, Latvia, Lithuania, the former German Democratic Republic, Romania. Further, repeat surveys were also carried out in Mexico, South Africa and Japan.

This follow-up study enabled the exploration of the occurrence of shifts in value orientations, although the time interval is of course confined to one decade. Furthermore, the inclusion of countries in Eastern Europe have enriched the project significantly. EVS is one of the scarce opportunities, if not the only one, to dig deeper into the values held by people in Eastern European countries and to compare the values from Eastern Europeans with the value patterns of the people in Western Europe other Western countries such as the United States and Canada.

Building on the knowledge of the two previous waves, a new wave of surveys was organized in 1999. The 1999 questionnaire included several new issues which had emerged in the various life spheres. Four substantive groups and a methodological group developed the questionnaire and guidelines for the data collection. The four substantive research groups covered

the main domains in the questionnaire: religion and morality, society and politics, primary relations, and work and leisure. Each research group consisted of several experts on the domain at issue. The main tasks of the methodology group were to reach consensus on the themes and items in the questionnaire, identify problems of comparability, plan the survey, make recommendations on socio-demographic background variables, take care of the quality of the data, advice and provide assistance on analyses, etc. The 1999/2000 EVS was coordinated from Tilburg University, where the survey data were gathered and checked in close collaboration with the Zentralarchiv für Empirische Sozialforschung in Cologne and the Netherlands Institute for Scientific Information Services in Amsterdam.

In 2008 a fourth wave of surveys was conducted in all countries in Europe with a population of more than 100 000. In Northern Cyprus and, again, Northern Ireland separate surveys were fielded among samples of 500 respondents. As in previous waves, the master questionnaire was produced in English, and translated into the various national languages. The questionnaire was developed by a Theory Group which critically evaluated the existing questions and items and which prepared proposals for new items to be included in the survey to tap new topics and issues, e.g., about gender roles, migration, and the environment. A Methodology Group was made responsible for the quality of data collection, cleaning and handling, and data analyses and drafted rigorous rules and methodological guidelines for carrying out the survey. Figure 1 displays the participating countries in the different waves.

At this very moment data collection is taking place within the framework of the 5th wave of the EVS.

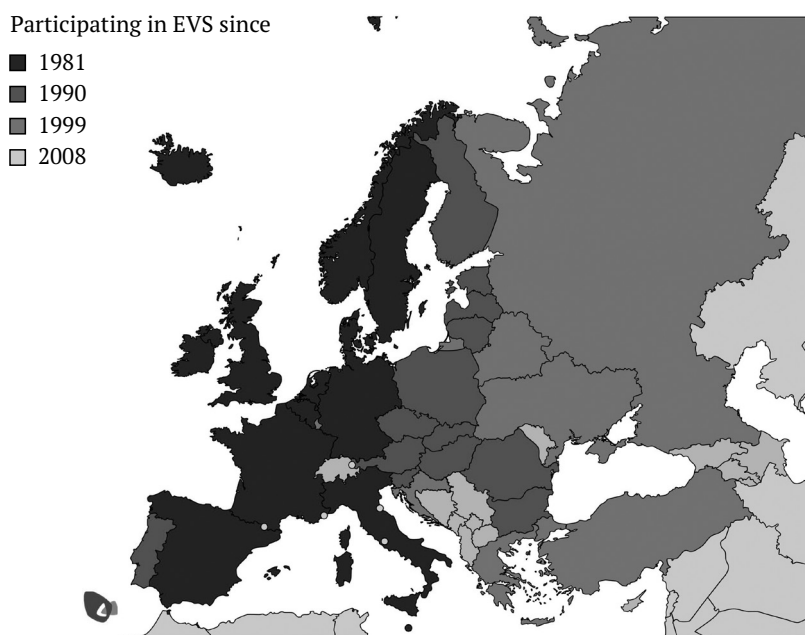

Fig. 1. The gradual increase in numbers of countries included in the European Values Study.

Source: [3]

Dissemination

All data and documentation are stored in the Data Archive for the Social Sciences of Gesis, Leibniz Institute in Cologne, Germany². All materials are freely accessible. The user friendly and intuitive layout guides the user step by step through the Gesis platform, and enables performing some basic statistical analysis even without having specific knowledge in statistics or specific statistical software. Data files and documentations for each country, such as questionnaires, sampling procedures, codebooks, are available free of charge. The availability is widely advertised through the websites of Gesis, the EVS, and other conventional and new social media. In the period 2008–2016, 32 921 downloads of EVS data files were counted, and 396 055 documentation downloads (questionnaires, guidelines, method and variable reports, source books). In 2016, so eight years after the last data collection, the EVS data appears still very relevant to scholars: 6096 downloads of EVS data files, and 76 230 documentation downloads have been recorded.

The values covered by the European Values Study appear of interest to scholars from a wide range of disciplines: Sociology (25 %), Political Science (23 %), and Economics (21 %), but also Psychology, Demography, Social Policy, Philosophy, Ethics, and Religion.

The relevance of the EVS data goes beyond the European area: 15 % of the downloads are made by researchers who live in other continents, mainly United States, Canada, Australia, New Zealand, Korea, China, and Japan.

To reach both scholars and the wider publics, EVS uses several communication channels. For example, in addition to the official website, the EVS employs social medias such as Facebook and Twitter for spreading updates on the project, providing original maps and graphs, informing about recent publications based on EVS data, and call for papers and other opportunities related to the study of values. On Twitter, more than 1300 users (as 20.05.2018) among researchers, academic journals, research institutes, research projects and infrastructures follow the EVS account³. The EVS Facebook page has about 950 fans (as 20.05.2018). The audience is global, covering 45 different countries, even outside Europe there are EVS fans in Australia, Morocco, Nigeria, Lebanon, India, Pakistan, Afghanistan, Egypt, Mongolia, Hong Kong, Brazil, and US.

The EVS has brought forth a countless number of social-scientific publications which have enriched the knowledge on the causes and consequences of value differences that exist between European citizens and nations, and on the methodological-statistical procedures for measuring and analyzing values differences in a cross-cultural research design. In addition, popu-

larized publications have made the findings of the European Values Study accessible to a broader audience. An EVS bibliography with over 1700 publications known to the EVS, is available at the website of the European Values Study Group. One publication stands out: The Atlas of European Values [23]. This publication shows in attractive and informative maps and graphs what life-goals and societal conditions citizens of 47 European nations deem important in their private and social life. It presents a selection of the results of the latest values survey and also highlights some important trends in values since the 1980s.

Based on survey data from the 1999/2000 EVS surveys, a first version of the Atlas of European Values appeared in 2005 [24] and included a foreword by the (former) Dutch Prime Minister Jan Peter Balkenende, who strongly advocated the importance of values in Europe. The Atlas was named by Choice Magazine as outstanding academic title in 2006. It was sent to the government leaders of all EU countries and the Atlas inspired the Bulgarian Prime Minister Sergei Stanishev to conclude that the way of thinking and perceptions of Bulgarians are quite European and hence that EU membership will be a natural step forward for Bulgaria.

The new edition of the Atlas of European Values which was released in 2011, had a laudatory foreword by Mr. Herman Van Rompuy, at that time the President of the European Council. Many prominent people have received a copy of this atlas, among them King Willem-Alexander and Queen Maxima of the Netherlands, and Frans Timmermans, commissioner and first vice president of the European Commission. In addition, a paperback version was published, mainly for use in education.

The first copy of the new version of «Atlas of European Values» was presented to Mr. Luuk van Middelaar, member of the Cabinet of Mr. Herman van Rompuy, President of the European Council on 23–25 November, 2011 during the general program (open for the general public) of the international conference on the Values of Europe at Tilburg University, the Netherlands.

In numerous countries, national reports were prepared based on the survey data provided by the EVS. Many publications are meant to inform the broader audience. The broader public is also informed about European values in the visitor's center of the European Parliament in Brussels. The EVS data are displayed in the United in Diversity exhibition in the Parlementarium and informs the ordinary people about European's diversity in values but also about the similarities in basic value orientations. The European Values Study is one of the main data sources in the exhibition space on

²See: <http://zacat.gesis.org/webview/>.

³See: https://twitter.com/evs_values.

«United in Diversity» of Visitors' Centre of the European Parliament, in Brussels. This exhibition area is based on the idea that the European Union, despite the cultural differences and multitudinous interests, works together and develops concepts for a future European civil society. On the ceiling of this room hangs a shifting 3D map of Europe showing the results from the European Values Study with light displays. The Parliamentarium in October 2011 opened its doors and attracts about 350 000 visitors annually. In January 2015, the millionth visitor was welcomed. It is the largest parliamentary visitors' center in Europe. All information in the centre is offered in the 24 official languages of Europe.

EVS data is also used extensively as teaching materials for tertiary education (social sciences, teachers colleges), in secondary education (social sciences, geography, history) and even in primary education to inform the new generations of Europeans about the cultural differences and similarities that exist in Europe. Different tools have been proposed for educational purposes. Here we mention two examples which were developed in the Netherlands but which have global access. In close collaboration with Fontys University of Applied Sciences in Tilburg, the Tilburg EVS team designed a special website⁴ where students, teachers and other users can find materials about values in Europe and make their own maps. The website is available now in seven languages: English, German, Dutch, Slovak, Turkish, French and Spanish. On the

basis of the interactive maps, visitors can see how the people of European countries at different times (1981, 1990, 1999 and 2008), thought and act. They can but also compare groups in Europe, e.g., young and old, higher and lower educated people, men and women. Additionally, the website contains extensive teaching materials for teachers in secondary education: lesson plans, teaching methods and specially recorded videos of young people across Europe. The use of the teaching material is kept online and counts more than 2000 sessions per year.

In close collaboration with «Wetenschapsknooppunt Brabant» (Science Centre Brabant), a teaching module about European Norms and Values has been developed. Based on the data collection of the European Values Study, primary school pupils (11/12 years old) get information about how adults and children think about education and parenting. Children get insight about their own values and can discuss these with other pupils, teachers, and parents. In an instruction video, Dr. Inge Sieben (Department of Sociology, Tilburg University) explains why Europeans think so differently. The module can be used at home and in the classroom. The module is available on www.kinderkennisbank.nl, a Dutch language platform where children, parents, and teachers also can find information about the scientific background. Since its launch the module has attracted more than 45 000 unique visitors (between March 2015 and January 2016).

What the data reveal so far

A key conclusion from the EVS project is that there is unity in diversity in Europe. Although almost all Europeans share a belief in the importance of democracy, freedom, equality, human dignity and solidarity, Europeans are quite diverse when it comes to values.

Following Inglehart, Hagenaars, et al. [4; 25] distinguished two basic value orientations that reflect two fundamental dimensions of social change: the traditional/secular-rational dimension refers to the contrast between on the one end, religious and traditional values that generally prevail in premodern agrarian societies, and on the other end, secular, bureaucratic, and rational values that prevail in urbanized, industrialized societies. In traditional societies the importance of religion is emphasized, authorities are respected, parent-child ties are strong, two-parent families the norm, and moral standards are absolute. In such societies divorce, abortion, euthanasia, and suicide, are rejected and citizens tend to be patriotic and nationalistic. In contrast to the people in these traditional societies, people in secular-rational societies display the opposite preferences on all of these topics.

The other main dimension, survival/self-expression, refers to the distinction between an emphasis on economic and physical security versus emphasis on concerns of self-expression, subjective well-being, and quality of life issues. People in societies that emphasize survival values tend to be in favor materialist orientations and traditional gender roles, they appear intolerant of foreigners, gays and lesbians and other marginalized groups, and have low levels of subjective well-being and interpersonal trust. They emphasize hard work, rather than imagination or tolerance, as important values to teach children. People in societies that emphasize self-expression display the opposite preferences on all of these topics.

These two dimensions appear enable to locate any European society on a two-dimensional map that reflects the societies' relative positions (fig. 2). Although major changes are occurring along these dimensions, the relative positions of the countries appear rather stable.

Economic development appears a strong predictor of a country's specific position on the cultural map.

⁴See: www.atlasofeuropeanvalues.eu.

The wealthier a country is, the more personal autonomy is emphasized by its people. Although there are exceptions to this rule, economic prosperity and the corresponding level of social security appear to push a country's values in certain predictable direction [4; 26; 27]. The strong link between personal autonomy and economic prosperity and security concurs with existing sociological theories on individualization and post-modernization. Because of economic and physical security people can prioritize quality of life issues, such as self-development, environmentalism and so-

cial concerns about minority rights, fair trade, gender equality and the like.

However, not only levels of economic and physical security can explain the value differences between Europe's societies. A country's position on the cultural map can also be understood from varieties in social-cultural heritages, languages, religious and ideological traditions and differences in political and educational systems. These may persist for centuries and people's value orientations appear strongly influenced by their nation's specific historical development.

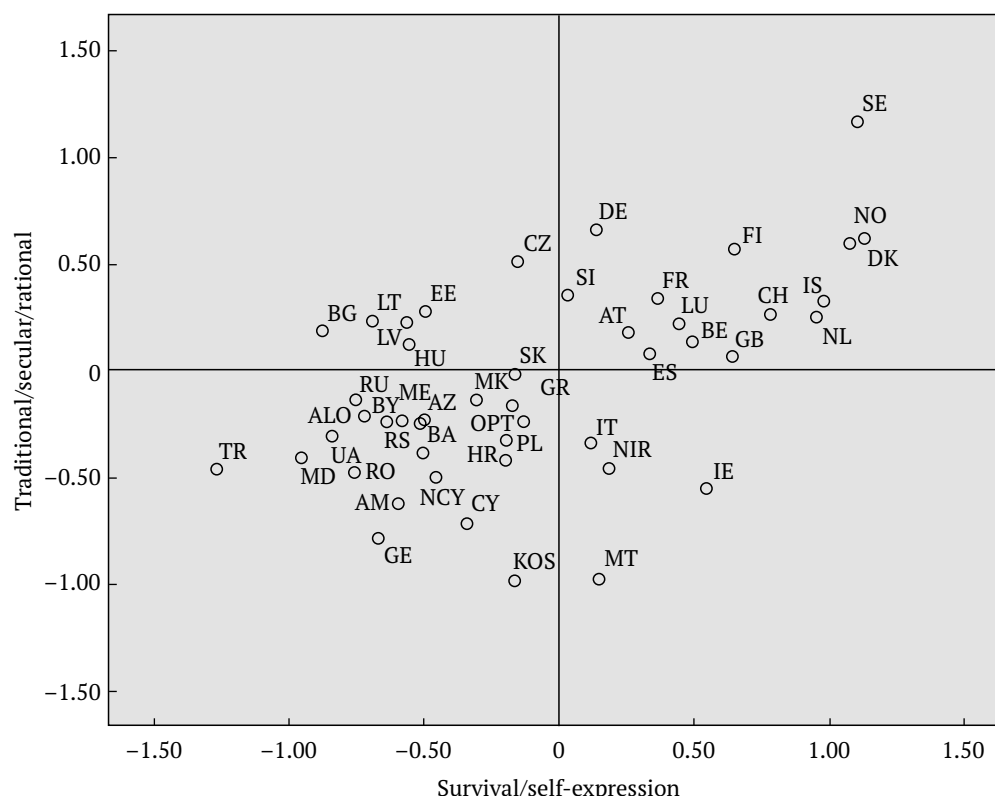

Fig. 2. The cultural map of Europe

A society's religious heritage has left an enduring imprint on a country's contemporary value system. As a result, the historically Roman Catholic societies of Western Europe, such as Italy, Portugal, Spain, France, Belgium and Austria, appear relatively traditional compared to the ex-communist societies while the historically Protestant societies such as Denmark, Norway, Sweden, Finland and Iceland rank relatively high on both the traditional-secular rational dimension and the survival/self-expression dimension compared to the historically Roman Catholic societies.

However, a society's position on the cultural map seems to reflect its entire historical heritage. A central historical event of the twentieth century was, of course, the rise and fall of communism. Communism left a clear imprint on the value systems of those who lived under it. Despite differences in cultural tradi-

tions, all ex-communist Central and Eastern Europe societies rank high on the traditional/secular-rational dimension (toward the secular pole), and low on the survival/self-expression dimension. The collapse of communism in the Central and Eastern European countries resulted not only in a pervasive sense of insecurity but also as a consequence of this, low levels of subjective well-being. People who have experienced the collapse of their political, economic and social systems feel a sense of unpredictability and insecurity that leads them to stress survival values. Apart from this emphasis on survival values, ex-communist countries also score high on the secular-rational dimensions. Apparently, the secular ideology of communist rule has been conducive to the emergence of a relatively secular-rational culture. All ex-communist countries, but those that were part of the Soviet Union

in particular, rank higher on secular-rational values than non-communist countries. Thus, a history of communist rule continues to account for a significant share of the cross-cultural differences in basic value orientations.

The fall of the iron curtain and the EU membership of some former communist countries have apparently not resulted in a vanishing of the «value-divide» between East and West. Even now that democracy and capitalism have set ground in the post-communistic countries, the East-West divide remains intact. There may be some indications that the transformation towards a market economy have affected some values towards more Western norms, but important value differences remain. The former communist countries appear more conservative than the Western and Northern countries in Europe. These nations also favor a much stronger role of the state in directing the economy and ensuring the social safety net than their counterparts in Western Europe. They are less prone to do voluntary work, while interpersonal confidence is rather low, as is their overall life satisfaction. Furthermore, the citizens in the East feel less European compared to people in the West of Europe.

However, speaking about the East does not do justice to the sometimes wide cultural differences that also exist within this region. In terms of history or cultural heritage, Belarus and Georgia, for example, can hardly be compared with the more Nordic oriented Estonia or western-oriented Slovenia. The differences among the former communistic countries are and remain large.

Nine former Communist states have fully converted to a market economy and have joined the European Union: Poland, Estonia, Latvia, Lithuania, Czech Republic, Hungary, Slovenia, Slovakia, Romania, Bulgaria

and Croatia. Albania, Montenegro, Serbia, Macedonia and Turkey want to integrate while Bosnia-Herzegovina and Kosovo have applied for membership. Economic development seems to have pushed the Eastern countries in the direction of the West, but also the country's geographic and cultural proximity to the West seems to result in more «western» values. The values of people in Czech Republic and Poland appear far more similar to the values of people in Austria or France, than to people in Latvia or Russia.

These two dimensions appear robust aspects of cross-cultural variation, and a society's position on the two-dimensional map reflects the relative positions of that country at given point in time. Gradual shifts are occurring along these dimensions and one of the most important of these changes is the increasing emphasis on self-expression values resulting in the emerging and flourishing of democratic political institutions [13; 28].

The robustness of the two dimensions and the relative position of countries along them appears from the strong correlation between the positions of given countries on the two dimensions. This particularly the case with the survival/self-expression dimension. Although major changes are occurring along these dimensions, the relative positions of given countries appear not affected. Comparing the map based on the 1990 surveys with the map based on the 1999/2000 surveys or the 2008 surveys, at first glance they seem to be the same.

When it comes to survival-self-expression dimension (fig. 4), there seems to be an ongoing trend towards more wellbeing in all European countries. There is a shift away from survival values towards self-expression or well-being values. Though there are a few exceptions in the last decade, this is as expected (below 0 indicates a downward trend).

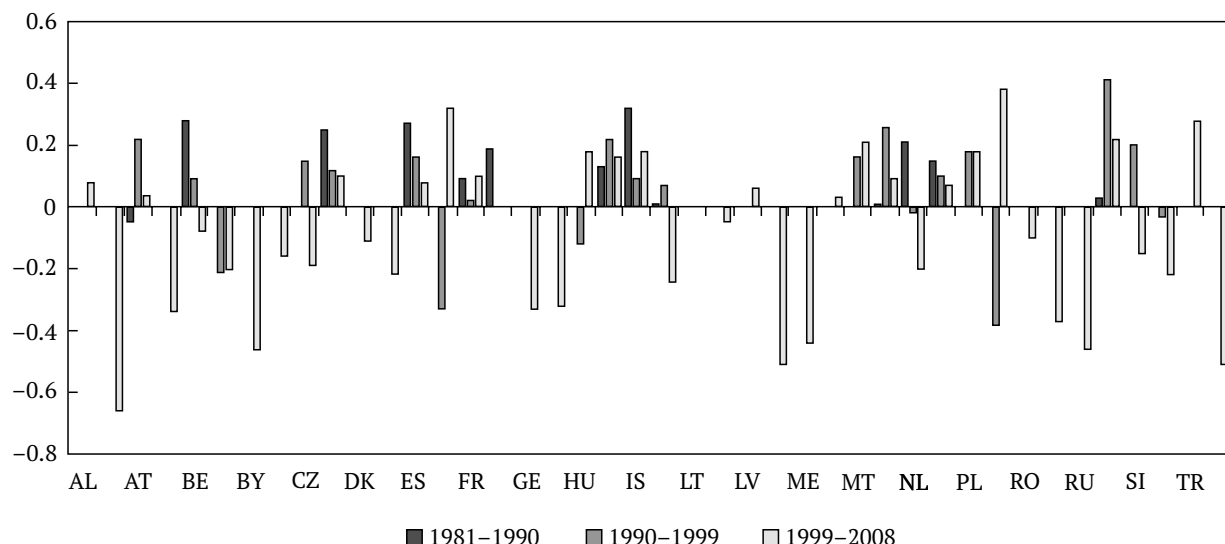

Fig. 3. Trends on the religious traditional versus secular rational dimension

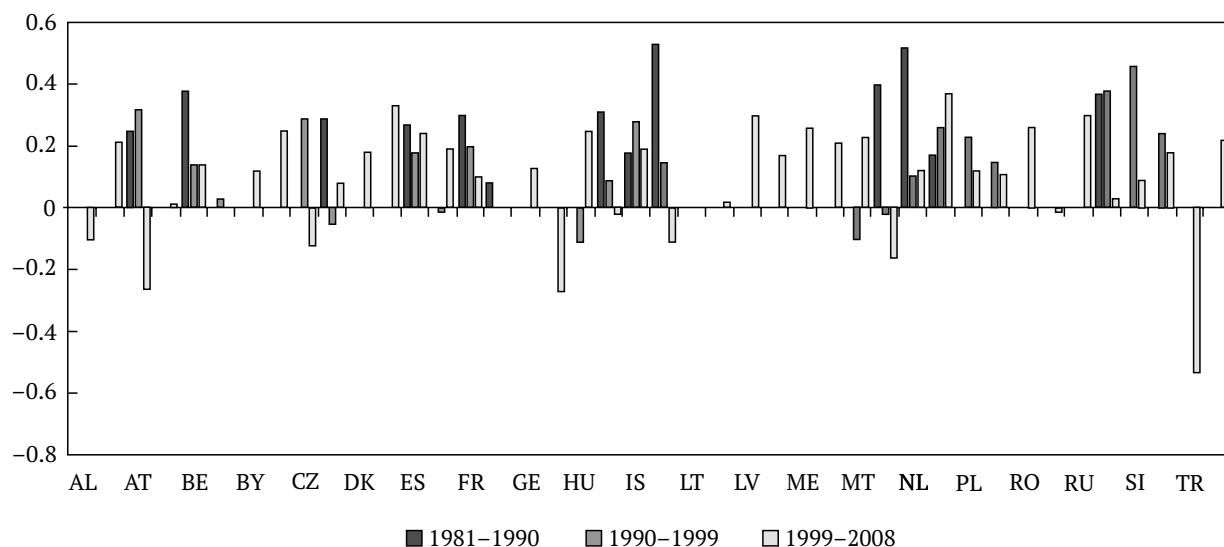

Fig. 4. Trends on the survival versus self expression (well being) dimension

The values map of Europe indicates that the Scandinavian people and perhaps also the Dutch are on the cutting edge of cultural change. They have advanced the furthest in the direction of modernization and

post-materialism. When sociological theories are correct, and their trajectories will be followed by others, Europeans do not have to look over the ocean, but to the North to see their future.

And now...

The EVS project started at the end of the seventies to explore for the first time in history the values of the Europeans. Surveys were organized in 1981 in the member states of the European Community. In subsequent years, the project expanded and transformed into a worldwide investigation on basic human values. As a project, the European Values Study focused on values research in European countries with time intervals of nine years. The latest wave took place in 2008 and it was about time to organize a new wave of surveys in 2017. In 2013, EVS started the preparations of the fifth wave and in order to organize that wave of surveys, a theory group and methodology group were established. The main tasks of theory group were to critically evaluate the existing questionnaire for measuring values and to propose questions and items to tap values about more contemporary issues and themes. As previously, it was decided that about 80 % of the old items should be kept, leaving about 20 % room for new items to cover new issues and contemporary themes. The review of the questionnaire was also aiming at improving the compatibility with the questionnaire used in the World Values Survey (WVS).

The main tasks of the Methodology Group were to develop the methodology and tools for the new wave of surveys so that rigorous state-of-the-art methodology would be applied for the 2017 data collection and reliable high-quality data would be collected.

The preparation of the fifth wave benefited from the cooperation with other survey programs. The agreement with the WVS, which resulted in a questionnaire that is compatible for about 70 % and the application of the EVS methodological guidelines to the European data collections, enables globally comparative studies by adopting methodologically harmonized procedures. In the meantime, the EVS became partner in a European Commission funded project, the SERISS⁵ project, together with other international comparative survey programmes. The project, led by the European Social Survey ERIC, involves the Survey of Health, Ageing and Retirement in Europe (SHARE ERIC), the Consortium of European Social Science Data Archives (CESSDA ERIC), the Generations and Gender Programme (GGP), the EVS and the Wage Indicator Survey. SERISS aims at dealing with many of the cross-national surveys' challenges through a cooperative approach that capitalizes the resources of each participant to the benefit of the broader research community. As the other partners, the EVS benefited by the know-how shared in SERISS which was useful for improving the methodological standards and developing innovative procedures for realizing the new fieldwork in 2017–2018, as, for example, the experimental introduction of the mixed-mode that can become in the future a valid alternative to the face-to-face interview to efficiently collecting data on values.

⁵Synergies for Europe's Research Infrastructures in the Social Sciences. See: <https://seriss.eu>.

As in previous waves, there was no central budget, and the data collections in the various countries were the responsibility of the national program directors in each country. In a majority of the countries in Europe, these national program directors have been able to secure sufficient financial resources to cover the costs for the data collection in their country. The 2017 survey is again a very successful enterprise with about in between 40–45 countries being involved in the fifth wave of surveys. As such the European Values Study was, is

and hopefully will remain a unique project on investigating the values of the Europeans.

Also the new collected data will also be archived at GESIS in Cologne and will be made available free of charge to all who are interested in values and value change in Europe. The new data collection provides researchers with information about current values and enables to find out if and to what extent and in which direction values are changing in a rapidly changing European society.

References

1. Stoetzel J. *Les Valeurs du temps présent: Une enquête Européenne*. Paris: Presse Universitaires de France; 1983. French.
2. Halman L, Inglehart R, Díez-Medrano J, Luijckx R, Moreno A, Basáñez M. *Changing values and beliefs in 85 countries*. Leiden, Boston: Brill; 2008.
3. European Values Study [cited 2018 April 10]. Available from: <http://www.europeanvaluesstudy.eu/>.
4. Inglehart R. *The Silent Revolution*. Princeton: Princeton University Press; 1977.
5. Inglehart R. *Culture Shift*. Princeton: Princeton University Press; 1990.
6. World Values Survey [cited 2018 April 10]. Available from: <http://www.worldvaluessurvey.org>.
7. Van Deth J. Introduction. In: van Deth J, Scarbrough E, editors. *The impact of values*. Oxford: Oxford University Press; 1995. p. 1–18.
8. Lawrence HE, Huntington SP, editors. *Culture Matters*. New York: Basic Books; 2000.
9. Joas H. *The genesis of values*. Chicago: The University of Chicago Press; 2000.
10. Etzioni A. The denial of virtue. *Society*. 2008;45:12–19. DOI: 10.1007/S12115-007-9048-2.
11. Weber M. *Die protestantische Ethik. Bd. 1. Das problem*. Gütersloh: Gütersloher Verlagshaus Mohn; 1979. German.
12. Durkheim E. *The Division of Labor in Society*. New York: Free Press; 1964.
13. Almond G, Sydney V. The civic culture. Boston, Massachusetts: Little, Brown; 1965.
14. Thome H. Values, Sociology of. In: Wright JD, editor. *International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences*. Vol. 25. 2nd edition. Oxford: Elsevier; 2015. p. 47–53.
15. Beck U, Beck-Gernsheim E. *Individualization*. Los Angeles, London, New Delhi, Singapore, Washington DC: Sage; 2009.
16. Bellah RN, Madsen R, Sullivan WM, Swidler A, Tipton S. *Habits of the heart. Individualism and commitment in American life*. New York: Harper & Row; 1986.
17. Bellah R, Madsen R, Sullivan W, Swidler A, Tipton S. *The good society*. New York: Vintage Books; 1992.
18. Fukuyama F. *The great disruption*. New York: Touchstone; 2000.
19. Etzioni A. *The new golden rule*. New York: Basic Books; 1996.
20. Harding S, Phillips D, Fogarty M. *Contrasting values in Western Europe*. Houndsmill, London: MacMillan; 1986.
21. Kerkhofs J. *De Europeanen en hun waarden*. Leuven: Davidfonds; 1997. German.
22. Barker D, Halman L, Vloet A. *The European Values Study 1981–1990. Summary Report*. London: Gordon Cook Foundation; 1992.
23. Halman L, Sieben I, van Zundert M. *Atlas of European Values. Trends and Traditions at the turn of the century*. Leiden: Brill; 2011.
24. Halman L, Luijckx R, van Zundert M. *Atlas of European Values*. Leiden: Brill; 2005.
25. Hagenaars J, Halman L, Moors G. Exploring Europe's basic values map. In: Arts W, Hagenaars J, Halman L, editors. *The cultural diversity of European unity*. Leiden, Boston: Brill; 2003. p. 23–58.
26. Inglehart R, Welzel Ch. *Modernization, cultural change, and democracy*. Cambridge: Cambridge University Press; 2005.
27. Inglehart R. Modernization, existential security and cultural change: reshaping human motivations and society. In: Gelfand M, Chiu CY, Hong YY, editors. *Handbook of advances in culture and psychology*. Oxford: Oxford University Press; 2018.
28. Putnam R. *Making democracy work*. Princeton: Princeton University Press; 1993.

Received by editorial board 23.05.2018.

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

ARTICLES AND REPORTS

УДК 005.334

КТО ИЗУЧАЕТ КРИЗИСЫ И РИСКИ? ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ МИРОВОЙ РИСК-АНАЛИТИКИ

В. К. ЩЕРБИН¹⁾

¹⁾Центр системного анализа и стратегических исследований Национальной академии наук Беларуси,
ул. Академическая, 1, 220072, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются концепт *аналитика* и его концепт-переменные: аналитика управления, бизнес-аналитика, военная аналитика, информационная аналитика, политическая аналитика, правовая аналитика, риск-аналитика, социальная аналитика, социогуманитарная аналитика, стратегическая аналитика, финансовая аналитика, химическая аналитика, экологическая аналитика, экономическая аналитика и др. Указаны организационные ресурсы мировой аналитики (академические и отраслевые НИИ, информационно-аналитические, «мозговые», ситуационные и стратегические центры, «фабрики мысли», центры публичной политики и экспертные сообщества), специализирующиеся на проведении того или иного вида аналитических исследований. Обосновывается вывод о необходимости создания общегосударственного органа управления, который осуществлял бы координацию деятельности всех перечисленных организационных структур, направленной на проведение риск-аналитических исследований и разработку антикризисных программ.

Ключевые слова: концепт *аналитика*; виды аналитики; организационные ресурсы мировой аналитики.

Образец цитирования:

Щербин ВК. Кто изучает кризисы и риски? Организационные ресурсы мировой риск-аналитики. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;3:35–52.

For citation:

Shcherbin VK. Who studies crises and risks? Organizational resources of the world risk analytics. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;3:35–52. Russian.

Автор:

Вячеслав Константинович Щербин – кандидат филологических наук; заведующий сектором исследований макроэкономических рисков.

Author:

Vyacheslav K. Shcherbin, PhD (philology); head of the sector of macroeconomic risks research.
slavalex@mail.ru

WHO STUDIES CRISES AND RISKS? ORGANIZATIONAL RESOURCES OF THE WORLD RISK ANALYTICS

V. K. SHCHERBIN^a

^aThe Center of System Analysis and Strategic Research, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Akademičnaja Street, Minsk 220072, Belarus

The concept *analytics* and its concept variables (analytics of management, business analytics, chemical analytics, ecological analytics, economic analytics, financial analytics, informational analytics, legal analytics, political analytics, risk-analytics, social analytics, social sciences and humanities analytics, strategic analytics, war analytics etc.) are considered in the article. The organizational resources of the world analytics (academic and sectoral institutes, informational-analytical, intellectual, situational and strategic centers, «think-tanks», centers of public policy, and expert societies), specializing on carrying out different types of analytical research, are analyzed. The conclusion is substantiated about the necessity of creation of a single state body of management which would coordinate of activities of all the above mentioned organizational structures engaged in carrying out risk-analytical research and making crisis management programs.

Key words: concept *analytics*; types of analytics; organizational resources of the world analytics.

Введение

Данная статья является продолжением поиска ответа на вопрос: кто изучает кризисы и риски? Результаты первого этапа такого поиска были изложены ранее в работе, в рамках которой анализировались почти полтора десятка научных дисциплин и отдельных научных направлений, специализирующихся на изучении кризисов и рисков (в их числе кризисное обществоведение, кризисный менеджмент, кризисология, теория кризисов, синдиника, хоррорология, рискология, общая теория рисков, риск-менеджмент, социология риска, социологическая рискология, психология риска, эвентология, рискография) [1]. В отличие от перечисленных на-

учных дисциплин и отдельных научных направлений, которые группируются преимущественно вокруг того или иного рискогенного концепта, существующие в разных странах мира многочисленные организационные структуры (академические и отраслевые НИИ, информационно-аналитические, «мозговые», ситуационные и стратегические центры, «фабрики мысли», центры публичной политики и экспертные сообщества) делятся по видам выполняемой ими аналитики. В связи с этим необходимо предварительно определить концепт аналитики, а также описать понятийное содержание его концепт-переменных (видов).

Концепт аналитики и его концепт-переменные

В справочной и научной литературе приводятся следующие наиболее общие определения рассматриваемого понятия: «**Аналитика** (от греч. *analytike* – искусство анализа; англ. *analytic*) – искусство расчленения понятий, логика» [2, с. 44]; «**Аналитика** (греч. *analytikos* – искусство анализа) – в аристотелевской логике название той части логики, которая трактует об умозаключении, доказательстве, а также об определении и делении понятий» [3, с. 29]; «**Аналитика** относится к решению сложных, еще не решенных проблем (а не задач) на системном уровне, когда существующих знаний недостаточно или они исчерпали себя. При этом может происходить уточнение целей, выявление проблем, мешающих этих целей достигнуть, а также осуществляется генерация новых идей для решения выявленных проблем. Аналитика решает стратегические проблемы, актуальные в среднесрочном и долгосрочном периодах. В этом смысле стратегические решения, предлагаемые аналитиками, подчиняют себе оперативно-тактические решения, предлагаемые экспертами» [4, с. 144]; «Одно

из классических определений аналитики – приведение разрозненных сведений в логически обоснованную систему зависимостей, позволяющих дать правильную оценку как всей совокупности фактов, так и каждому из них в отдельности» [5, с. 37].

По свидетельству немецких исследователей К. Данцера, Э. Тана и Д. Мольха, основой при формировании аналитики как отдельной научной дисциплины послужила аналитическая химия: «Аналитика, еще несколько десятилетий назад бывшая исключительно аналитической химией, занятия которой рассматривались в качестве профессионального признака химика, в последнее время бурно развивалась и превратилась в самостоятельную научную дисциплину. Значение аналитических испытаний в научных исследованиях, техническом прогрессе и производстве в последние десятилетия непрерывно возрастало. Решающую роль в этом сыграл подъем тех отраслей промышленности, которые особенно нуждаются в аналитическом контроле сырья, промежуточных продуктов и конечной продукции, таких как химическая, ме-

таллургическая и металлообрабатывающая промышленность и производство полупроводниковых материалов. При этом постоянно возрастал не только объем аналитического контроля, но и требования к содержанию и качеству аналитической информации. В результате аналитика стала существенной составной частью рационализации и автоматизации производственных процессов. Химия и технические науки, физика, биология, медицина, изучение окружающей среды в своих фундаментальных и прикладных исследованиях все больше нуждаются в помощи аналитики. Поэтому в последние десятилетия был разработан или получил широкое применение целый ряд новых методов анализа, чему способствовал прогресс в области электронной измерительной техники. Все это привело к формированию аналитики в качестве относительно самостоятельной отрасли науки, что, однако, до сих пор еще не нашло выражения в целостной системе теоретических основ» [6, с. 11].

Наконец, в учебной литературе рассматриваемый концепт определяется следующим образом: «**Аналитика** – это в первую очередь исследование. <...> Ее проще осуществлять, когда анализируемая деятельность регламентирована, точно процедурно прописана. Например, регламент Европейского союза – более 100 тысяч правил, стандартов, судебных решений, что, конечно же, снижает градус полемики» [7, с. 9]. Однако, как будет показано ниже, в зависимости от области и целей применения концепта *аналитика* его понятийное содержание может видоизменяться в широком диапазоне, вследствие чего он обозначает как разные виды научной, исследовательской деятельности в различных отраслях знаний, так и конкретные отраслевые практики, образуя многочисленные концепт-переменные.

В частности, сегодня в различных отраслях знаний активно используются следующие виды аналитики (приводятся в алфавитном порядке с указанием источника, в котором они описываются):

- 1) аналитика дорожных карт развития нанотехнологий [8, с. 18];
- 2) аналитика закрытых элитных игр [9];
- 3) аналитика раннего предупреждения [10, с. 10];
- 4) аналитика управления [11, с. 97];
- 5) аналитическая геометрия [12, с. 654];
- 6) аналитическая лексикография [13, с. 127–129];
- 7) аналитическая механика [12, с. 656];
- 8) аналитическая психология [12, с. 656], психоаналитика [14, с. 44];
- 9) аналитическая философия [15, с. 14];
- 10) аналитическая юриспруденция [16, с. 43–44], правовая аналитика [7, с. 72];
- 11) библиометрическая аналитика [17; 18];
- 12) бизнес-аналитика [19];
- 13) биоаналитика [20];

- 14) веб-аналитика [21], интернет-аналитика [22];
- 15) военная аналитика [23];
- 16) информационная аналитика [24, с. 23] и ее разновидность – аналитика больших данных [25];
- 17) криптоаналитика [26];
- 18) медицинская аналитика [27];
- 19) политическая аналитика [28; 29];
- 20) прогнозная аналитика [30];
- 21) риск-аналитика [31, с. 23];
- 22) социальная аналитика [32, с. 18];
- 23) социогуманитарная аналитика [33, с. 13–14];
- 24) спортивная аналитика [34];
- 25) стратегическая аналитика [35, с. 99];
- 26) технологическая аналитика [36, с. 47–48; 37];
- 27) финансовая аналитика [38];
- 28) химическая аналитика, или аналитическая химия [6; 39, с. 96];
- 29) экологическая аналитика, или аналитическая экология [40];
- 30) экономическая аналитика [41] и др.

При этом в каждой отрасли знаний созданы соответствующие организационные структуры (государственные или общественные), которые проводят разнопрофильные аналитические исследования. В ходе таких исследований решаются самые разные задачи (оценка современного состояния данной отрасли знаний, определение ее перспектив, мегатрендов и путей развития, выявление и оценка отраслевых рисков и др.).

Знакомство с отечественной и зарубежной научной литературой, в которой представлены результаты разнопрофильных аналитических исследований, позволяет утверждать, что в их общем объеме удельный вес риск-аналитических исследований в различных отраслях знаний существенно отличается. Например, бизнес, как область профессиональных знаний, принципиально «невозможен без риска» [42, с. 151]. Более того, здесь «самый большой риск – это отсутствие риска» [42, с. 160], поскольку чем меньше риск, тем меньше прибыль. В то же время, чтобы снизить бизнес-риски, сделать их обдуманными и взвешенными, в сфере бизнеса широко используются результаты многочисленных риск-аналитических исследований. Эксперты американской консалтинговой компании *Gartner* указывали, что на рынке в настоящее время представлены аналитические продукты трех классов: *традиционная аналитика*, «реализующая алгоритмы анализа данных различной сложности и обеспечивающая консолидацию информации из различных источников, визуализацию данных, формирование отчетности»; *решения для стратегического управления* – «комплексные карты показателей эффективности, позволяющие оценивать степень достижения бизнес-целей»; *процессно-ориентированные решения*, «которые встраиваются непосредственно в бизнес-процессы и автоматизи-

зируют каждодневное, рутинное принятие решений» [19, с. 3–4].

Особенно широко используется процессный подход в сфере риск-менеджмента [43, с. 67–115]. Создана даже *операционная аналитика*, которая «используется для поддержки не стратегических и значимых, а повседневных тактических решений» [44, с. 38]. Исследователь Б. Фрэнкс отмечал: «Что еще важнее, когда аналитический процесс выведен на операционный уровень, он напрямую управляет деятельностью – не просто рекомендует те или иные действия, а непосредственно их реализует. Все вышеперечисленное и составляет суть операционной аналитики. Непосредственно реализуя решения и действия без вмешательства человека, операционная аналитика выводит интеграцию и воздействие аналитики на совершенно новый уровень. <...> Когда процесс запущен, он уже самостоятельно получает доступ к данным, осуществляет анализ, принимает решения и фактически выполняет необходимые действия. Он может выполняться тысячи и даже миллионы раз в день. После того как люди в организации осознают, что можно получать аналитику, интегрированную на таком уровне, у них часто возникает потребность в ее увеличении. В результате рождается спрос на еще большее количество аналитики и на всё возрастающем уровне сложности. В то же время наличие автоматизированной операционной аналитики создает необходимость в тщательном мониторинге процессов» [44, с. 38]. По справедливому замечанию Т. Дэвенпорта, «когда решения принимаются в режиме реального времени и без (или почти без) вмешательства человека, потребуется действительно хороший подбор аналитики и правил принятия решений, иначе можно очень быстро потерять много денег» [45, с. 21]. Таким образом, круг замкнулся: чтобы снизить бизнес-риски, широко используется сложная операционная аналитика, которая сама порождает новые бизнес-риски и необходимость их постоянного изучения аналитическими структурами.

Во многом схожая ситуация наблюдается в области *военной аналитики*. С одной стороны, утверждается, что основой серьезной военной аналитики сегодня являются теория оперативного изучения и операционный анализ, разработанные американскими исследователями еще во время Второй мировой войны: «П. М. С. Блэкетт, лауреат Нобелевской премии по физике, один из создателей теории оперативного изучения, верил в то, что он сам называл “смешанные команды”, то есть группы, которые объединяют различных ученых, анализирующих какую-либо проблему и находящих наиболее эффективное решение. В США теория оперативного изучения стала известна под названием “операционный анализ”. По словам Фреда

Каплана, “к концу войны каждое подразделение ВВС имело собственную группу операционного анализа”. Ученых просили не только собирать данные и разрабатывать новые виды оружия, но также вникать в сам ход военных действий. РЭНД (американская некоммерческая организация *Research and Development* – “Исследование и разработка”. – В. Ш.) стал лучшим воплощением такого подхода к войне» [23, с. 25–26]. С другой стороны, военными аналитиками США сегодня используются и более совершенные, комплексные методы разработки сценариев военных конфликтов: «Ранее отработанные механизмы специальных операций с финансовыми и энергетическими ресурсами сейчас дополнились концепцией микровойн, органично связанных с борьбой или же с поощрением терроризма с учетом возможности назначить в террористы любого, кто противится либеральной демократии» [46, с. 24]. Последнее с необходимостью предполагает изучение таких комплексных методов военной аналитики соответствующими организационными структурами постсоветских стран.

Целый ряд разноректорных факторов действует сегодня в области *социальной и социогуманитарной аналитики*. С одной стороны, предполагается, что, как правило, такие исследования выполняются высококвалифицированными, профессионально подготовленными социологами, для которых характерны «четкость анализа и адекватность научной коммуникации, построенных не только на логике метода научного познания – анализа, но и на принципе согласования полученных социологических данных с требованиями теории, умение разграничить объективные социологические последствия и субъективные намерения, способность отличать коренные последствия данного социального явления для различных социальных групп и для индивидуальных членов этих групп» [32, с. 18]. С другой стороны, как заметил В. А. Тишков, каждый гуманитарий, ведущий полевое исследование в рамках той или иной социальной группы, при подведении его итогов вынужден «сочетать как минимум три ипостаси: служение научной истине, политику и заботу о том, чтобы “не навредить”». При этом автор ставит важный вопрос: «Как быть, если обнародованное “чистое знание” способно нанести политический ущерб изучаемой группе? <...> При чем чаще всего эти проблемы встают перед наиболее опытными полевыми работниками и глубокими аналитиками: ведь чем тоньше и беспристрастнее анализ, тем чаще он оказывается уязвимым по этическим нормам, ибо вступает в конфликт с бытовым уровнем представлений, политическим фольклором и эмоциональным мифотворчеством интеллектуалов, господствующими в среде изучаемых групп. <...> Мы стремимся познать и по возможности помочь, но познание есть форма имплицитной

критики общепринятых представлений и оправданий существующих реалий, а значит, выводы ученого всегда будут получать свою долю неприятия и непонимания» [33, с. 13–14].

Исследователь Дж. Малган отмечал: «Внутренние ограничения имеет и аналитическое мышление того типа, которому обучают каждого молодого ученого и специалиста в области общественных наук. Аналитический подход тяготеет скорее к деконструкции проблем, чем к их созиданию; он ориентирован скорее на поиск общих моделей, чем на исключения, способные указать дорогу в будущее; он склонен скорее к комфортному применению давно известных методов к впервые возникшим проблемам, чем к использованию новых инструментов и приемов» [47, с. 226]. Снятие логических противоречий между указанными выше разноректорными факторами, действующими в области социальной и социогуманитарной аналитики, невозможно без проведения специализированных риск-аналитических исследований.

Выраженный рискогенный характер имеет ситуация, сложившаяся в области *информационной аналитики*. С одной стороны, исследователи утверждают, что «информационная аналитика – особая область профессиональной деятельности, представляющая собой информационную деятельность, которая обеспечивает преобразование, оценку и синтезирование известных сведений об объекте для получения выводного знания о нем» [24, с. 23]. В то же время Ю. М. Арский и С. П. Яшукова констатировали: «Большинство существующей ныне научной информации находится вне досягаемости обычных поисковых машин, таких как *Google*, *Yahoo* и т. п. Эта важная, но недоступная для таких поисковых систем научная информация содержится в базах данных на так называемых глубоких вебах. Научно-техническая информация, содержащаяся в упомянутых базах данных, имеет совершенно иной уровень и точность индексирования. *Google*, *Yahoo* и другие обычные поисковые машины обеспечивают индексирование и, соответственно, поиск на глубину максимум на 2–3 уровня. Современный научный поиск ориентирован на 7–9 уровней и ниже. Например, иерархический классификатор знаний ВИНТИ РАН (Всероссийский институт научной и технической информации РАН. – В. Ш.) позволяет индексировать НТИ по определенной проблеме на глубину до 15-го уровня. Методология и инструменты такого поиска в институте есть. Как подсчитали аналитики, возможно, что около 99 % всех доступных на вебах научных документов находятся в базах данных на глубоких вебах и в значительной мере недоступны обычным поисковым машинам, а значит, и ученым, и специалистам» [48, с. 17]. Следовательно, необходимо продолжить изучение информационных рисков соответствующими аналитическими структурами.

Существенные отличия наблюдаются также в использовании *стратегической аналитики* менеджерами частных компаний и сотрудниками органов государственного управления. Что касается первых, то для них стратегический анализ – это «подход, посредством которого менеджеры компании выявляют и контролируют внешние и внутренние по отношению к компании факторы, определяют возможности и угрозы внешней среды» [35, с. 99]. В свою очередь, про сотрудников органов государственного управления Дж. Малган пишет следующее: «Большинство стратегических инструментов являются сравнительно новыми. В частности, это могут быть аналитические инструменты системного мышления или логического моделирования, позволяющие обнажить взаимосвязь между теми или иными событиями, механизмы функционирования систем и последствия разного рода воздействий. ...Эти методы мышления постепенно расширяют свое влияние. Пока же сотрудники государственных ведомств используют их сравнительно редко» [47, с. 25].

Постоянно растет удельный вес риск-аналитических исследований в области *технологической аналитики*, элементы которой можно найти уже в научной литературе 1960-х гг. Например, Джон Гэлбрейт в своей книге «Новое индустриальное общество», впервые опубликованной в 1967 г., не только дал наиболее широкое определение термина *техника*, но и убедительно показал, что предварительный технологический анализ лежит в основе организации современного производства: «Под техникой понимают последовательное применение научных и иных видов систематизированных знаний для решения практических задач. Наиболее важное следствие применения современной техники, по крайней мере с точки зрения экономической науки, заключается в том, что она заставляет разделить любую такую задачу на ее составные части. Таким и только таким образом можно добиться воздействия систематизированных знаний на производство» [36, с. 47].

К началу XXI столетия предметное содержание технологической аналитики еще более усложнилось: она стала включать не только анализ технологий, но и другие виды анализа (политический, экономический, социальный, экологический и пр.). Комплексный, мультидисциплинарный характер современной технологической аналитики обусловлен тем, что «в последней четверти XX в. скорость развития технологии стала превышать скорость осознания человеческим обществом причин и особенно последствий этого развития. Тот факт, что практически все социальные и политические процессы отстают от стремительно разворачивающихся экономических и технологических преобразований, существенно снижает качество принимаемых решений на всех уровнях, в том числе

и на высших уровнях субъектов власти» [37, с. 719]. Более того, исследователями было показано, что, во-первых, отдельные виды технологий (например, «природоразрушающие» [49, с. 68], «кусочные» [37, с. 442] и некоторые другие) наносят серьезный ущерб экосистемам и естественным сообществам организмов; во-вторых, использование других их разновидностей (например, «закрывающих» технологий [37, с. 336] и метатехнологий [37, с. 587]) отрицательно сказывается на развитии экономики либо дает внеконкурентные преимущества странам – разработчикам таких технологий. Под влиянием указанных выше исследований и ряда глобальных техногенных катастроф «к концу XX в. осознаются технологические риски многих продуктов научно-технического прогресса, как, например, атомных электростанций, химических заводов, генно-инженерных исследований и разработок. Все это становится предметом публичных дискуссий. <...> Всем стало очевидно, что социальные последствия, как внедрения новой техники и технологии, так и эксплуатации старой, требуют просчета рисков и разработки превентивных мер, предусматривающих не только штатные, но и нештатные ситуации» [50, с. 120, 122].

Не надеясь на государство, общественность западных стран еще в 1960–70-х гг. объединилась в рамках движения «Оценка техники» вокруг идеи о том, что «оценка существующих и вновь вводимых технических систем и процессов уже не может быть чисто технической, ибо такая оценка была бы недопустимо односторонней. Оценка техники должна иметь системный и социальный характер. Системный – потому, что всесторонность и адекватность анализа могут быть обеспечены лишь при условии, что оценка будет осуществляться в целостном контексте, включающем не только техническую, но и экономическую, социальную, политическую и прочие компоненты со всеми сложными взаимосвязями между ними. Социальный – потому, что в этом контексте определяющую роль играет именно социальная, а не техническая компонента; весь этот контекст должен рассматриваться прежде всего под углом зрения социальных проблем» [51, с. 252]. Пытаясь перехватить инициативу, «в 1969 г. конгресс США принял закон о национальной экологической политике, в соответствии с которым государственные и частные предприятия были обязаны представлять доклады о характере воздействия вводимых ими технических новшеств на окружающую среду. В 1972 г. было создано Управление по оценке техники при конгрессе США, первым директором которого стал конгрессмен Э. Даддарио, инициатор движения “Оценка техники” в США. Первоначально это движение ориентировалось на выяснение и предотвращение возможных негативных с экологической точки зрения последствий внедрения

технических новшеств, однако постепенно круг проблем, рассматриваемых этим органом, расширился, включая не только экологическую, но и социальную, этическую, политическую проблематику» [51, с. 252–253]. Таким образом, технологическая аналитика постепенно дополняется риск-аналитическими исследованиями экологического характера.

Даже в такой устоявшейся научной области, как биологическая наука, в рамках которой давно создана и активно используется биоаналитика, представляющая собой совокупность методов биоаналитических исследований [20], ставится вопрос о необходимости создания аналитических структур, изучающих биологические угрозы: «...только активная работа, направленная на реализацию всего комплекса научно-технических разработок, может обеспечить Российской Федерации как адекватный современным угрозам и вызовам уровень биологической безопасности, так и толчок к усилению международной кооперации в этой сфере. В этой связи следует отметить, что летом 2018 г. предполагается открыть первый в России мониторинговый центр, который будет заниматься сбором информации о биологических угрозах. По предварительным оценкам, стоимость проекта составит 2,2 млрд руб. Россия – одна из немногих развитых стран мира, которая до сих пор не имеет своей ассоциации или общества по биобезопасности и, как следствие, не входит в число членов Международной федерации обществ биобезопасности... хотя никаких объективных причин для такой самоизоляции нет» [52, с. 65].

Однако особенно остро сегодня стоит вопрос об изучении финансовых рисков. Несмотря на то что усилиями экономистов к настоящему времени достаточно хорошо разработана такая научная дисциплина, как *риск-аналитика*, в структуре которой наряду с прочими разделами представлен *анализ рисков* – «раздел теории управления рисками, включающий идентификацию и классификацию рисков по причинам их возникновения, определение вероятности их возникновения (степени риска) и возможных потерь (меры риска), а также выбор наиболее эффективных мер управления рисками» [31, с. 23], тем не менее дополнительно создана и активно разрабатывается *финансовая аналитика*. Она «включает качественный и количественный анализ риска, который выполняется в процессе оценки возможных финансовых потерь в абсолютном или относительном выражении. По результатам анализа характеристика риска реализации краткосрочной финансовой политики, как и долгосрочной, должна быть вариантной, максимально учитывающей особенности экономики конкретных предприятий» [38, с. 59–60].

Несмотря на существенные различия между отраслями знаний по объему проводимых в их

рамках риск-аналитических исследований, созданные в этих отраслях научно-исследовательские структуры регулярно занимаются отраслевой аналитикой, а значит, могут накапливать и данные об отраслевых рисках, которые стоит учитывать в процессе разработки антикризисных программ. Весьма показательна в этом отношении позиция академика РАН А. А. Кокошина, который при обсуждении в числе прочих проблем оценки угроз безопасности страны предлагает выделить «по крайней мере четыре сферы, которые необходимо иметь в виду, исследуя характер взаимодействия политики и науки.

Сфера первая – это сфера принятия решений государственными руководителями.

Сфера вторая – это деятельность аналитиков и политтехнологов, непосредственно работающих на государственное руководство (на политических

деятелях) – как в рамках госаппарата, так и за его пределами.

Сфера третья – это деятельность ученых, работающих на прикладных направлениях политической науки и социологии; многие из этих исследований, если они ведутся серьезно, трудозатратны и ресурсоемки. Очень большой работы квалифицированных специалистов требует, например, проведение опросов общественного мнения.

Сфера четвертая – это деятельность ученых-теоретиков, прежде всего в сфере политической и социологической теории...» [53, с. 51–52].

Автор утверждает: «Аналитики, ученые – и “прикладники”, и теоретики – обязаны опираться, возможно, на более широкий спектр данных, строго отобранных, структурированных, проанализированных (в том числе путем сопоставления)» [53, с. 57].

Анализ организационных ресурсов мировой аналитики

Количество разнопрофильных информационно-аналитических структур (их чаще всего называют «мозговые центры» (МЦ) или «фабрики мысли» (ФМ)), выполняющих аналитические исследования различных видов, сегодня столь велико, что периодически издаются специальные справочники таких центров, регулярно определяются их рейтинги: «В ходе выполнения программы (она называлась “Мозговые тресты и гражданские общества” и проводилась исследователями из Пенсильванского университета (США). – В. Ш.) к 2007 г. были обобщены данные на более чем 4,5 тыс. организаций из 126 стран, а в 2008 г. впервые издан развернутый справочник, в котором были классифицированы 5465 учреждений из 169 стран мира по типу, региону, проблематике исследований. Был также составлен рейтинг ведущих МЦ по степени их авторитетности на международной арене... В последующих ежегодных изданиях справочника содержатся данные о все большем числе организаций: в 2009 г. – 6305, в 2010 г. – 6480, в 2011 г. – 6545, в 2012 г. – 6603. При этом постоянно увеличивается число категорий, по которым составляется рейтинг аналитических организаций. Например, в последнее издание справочника были добавлены такие категории, как “лучшие МЦ мира в области энерго- и ресурсосберегающей политики”, “лучшие МЦ мира в области образовательной политики”, “лучшие некоммерческие МЦ мира” и др. К настоящему моменту рейтинги аналитических центров мира составляются по 37 номинациям. Наибольшее число аналитических центров насчитывается в Северной Америке (около 30 % всех МЦ мира) и Европе (27,8 %), 3-е место занимают МЦ Азии – 1194 (их доля в мире составляет почти 18 %)» [54, с. 4–5].

В полном соответствии с многочисленностью и многообразием созданных к настоящему времени в разных странах мира информационно-аналитических структур существенно отличаются и их названия: «В российской общественной науке чаще всего используются три наименования организаций этого типа: **мозговой центр**, **мозговой трест** и **фабрика мысли**. Принятый в российской политической науке во второй половине XX в. архаичный термин “мозговой трест” был калькой словосочетания *Brain Trust*» [55], которое ранее использовалось для обозначения государственных аналитических структур США в первой половине XX в. «Современный термин *Think Tank* возник в годы Второй мировой войны и первоначально использовался для обозначения американских и британских государственных военно-аналитических организаций, созданных в этот период. Во время войны он использовался для обозначения надежно защищенного укрытия, где ученые и специалисты в области обороны могли встречаться с военачальниками для обсуждения стратегических вопросов. После войны значение термина существенно расширилось – им стали называть различные экспертно-аналитические структуры, как государственные, так и негосударственные» [55].

Некоторые российские исследователи отдают предпочтение термину «фабрика мысли» для обозначения разного рода информационно-аналитических структур: «Термин “фабрика мысли”... который мы используем для перевода англоязычного термина *Think Tank* (другие варианты перевода – “мозговой трест” или “мозговой центр”), пока еще не является широко используемым... Этот термин возник в середине прошлого века в США и постепенно заменил термин *Brain Trust* – “мозговой

трест», который использовался преимущественно для обозначения государственных аналитических структур в первой половине XX в.» [56, с. 7]. Классическим считается определение термина «фабрики мысли», данное И. Дрором: «Фабрики мысли – острова качественного использования полноценной междисциплинарной научной мысли для глубокого улучшения процесса выработки конкретных политических практик решения стоящих перед обществом проблем, как главный мост между властью и знанием» [56, с. 9].

Наиболее известной ФМ, по мнению Н. Ютанова, «в настоящий момент является знаменитая *RAND Corporation* (США)». Это, как отмечает автор, огромная транснациональная организация, которая объединяет интеллектуальные ресурсы многих стран мира. «Задачи, которые она решает, масштабны как по вовлекаемым ресурсам, так и по временной протяженности:

- исследование текущего состояния и тенденций развития глобальной безопасности;
- краткосрочные прогнозы транспортных потоков для управления автострадами;
- сверх-интернет-исследование перспектив и потенциала второй сетевой волны, где “интеллект” вложен в объекты и материалы нашей повседневной жизни;
- сети и сетевые войны;
- военные стратегии глобального изменения климата и энергосбережения;
- проект “Тревога” – широко используемая программа по предотвращению использования наркотиков в образовательных учреждениях (признана образцовой Департаментом образования США);
- глобальные изменения в народонаселении: нарастающее давление иммиграции.

Общее число проектов только *RAND Corporation* – свыше пятисот» [57, с. 5–6].

К числу наиболее мощных американских МЦ отдельными исследователями сегодня относятся Аспенский институт, Брукингский институт, Институт Катона, Центр ближневосточных исследований, Центр политического моделирования, Центр общественной целостности, Центр по изучению прав человека, Комиссия ООН по глобальному управлению, «Форум за свободу» (*Freedom forum*), Мировой политический форум, фонд «Наследие», Гуверский институт, Международный институт стратегических исследований, корпорация «РЭНД», Институт мира США [58, с. 233].

Созданы мощные МЦ и во многих западноевропейских странах. В их числе британский Международный институт стратегических исследований, Франко-российский аналитический центр «Обсерво», Римский клуб, британский Институт Адама Смита, бельгийский Королевский институт международных отношений, Норвежский институт меж-

дународных отношений, ряд международных общеевропейских структур, например Стокгольмская сеть, объединяющая несколько десятков европейских либерально-консервативных «мозговых трестов» (www.stockholm-network.org), Европейская сеть политических институтов (*European Policy Institutes Network*), которая соединяет МЦ, исследующие процессы европейской интеграции и проводящие панъевропейские идеи (www.epin.org) [28, с. 13].

За последние десятилетия значительное развитие получила система МЦ в странах Азии. Как свидетельствует И. Н. Комиссина, до 1960-х гг. «в регионе почти не было аналитических и научно-исследовательских центров» [54, с. 7]. Первые институты, например Сингапурский институт международных отношений (1962), Институт исследований Юго-Восточной Азии в Сингапуре (1968) и Центр стратегических и международных исследований в Джакарте (1971), «создавались по образцу Королевского института международных отношений Великобритании или американских аналитических центров».

Настоящий бум возникновения МЦ в регионе начался в 1990-х гг.: «Часто они создавались непосредственно при правительстве, например Индонезийский институт наук. Филиппинский институт проблем развития был “экономическим” МЦ, созданным постановлением правительства в 1977 г. как некоммерческая правительственная корпорация. Основной сферой их деятельности была подготовка аналитической информации для правительств.

Эта практика сохранилась и в настоящее время. В большинстве стран ведущие правительственные органы (министерства иностранных дел, торговли, финансов, обороны и др.), как правило, имеют собственные МЦ, которые финансируются из бюджета конкретного министерства или ведомства. Эти центры играют важную роль в процессе выработки правительственной политики, отвечают за распространение информации, но главным образом выступают в качестве аналитического подразделения государственного учреждения. <...>

В дальнейшем, по мере роста экономической мощи государства и появления крупных компаний, аналитические центры стали создаваться и при них. Возникли частные неправительственные аналитические центры, деятельность которых финансировалась частными корпорациями. <...> Например, в Японии к их числу относятся научно-исследовательские институты, входящие в состав корпораций *Hitachi*, *Mitsubishi*, *Fujitsu*, *Canon* и др., в Южной Корее – это МЦ, аффилированные с ведущими корейскими *чеболями* (конгломератами) *LG*, *Samsung*, *Hyundai*, в Малайзии – МЦ, созданные при группах *Sunway* и *UCSI*. Исследовательская и аналитическая деятельность таких центров направлена на разработку оптимальной корпоративной стратегии,

и они не участвуют в выработке рекомендаций в области государственной политики. <...> Тематика исследовательских работ тесно связана с практическими задачами, которые решают компании. <...>

В регионе появились также независимые частные аналитические центры, такие как Институт экономических исследований, Институт азиатской стратегии и лидерства и Институт демократии и экономики в Малайзии, южнокорейские институт «Сэчжон» и Институт глобальной экономики, Новозеландский институт и Институт устойчивого будущего (Новая Зеландия), «Мозговой центр» Сингапура, Исследовательский институт проблем развития Таиланда. В последнее время наметилась тенденция к увеличению числа подобных МЦ» [54, с. 7–8, 11].

Общемировая тенденция к созданию разнопрофильных МЦ в полной мере проявилась и на постсоветском пространстве. К настоящему времени практически во всех постсоветских странах созданы информационно-аналитические структуры по типу МЦ Запада. К сожалению, сделано это было с большим опозданием и с немалыми геополитическими потерями. По мнению С. Переслегина, «деятельность американских “фабрик мысли” была все же более эффективной, нежели советских НИИ. Во всяком случае в частной задаче победы в Третьей мировой (холодной) войне... американские исследователи смогли включить свое правительство в контекст своих представлений о психологической и экономической войне, привить “лицам, принимающим решения”, вкус к моделированию и сценированию, ввести в оборот такие сильные инструменты исследований, как системный анализ, исследование операций, СВОП-анализ, техника ролевых игр» [59, с. 490].

К сходному выводу приходит и Г. Тер-Арутюнянц: «...советское руководство не придавало большого значения общественным наукам, как и в целом наукам, связанным с человеческим фактором. В этой области акцентировались чисто идеологические или, точнее, шаблонные партийные подходы, и какое-либо отклонение от этого курса было почти невозможным. Последствием такой постановки стала тупиковая ситуация, в которой оказалась сфера общественных наук и комплекс связанных с ней проблем. Это обстоятельство нужно считать одной из основных причин распада советской сверхдержавы» [60, с. 1].

Сегодня в Российской Федерации к числу организационных структур, выполняющих роль МЦ, относят следующие информационно-аналитические организации (называются в алфавитном порядке): аналитический центр информационного агентства «Постфактум», аналитический центр стратегических исследований «Сокол», Ассоциация независимых центров экономического анализа,

Всероссийский центр изучения общественного мнения, Всесоюзный институт научной и технической информации (1952), гуманитарно-политологический центр «Стратегия» (1993), Институт анализа предприятий и рынков НИУ ВШЭ, Институт Дальнего Востока РАН (1966), Институт Европы РАН (1987), Институт Латинской Америки РАН (1961), Институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН (1956), Институт научной информации по общественным наукам РАН (1969), Институт национальной стратегии Станислава Белковского, Институт системно-стратегического анализа, Институт современного развития, Институт стратегического анализа рисков, Институт США и Канады РАН (1967), Институт экономических стратегий РАН, Институт экономической политики имени Е. Т. Гайдара, Информационно-аналитический центр по мониторингу приоритетных направлений развития в области информационно-телекоммуникационных систем, компания *Clarivate Analytics*, Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский центр», Московский центр Карнеги, Независимый институт социальной политики, Российский институт стратегических исследований, Российский совет по международным делам, Санкт-Петербургский гуманитарно-политологический центр «Стратегия», сектор анализа рисков и кризисов Института экономики РАН, Федеральное государственное унитарное предприятие «Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации», фонд «Информатика для демократии» (ИНДЕМ), фонд «Институт социально-экономических и политических исследований» (ИСЭПИ), Фонд развития гражданского общества, фонд «Центр стратегических разработок», Фонд эффективной политики, Франко-российский аналитический центр «Обсерво», Центр глобальных и стратегических исследований Института Азии и Африки РАН, центр гражданского анализа и независимых исследований «Грани» (Пермь), Центр политконъюнктуры России Алексея Чеснокова, Центр политтехнологий, Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования (недавно преобразован в Центр изучения кризисного общества), институт «Центр развития» НИУ ВШЭ, Центр системного анализа и прогнозирования, Центр системного прогнозирования, Центр ситуационного анализа Института мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН, Центр современной кавказской политики (ЦСКП «Кавказ»), Центр стратегических исследований геоэкономики, Центр стратегических исследований Г. Грефа, Центр стратегических исследований МГУ имени М. В. Ломоносова, Центр стратегических исследований Приволжского фе-

дерального округа, Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования, Центр экономических и финансовых исследований и разработок, Экономическая экспертная группа и многие другие.

Анализируя проблематику исследований современных российских информационно-аналитических структур, М. Мейер делает следующий вывод: «Современные АЦ (аналитические центры. – В. Ш.) достаточно трудно классифицировать по сферам деятельности, поскольку процесс специализации центров не завершен. Однако очевидно, что в большинстве случаев АЦ занимаются либо политологическими исследованиями и практической социологией, либо макроэкономикой, либо проблемами безопасности» [61, с. 21]. Отдельными авторами порой приводится более широкий тематический спектр их деятельности: отмечаются такие исследования, выполненные российскими МЦ, как «Пространственное развитие России», «Человеческие течения», «Программа развития Северо-Западного федерального округа», «Пространственное расселение в СЗФО», «Геоэкономический атлас по энергетике 2000–2050 гг.» и др. [59, с. 490–491].

Вместе с тем сравнительный анализ деятельности МЦ в России и странах Запада показал, что «в России... пока не сложилось конструктивного взаимодействия между экспертным сообществом и элитой, отсутствует доверие между ними. Причина этого кроется в недостаточной распространенности стратегий диверсификации и специализации направлений исследований и источников финансирования среди российских АЦ» [62, с. 31].

К сходным выводам привело и сравнительное исследование деятельности американской корпорации «РЭНД» и советской аналитической школы, проведенное казахским политологом М. Лаумулиным: «Деятельность РЭНД считается эталонной, потому что она впервые объединила совокупность самых разнообразных методов сбора и анализа информации, выработала следующую ступень – системный подход и анализ. В стенах РЭНД был выработан такой прием, как “мозговой штурм” – оперативный метод анализа проблемы группой специалистов со всех ракурсов и поиск неадекватных и неожиданных способов ее решения.

Советской аналитической школе, которая была ориентирована на другой анализ – сохранение системы, изучение ее целостности, управление и принятие решений (но не уничтожение другой системы), практически нечего было противопоставить “мозговым атакам” из РЭНД и других центров США. В СССР таких практически и не было. В некотором смысле эту роль пытались играть такие академические учреждения, как институты США и Канады... востоковедения, Дальнего Востока, Европы и ряд других. <...> Но, судя по результату, совет-

ские “мозговые центры” проиграли американским “битву за головы”» [63, с. 3].

Наконец, Н. Бурлинова приводит в своей статье данные международного рейтинга действующих ФМ, подготовленные группой исследователей из Пенсильванского университета (США) в 2009 г.: «В ходе исследования выяснилось, что большинство “фабрик мысли” в мире приходится на страны Западной Европы (22,1 %) и Северную Америку (34,2 %). Лидером среди стран по числу исследовательских и научных центров являются США, на территории которых расположено 1777 “мозговых трестов”, из них только в одном Вашингтоне – 350. На втором месте – Великобритания, за ней следуют Германия, Франция, Аргентина и Индия. Россия занимает почетное седьмое место – в нашей стране, по данным американских исследователей, 107 исследовательских центров отвечают критериям “фабрики мысли”, из которых в исследовании упомянуты только 7: Московский центр Карнеги, Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), Институт США и Канады РАН, фонд “ИНДЕМ”, Центр политических исследований России (ПИР-центр), Институт современного развития (ИНСОР), а также Институт экономического анализа (ИЭА)» [64, с. 2].

Во многом аналогичная ситуация сложилась и в Украине, где к числу информационно-аналитических организаций, выполняющих роль МЦ, можно, на наш взгляд, отнести следующие структуры: Национальный институт стратегических исследований, Институт мировой экономики и международных отношений НАН Украины, Институт экономики и прогнозирования НАН Украины, Институт общих глобальных стратегий, Агентство гуманитарных технологий, Украинский центр экономических и политических исследований имени Александра Разумкова, Киевский национальный экономический университет имени В. Гетмана, Международный центр политических исследований (ICPS), Институт экономических исследований и политического консультирования, Украинский центр независимых политических исследований и ряд более мелких информационно-аналитических структур. Исследователи деятельности украинских МЦ, как правило, опираются на результаты международных рейтингов, составляемых в рамках проекта Пенсильванского университета «Программа по развитию “мозговых центров” и гражданских обществ» (*The Think Tanks and Civil Societies Program*) и публикуемых с 2006 г.

По данным отчета 2014 г. по глобальному анализу “мозговых центров” (*2014 Global Go To Think Tank Index Report*), «в рейтинге стран с наибольшим количеством центров Украина заняла 23-е место, располагая согласно докладу 47 “фабриками мысли”. Среди стран Центральной и Восточной

Европы Украина по количеству центров уступила России (122) и Румынии (54). Среди украинских “мозговых центров” в рейтинге ведущих аналитических центров мира (за пределами США) наиболее высокие позиции (43-е место) занял Украинский центр экономических и политических исследований имени Александра Разумкова. <...> Центр Разумкова вошел также в четверку ведущих аналитических центров Центральной и Восточной Европы, уступая Московскому центру Карнеги, польскому Центру социально-экономических исследований (CASE) и Польскому институту международных дел (PISM). <...> Помимо него, в индексе также были представлены Киевский национальный экономический университет имени Вадима Гетмана (КНЕУ), Международный центр политических исследований (ICPS), Институт экономических исследований и политического консультирования, Украинский центр независимых политических исследований» [65, с. 101–102].

Детальный анализ деятельности Украинского центра экономических и политических исследований имени Александра Разумкова позволил сделать вывод о том, что экспертно-аналитические структуры в Украине «неотделимы от власти или от финансовых доноров», в связи с чем «считать их экспертные заключения, аналитику, социологические опросы непредвзятыми и объективными представляется затруднительным. Украинские “фабрики мысли” не рассматривают свою миссию по производству интеллектуального продукта как средство коммуникации науки и власти. Как следствие, ангажированность и следование в русле политической конъюнктуры и целесообразности формируют широкое недоверие к “мозговым трестам” подобного рода. Отсюда и крайне низкая популярность экспертно-аналитических центров... Разрабатываемые ими прогнозы должны содержать не только анализ ситуации, но и пути решения проблем. Однако необъективность и стремление угодить своему “куратору”, “донору”, “покровителю” побуждают центры давать информацию, не всегда отражающую реальное положение дел в стране. В результате Украина не имеет в своем арсенале развитой и сильной системы аналитических центров, с помощью которых можно было идентифицировать геополитические, внутривнутриполитические, социально-экономические риски на ранней стадии с тем, чтобы содействовать разработке политики противодействия подобного рода угрозам и рискам» [65, с. 106–107].

В настоящее время немногочисленные информационно-аналитические структуры, выполняющие роль национальных МЦ и ФМ, имеются и в других постсоветских странах. Например, в Республике Беларусь это Белорусский институт стратегических исследований, Межведомственная ко-

миссия по безопасности при Совете безопасности Республики Беларусь, Общественно-консультативный совет при Администрации Президента Республики Беларусь (2009), Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь (2008), Совет по развитию цифровой экономики при Совете Министров Республики Беларусь, Центр аналитических инициатив, Центр системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси, экспертное сообщество Беларуси «Наше мнение» и др.; в Республике Казахстан – Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан; в Республике Узбекистан – Институт стратегических и межрегиональных исследований; в Кыргызской Республике – Международный институт стратегических исследований; в Республике Таджикистан – Центр стратегических исследований и т. д.

К сожалению, бросается в глаза не только многочисленность постсоветских информационно-аналитических структур, но даже внешняя терминологическая стереотипность их названий (институты и центры стратегических исследований). Если судить по их названиям, то все они занимаются разработкой долгосрочных прогнозов, стратегий и т. п. Как остроумно заметил А. Филиппов, «чем более долгосрочные следствия предполагаются, тем чаще вид экспертизы принимают принципиальные позиции, продуктивность или роковая ошибочность которых обнаружатся, быть может, лишь через несколько лет и даже поколений. Судя по тому, сколько развелось в нашей несчастной стране, да и по всему миру, специалистов по стратегии, соблазн поучаствовать в безответственных играх куда как велик» [66, с. 6].

Еще одним «родимым пятном» постсоветских информационно-аналитических структур является их подчеркнутое стремление всячески «угодить» заказчику (государству, частной компании и т. д.), который оплачивает проведение аналитических исследований. Эта особенность работы отечественных аналитиков отмечалась российской прессой еще в середине 1990-х гг.: «Наука и технология дискредитируются в глазах покупателей. Они покупают ученых, думая, что купили науку. Вместо полноценного интеллектуального товара ими приобретаются услужливые человеческие существа. Безбедное существование довольно большого числа центров и служб, не брезгующих даже элементарным подлогом, объясняется как раз неразвитостью профессионального сообщества, отсутствием в нем сколько-нибудь заметной собственной идейной и организационной структуры. С одной стороны, есть несколько фирм-“грандов”, или, как пишут некоторые журналисты, “монстров”, разделивших между собой рынок консультативных услуг, с другой – большое количество мелких служб

и центров, не гнушающихся любыми, даже сомнительными заданиями, лишь бы за них платили деньги. Данные здесь поставляются по принципу «чего изволите» [67, с. 5].

При этом наиболее выгодными проектами, например для российских МЦ, являются аналитические исследования в области экономики и политологии. По свидетельству директора Центра политической конъюнктуры России А. Чеснокова, для экспертных центров «кризис – это рост, но рост в разумных пределах», что «касается экономики и политики – количество заказов растет», а «культурологические центры – это вещь малопонятная. <...> Мы и раньше неактивно работали по публичным проектам, потому что публичные проекты не приносят основной прибыли. Так что большинство проектов, которые ведет, например, наш центр, – это закрытые проекты, и их делают непосредственно для заказчика» [68, с. 3].

В итоге только очень немногие постсоветские информационно-аналитические организации сегодня занимаются изучением кризисов и рисков. В их числе российский Институт стратегического анализа рисков (ИСАР), основные цели и задачи которого определяются его директором Л. Фроловой следующим образом: «Основная цель ИСАР – развитие и внедрение риск-ориентированного мышления, популяризация современных подходов к риск-ориентированному управлению, количественной оценке и принятию решений с учетом рисков в России и СНГ. Одна из важных задач ИСАР – системная работа по развитию дополнительного профессионального образования в области принятия решений и управления рисками» [69, с. 14]; Центр изучения кризисного общества и некоторые другие структуры.

В условиях, когда подавляющее большинство постсоветских информационно-аналитических организаций не участвуют в проведении риск-аналитических исследований, в российских СМИ все чаще поднимается вопрос о необходимости «создания полноценной системы информационной и консультационной поддержки с аутсорсингом, обеспечиваемым путем привлечения аналитических центров (в том числе институтов системы РАН-ФАНО). У российских ТНК не должно быть таких просчетов, которые совершила “Татнефть”, выбрав для зарубежных инвестиций три страны – Ливию, Сирию и Украину» [70, с. 211]. Сам факт публикации в научной печати России и других постсоветских стран материалов, содержащих выводы о том, что «страна находится в удивительном внеаналитическом состоянии» [71, с. 167–168], в стране «отсутствует беспощадный анализ кризисных и застойных процессов» [72, с. 1709], «наблюдается дефицит многоаспектного контекстного аналитического подхода, способного сочетать теоретико-

концептуальную и практико-ориентированную исследовательскую работу по выявлению особенностей социальных трансформаций с установлением количественно-качественных параметров состояния и динамики российского социума по принципу *здесь и сейчас*» [73, с. 26], вынуждает руководителей академической науки постсоветских стран создавать в дополнение к уже существующим профильным НИИ еще и аналитические центры и сектора прикладного характера, занимающиеся изучением кризисов и рисков.

В частности, в настоящее время различными видами риск-аналитики занимаются как давно работающие в сфере изучения кризисов и рисков академические НИИ (Институт Дальнего Востока РАН, Институт Европы РАН, Институт Латинской Америки РАН, Институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН, Институт научной информации по общественным наукам РАН, Институт США и Канады РАН), так и созданные совсем недавно академические структуры: сектор анализа рисков и кризисов Института экономики РАН (см., например, публикации его сотрудников [74]), сектор проблем риска и катастроф Института социологии РАН [75], Центр по изучению современного балканского кризиса Института славяноведения РАН [76], сектор исследования макроэкономических рисков Центра системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси [77; 78] и другие академические подразделения. Как свидетельствует А. С. Крымская, «аналитические центры, созданные в структуре академии наук для предоставления экспертной поддержки государственной власти, доказали свою эффективность, которая... коренится в работе компетентных специалистов и научном подходе к анализируемым проблемам» [79, с. 1127].

Не остается в стороне от проблем изучения кризисов и рисков и научная общественность постсоветских стран, представители которой считают, что «дальнейшее развитие интернета вещей, алгоритмов работы с большими данными, лазерных резаков и 3D-принтеров создает условия, при которых интернет-сообщества и гражданская наука становятся потенциально мощным инструментом прогнозирования рисков и тестирования научно-технических идей. По-видимому, интернет-сообщества ученых-любителей могут вносить свой вклад в прогнозирование глобальных катастроф, участвуя в работе сетевых “когнитивных центров” по мониторингу рисков» [80, с. 68]. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и ведомственные информационно-аналитические структуры («мозговые», аналитические, ситуационные, стратегические центры, «фабрики мысли» и пр.), которые традиционно «заполняют критический вакуум в пространстве между академическим ми-

ром, с одной стороны, и сферой власти – с другой» [63, с. 1].

К сожалению, даже взятые в совокупности все перечисленные информационно-аналитические структуры не могут заменить соответствующие аналитические подразделения государственного аппарата, которые, обладая наивысшими статусными характеристиками в отношении решения кризисных и рискованных проблем государства, могут на самом высоком уровне координировать работу научных и организационных структур, осуществляющих риск-аналитику. Как свидетельствует академик РАН А. А. Кокошин, «фактически успех государственной промышленной политики Японии... во многом определялся интеллектуальным превосходством аналитических подразделений госаппарата, работавших в нем технократов над частнопредпринимательским сектором» [53, с. 162].

В постсоветских государствах аналитические подразделения государственного аппарата тоже

могли бы обобщать результаты деятельности всех государственных и общественных научно-исследовательских и информационно-аналитических структур, ориентированных на борьбу с кризисами и рисками, если бы удалось объединить такие аналитические подразделения в рамках единого общегосударственного органа управления, имеющего соответствующие полномочия для осуществления координации риск-аналитических исследований и разработки антикризисных программ. Во всяком случае создание такого единого государственного органа, несомненно, устранило бы основания для разговоров о том, что «в стране не прослеживается тенденция к трезвому, разностороннему анализу того, что происходит у нас на самом деле. Оценки экономической ситуации в России крайне противоречивы. Эксперты говорят о назревающем коллапсе экономики, а политики утверждают, что мы вступили в полосу несомненного развития. Кому верить?» [81, с. 11].

Выводы

Результаты проведенного исследования позволяют сделать определенные выводы.

1. Организационные ресурсы мировой риск-аналитики сегодня составляют более шести тысяч организационных структур (академические и отраслевые НИИ; информационно-аналитические, «мозговые», ситуационные и стратегические центры; «фабрики мысли»; центры публичной политики и экспертные сообщества), которые спе-

циализируются на проведении различных видов риск-аналитики.

2. Для каждого постсоветского государства сегодня крайне актуальным является создание единого общегосударственного органа, который осуществлял бы координацию деятельности всех национальных организационных структур, занимающихся проведением риск-аналитических исследований и разработкой антикризисных программ.

Библиографические ссылки

1. Щербин ВК. Кто изучает кризисы и риски? Научные ресурсы мировой риск-аналитики. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;2:35–47.
2. Королев МИ. *Экономика. Риски. Защита* [словарь-справочник]. Москва: Анкил; 2008.
3. Кондаков НИ. *Логический словарь*. Москва: Наука; 1971.
4. Рыжов ВА. Аналитика и экспертиза в информационном обществе. *Экономические стратегии*. 2018;2:140–155.
5. Белоусов Д. Аналитика в таможенном деле. *Таможенный вестник*. 2014;1:36–37.
6. Данцер К, Тан Э, Мольт Д. *Аналитика. Систематический обзор*. Москва: Химия; 1981.
7. Тереня ГВ. *Введение в аналитику*. Минск: Бонем; 2015.
8. Терещенко СС. Роль информационной и аналитической инфраструктуры в разработке и реализации стратегий развития науки. *Научно-техническая информация. Серия 2, Информационные процессы и системы*. 2016;11:12–19.
9. Кургинян СЕ. *Слабость силы. Аналитика закрытых элитных игр и ее концептуальные основания*. Москва: Межнародный общественный фонд «Экспериментальный творческий центр»; 2007.
10. Черенков ВИ. Предисловие к русскому изданию. В: Джиллад Б. *Конкурентная разведка. Как распознавать внешние риски и управлять ситуацией*. Санкт-Петербург: Питер; 2010. с. 5–10.
11. Дин М. *Правительственность: власть и правление в современных обществах*. Москва: Дело; 2016.
12. Осипов ЮС, редактор. *Большая российская энциклопедия*. Т. 1. Москва: Большая российская энциклопедия; 2005.
13. Щербин ВК. Структура современной славянской концептографии. В: Пименова МВ, Теркулов ВИ, редакторы. *Современная лингвистика и исследования ментальности в XXI веке* [коллективная монография к 80-летию юбилею профессора В. В. Колесова]. Киев: Издательский дом Д. Бурого; 2014. с. 110–135.
14. Овчаренко ВИ. Аналитик. В: Овчаренко ВИ, Грицанов АА, редакторы. *Психоанализ: новейшая энциклопедия*. Минск: Книжный дом; 2010. с. 44.
15. Боррадори Дж. *Американский философ: беседы с Куайном, Дэвидсоном, Патнэмом, Нозиком, Данто, Рорти, Кейвлом, МакИнтайром, Куном*. Москва: Дом интеллектуальной книги; 1998.
16. Жуковская НЮ. Аналитическая юриспруденция. В: Сухарев АЯ, редактор. *Российская юридическая энциклопедия*. Москва: Инфа-М; 1999. с. 43–44.

17. Маршакова-Шайкевич ИВ. *Россия в мировой науке. Библиометрический анализ*. Москва: Институт философии РАН; 2008.
18. Иванов ВВ, Маркусова ВА, Миндели ЛЭ. Государственные инвестиции и публикационная активность вузов: библиометрический анализ. *Вестник Российской академии наук*. 2016;86(7):611–619.
19. Gartner о роли аналитики. *Инновации в технологиях и бизнесе*. 2012;1:3–4.
20. Юркова ИЛ. *Биоаналитика*. Минск: БГУ; 2017.
21. Редькина НС. Направления развития инструментов веб-аналитики. *Научно-техническая информация. Серия 2, Информационные процессы и системы*. 2017;5:5–10.
22. Щербаков АЮ. *Интернет-аналитика: поиск и оценка информации в web-ресурсах*. Москва: Книжный мир; 2012.
23. Абелла А. *Солдаты разума*. Москва: Эксмо; 2009. Совместное издание с «АСТ».
24. Соколов АВ, редактор. *Аналитико-синтетическая переработка информации*. Санкт-Петербург: Профессия; 2016.
25. Эйден Э, Мишель Ж-Б. *Неизвестная территория: как «большие данные» помогают раскрывать тайны прошлого и предсказывать будущее нашей культуры*. Москва: АСТ; 2016.
26. Расторгуев С, Чибисов В. *Цель как криптограмма. Криптоанализ синтетических целей*. Москва: Издательство агентства «Яхтемен»; 1996.
27. Шарачиев ЮТ. Научные медицинские журналы: история становления и проблемы развития в Беларуси. *Медицинские новости*. 2008;5:11–18.
28. Войтоловский ФГ. Производство интеллектуального пространства мировой политики [дата обращения: 02.05.2018]. URL: <http://gtmarket.ru/library/articles/1560>.
29. Иванов ДЮ. *Формирование политической аналитики негосударственных аналитических центров в современной России* [диссертация]. Санкт-Петербург: [б. и.]; 2013.
30. Сидельников ЮВ, Шалышкин МИ, Шевыренко МЮ. Обзор зарубежных сценарных прогнозов и форсайтов: инструменты информационного управления. *Управление большими системами*. 2014;51:26–59.
31. Поршнев АГ, Кибанов АЯ, Гунин ВН, редакторы. *Управление организацией* [Энциклопедический словарь]. Москва: Инфа-М; 2001.
32. Дмитриев ЕИ. Аналитик. В: Данилов АН, редактор. *Социологическая энциклопедия*. Минск: Беларуская энцыклапедыя імя П. Броўкі; 2003. с. 18.
33. Тишков ВА. Советская этнография: преодоление кризиса. *Этнографическое обозрение*. 1992;1:5–20.
34. Занковец ВЭ. *Энциклопедия тестирования*. Москва: Спорт; 2016.
35. Маркова ВД, Кузнецова СА. *Стратегический менеджмент: понятия, концепции, инструменты принятия решений*. Новосибирск: НГУ; 2010.
36. Гэлбрейт Дж. *Новое индустриальное общество*. Москва: Прогресс-Традиция; 1969.
37. Мазур ИИ, Чумаков АН, редакторы. *Глобалистика* [энциклопедия]. Москва: Радуга; 2003.
38. Астраханцева ИА, Коюпченко ИН. Финансовая аналитика риск-менеджмента: обобщение и развитие опыта. *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. 2015;25:55–67.
39. Егоров ВВ, Рахманько ЕМ. Аналитическая химия. В: Пашков ГП, редактор. *Республика Беларусь* [энциклопедия]. Т. 2. Минск: Беларуская энцыклапедыя імя П. Броўкі; 2006. с. 96.
40. Данилов-Данильян ВИ, Лосев КС, редакторы. *Экологическая энциклопедия*. Т. 1. Москва: Энциклопедия; 2014.
41. Яковлев А, Фрейнкман Л, Золотов А. Сектор экономической аналитики в России: эволюция и перспективы развития. *Вопросы экономики*. 2015;8:73–98.
42. Йоханссон Ф. *Эффект Медичи: возникновение инноваций на стыке идей, концепций и культур*. Москва: И. Д. Вильямс; 2008.
43. Фомичев АН. *Риск-менеджмент*. 5-е издание. Москва: Дашков и К; 2018.
44. Фрэнкс Б. *Революция в аналитике: как в эпоху Big Data улучшить ваш бизнес с помощью операционной аналитики*. Москва: Интеллектуальная литература; 2017.
45. Дэвенпорт Т. Предисловие автора. В: Фрэнкс Б. *Революция в аналитике: как в эпоху Big Data улучшить ваш бизнес с помощью операционной аналитики*. Москва: Интеллектуальная литература; 2017. с. 19–22.
46. Агеев А, Логинов Е. Новая большая война: хроники хорошо забытого будущего. *Экономические стратегии*. 2014;6–7:16–33.
47. Малган Дж. *Искусство государственной стратегии: мобилизация власти и знания во имя всеобщего блага*. Москва: Издательство Института Гайдара; 2011.
48. Арский ЮМ, Яшукова СП. Методические аспекты информационно-аналитического обеспечения прогнозов научно-технологического развития. *Научно-техническая информация. Серия 1*. 2010;8:14–18.
49. Данилов-Данильян ВИ, Лосев КС. *Экологический вызов и устойчивое развитие*. Москва: Прогресс-Традиция; 2000.
50. Бехманн Г, Горохов ВГ. Социально-философские и методологические проблемы обращения с технологическими рисками в современном обществе. *Вопросы философии*. 2012;7:120–132.
51. Порус ВН. «Оценка техники» в интерпретации западных философов и методологов. *Философия и социология науки и техники*. 1987 [ежегодник, 1987]. Москва: Наука; 1987. с. 249–275.
52. Завриев СК, Колесников АВ. Риски и угрозы в сфере биобезопасности: анализ проблем и поиск решений в современных условиях. *Мировая экономика и международные отношения*. 2015;9:57–68.
53. Кокошин АА. Технократия, технократы и неотехнократы. Москва: ЛКИ; 2009.
54. Комиссина ИН. Научные и аналитические центры стран Азии [справочник]. Москва: Издательство РИСИ; 2013.
55. Войтоловский ФГ, Бернштейн ВС, Симонов АН. Аналитический центр [дата обращения: 02.05.2018]. URL: <http://gtmarket.ru/concepts/7296>.
56. Балаян АА, Сунгуров АЮ. *Фабрики мысли: международный и российский опыт*. Санкт-Петербург: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ; 2014.

57. Ютанов Н. Междисциплинарные мануфактуры и интеллектуальный конвейер. В: Диксон П. *Фабрики мысли*. Москва: АСТ; 2004. с. 5–6.
58. Солодовников С, Черныш С. Мозговые центры Запада. *Наш современник*. 2008;12:233–237.
59. Переспегин С. «Умные танки» в обороне и наступлении. В: Диксон П. *Фабрики мысли*. Москва: АСТ; 2004. с. 488–505.
60. Тер-Арутюнянц Г. О «мозговых центрах» [дата обращения: 02.05.2018]. URL: http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=2597&print=Y.
61. Мейер М. Аналитические центры в системе российской демократии [дата обращения: 02.05.2018]. URL: http://old.russ.ru/antolog/predely/1/iz_knigi.htm.
62. Беляева НЮ, Зайцев ДГ. «Мозговые центры» в России и странах Запада: сравнительный анализ. *Мировая экономика и международные отношения*. 2009;1:26–35.
63. Лаумулин М. Пораскинули мозгами... Кто и где на Западе и на Востоке изучает ЦентрАзию. *Континент*. 2005;2:1–7 [дата обращения: 02.05.2018]. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA/php?st=1108171020>.
64. Бурлинова Н. Чьи «фабрики мысли» круче? *Столетие* [интернет-газета] [дата обращения: 02.05.2018]. URL: <http://www.stoletie.ru/print.php?ID=33413>.
65. Курылев КП, Гаврикова КВ, Поспелова ЕА. Экспертно-аналитические центры на Украине: характер и особенности. *Вестник РУДН. Серия «Международные отношения»*. 2015;15(3):99–109.
66. Филиппов А. Участь эксперта. *Отечественные записки*. 2003;1:1–7 [дата обращения: 02.05.2018]. URL: <http://www.strana-oz/2003/1/uchast-eksperta>.
67. Ионин Л. Технологии успеха. Без политических аналитиков и консультантов выборы в России теперь не выиграть. *Независимая газета*. 5 июля 1996:5.
68. Преображенский И. «Мозговые центры» под замком [дата обращения: 02.05.2018]. URL: www.rosbalt.ru/maim/2009/04/10/632818/html.
69. Фролова Л. Рисковое дело. *Business Excellence*. 2017;12:14–17.
70. Кузнецов АВ. Зарубежные инвестиции российских компаний: конкуренция с западноевропейскими и восточноазиатскими ТНК. *Вестник Российской академии наук*. 2016;86(3):203–214.
71. Барбаш НБ, Бернштам МС, Библер ВС, Гаазе-Рапопорт МГ. *Прогнозное социальное проектирование (теоретико-методологические и методические проблемы)*. Москва: Наука; 1994.
72. Гуревич ПС. Скорбное прощание с экспертизой. *Философия и культура*. 2014;12:1707–1717.
73. Горшков МА. Российское общество в условиях кризисной реальности: внутренние и внешние факторы. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;3:24–43.
74. Порфирьев БН. Снижение климатических рисков экономического развития (Россия – Дальний Восток). *Экономика и управление*. 2009;1:13–17.
75. Зорина АЕ, Мозговая АВ. Экологические риски в сфере ответственности предпринимательства. *Социологический журнал*. 2015;21(2):92–113.
76. Гуськова ЕЮ. Кризис на Балканах. *Вестник РГНФ*. 1999;3:140–148.
77. Щербин ВК. Новые научные дисциплины и направления в сфере изучения рисков. *Наука и инновации*. 2017;7:45–50.
78. Щербин ВК. Критерии определения удельного веса рисков в научных исследованиях. *Наука и инновации*. 2018;1:47–52.
79. Крымская АС. Информационно-аналитические центры в системе принятия решений на государственном уровне. *Вестник Российской академии наук*. 2016;86(12):1121–1127.
80. Десятов ИВ, Малинецкий ГГ, Маненков СК, Митин НА, Отоцкий ПЛ, Ткачев ВН, Шишов ВВ. Когнитивные центры как информационные системы для стратегического прогнозирования. *Информационные технологии и вычислительные системы*. 2011;1:65–81.
81. Имидж России в современном мире (по материалам круглого стола журнала «Вестник аналитики»). *Россия и мусульманский мир*. 2010;6:5–23.

References

1. Shcherbin VK. Who studies crises and risks? Scientific resources of the world analytics. *Journal of Belarusian State University. Sociology*. 2018;2:35–47. Russian.
2. Korolev MI. *Ekonomika. Riski. Zashchita* [Economics. Risks. Defence] [dictionary-reference]. Moscow: Ankil; 2008. Russian.
3. Kondakov NI. *Logicheskii slovar'* [The logic dictionary]. Moscow: Nauka; 1971. Russian.
4. Ryzhov VA. [Analytics and expertise in the information society]. *Ekonomicheskie strategii* [Economic strategies]. 2018;2:140–155. Russian.
5. Belousov D. Analytics in the customs affair. *Tamozhennyj vestnik* [The customs herald]. 2014;1:36–37. Russian.
6. Dancer K, Tan E, Molh D. *Analitika. Sistemicheskii obzor* [Analytics. Systematic review]. Moscow: Khimiya; 1981. Russian.
7. Terenya GV. *Vvedenie v analitiku* [Introduction to analytics]. Minsk: Bonem; 2015. Russian.
8. Tereshchenko SS. The role of informational and analytic infrastructure in the working out and realization of science development strategies. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Seriya 2, Informatsionnye protsessy i sistemy* [Scientific-technical information. Series 2, Information processes and systems]. 2016;11:12–19. Russian.
9. Kurginyan SE. *Slabost' sily. Analitika zakrytykh elitnykh igr i ee kontseptual'nye osnovaniya* [The weakness of force. The analytics of closed elite games and its conceptual foundations]. Moscow: Mezhdunarodnyi obshchestvennyi fond «Eksperimental'nyi tvorcheskii tsentr»; 2007. Russian.

10. Cherenkov VI. [Preface to the Russian edition]. In: Dzhilad B. *Konkurentnaya razvedka. Kak raspoznavat' vneshnie riski i upravlyat' situatsiei* [The competition intelligence service. How to recognize external risks and manage of situation]. Saint Petersburg: Piter; 2010. p. 5–10. Russian.
11. Dean M. *Governmentality: power and rule in modern society*. London: Sage; 1999.
Russian edition: Dean M. *Pravitel'nost': vlast' i pravlenie v sovremennykh obshchestvakh*. Moscow: Delo; 2016.
12. Osipov YS, editor. *Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya* [The Great Russian encyclopedia]. Vol. 1. Moscow: Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya; 2005. Russian.
13. Shcherbin VK. [The structure of the modern Slavic conceptography]. In: Pimenova MV, Terkulov VI, editors. *Sovremennaya lingvistika i issledovaniya mental'nosti v XXI veke* [Modern linguistics and research of mentality in the XXI century: to 80 years of professor V. V. Kolesov]. Kyiv: Izdatel'skii dom D. Burago; 2014. p. 110–135. Russian.
14. Ovcharenko VI. [The analytic]. In: Ovcharenko VI, Grytsanov AA, editors. *Psikhoanaliz: noveishaya entsiklopediya* [Psychoanalysis: the modern encyclopedia]. Minsk: Knizhnyi dom; 2010. p. 44. Russian.
15. Borradori J. *Amerikanskii filosof: besedy s Kuainom, Davidsonom, Patnemom, Nozikom, Danto, Rorti, Keivlom, MakIntairom, Kunom* [The American Philosopher: Conversations with Quain, Davidson, Pathnem, Nozik, Danto, Rorty, Keivl, MacIntair, Kuhne]. Moscow: Dom intellektual'noi knigi; 1998. Russian.
16. Zhukovskaya NY. [The analytic jurisprudence]. In: Suharev AY, editor. *Rossiiskaya yuridicheskaya entsiklopediya* [The Russian legal encyclopedia]. Moscow: Infa-M; 1999. p. 43–44. Russian.
17. Marshakova-Shaivovich IV. *Rossiya v mirovoi nauke. Bibliometricheskii analiz* [Russia in the world science. Bibliometric analysis]. Moscow: Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences; 2008. Russian.
18. Ivanov VV, Markusova VA, Mindeli LE. The state investments and the publication activity of universities: the bibliometric analysis. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Vestnik of the Russian Academy of Sciences]. 2016;86(7):611–619. Russian.
19. [Gartner about the role of analytics]. *Innovatsii v tekhnologiyakh i biznese* [Innovations in Technologies and Business]. 2012;1:3–4. Russian.
20. Jurkova IL. *Bioanalitika* [Bioanalytics]. Minsk: BSU; 2017. Russian.
21. Red'kina NS. [Trends of the development of web-analytics instruments]. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya. Seriya 2, Informatsionnye protsessy i sistemy* [Scientific-Technical Information. Series 2, Information processes and system]. 2017;5:5–10. Russian.
22. Shcherbakov AJ. *Internet-analitika: poisk i otsenka informatsii v web-resursakh* [Internet-analytics: the search and evaluation of information in the web-resources]. Moscow: Knizhnyi mir; 2012. Russian.
23. Abella A. *Soldaty razuma* [The Soldiers of Intellect]. Moscow: Eksmo; 2009. Co-published by the «AST». Russian.
24. Sokolov AV, editor. *Analitiko-sinteticheskaya pererabotka informatsii* [Analytic-synthetic processing of information: textbook]. Saint Petersburg: Professiya; 2016. Russian.
25. Aiden E, Michel J-B. *Uncharted: big data as a lens on human culture*. New York: Riverhead Books; 2013.
Russian edition: Aiden E, Michel J-B. *Neizvedannaya territoriya: kak «bol'shie dannye» pomagayut raskryvat' tainy proshlogo i predskazyvat' budushchee nashei kul'tury*. Moscow: AST; 2016.
26. Rastorguev S, Chibisov V. *Tsel' kak kriptogramma. Kriptoanaliz sinteticheskikh tselei* [The aim as cryptogram. Cryptoanalysis of syntetic aims]. Moscow: Izdatel'stvo agentstva «Yakhtemen»; 1996. Russian.
27. Sharabchiev JT. [Scientific medical journals: the history of formation and problems of development in Belarus]. *Meditsinskie novosti* [Medical news]. 2008;5:11–18. Russian.
28. Vojtovsky FG. The making of the world polisy intellectual space [cited 2018 May 2]. Available from: <http://gtmarket.ru/library/articles/1560>. Russian.
29. Ivanov DJ. *Formirovanie politicheskoi analitiki negosudarstvennykh analiticheskikh tsentrov v sovremennoi Rossii* [The formation of political analytics by non-state analytical centers in the modern Russia] [dissertation]. Saint Petersburg: [publisher unknown]; 2013. Russian.
30. Sidelnikov JV, Shalyshkin MI, Shevyrenkov MJ. [Review of foreign scenario prognosis and foresights: instruments of information management]. *Upravlenie bol'shimi sistemami* [Management of big systems]. 2014;51:26–59. Russian.
31. Porshnev AG, Kibanov AY, Gunin VN, editors. *Upravlenie organizatsiei* [The organizational management] [encyclopedia dictionary]. Moscow: Infa-M; 2001. Russian.
32. Dmitriev EI. [The Analyst]. In: Danilov AN, editor. *Sotsiologicheskaya entsiklopediya* [The sociological encyclopedia]. Minsk: Belaruskaja jencyklapedyja imja P. Browki; 2003. p. 18. Russian.
33. Tishkov VA. [The Soviet Ethnography: overcoming of crisis]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic survey]. 1992;1:5–20. Russian.
34. Zankovec VE. *Entsiklopediya testirovanii* [The encyclopedia of tests]. Moscow: Sport; 2016. Russian.
35. Markova VD, Kuznecova SA. *Strategicheskii menedzhment: ponyatiya, kontseptsii, instrumenty prinyatiya reshenii* [The strategic management: notions, concepts, instruments of taking of solutions]. Novosibirsk: NSU; 2010. Russian.
36. Galbraith J. *Novoe industrial'noe obshchestvo* [The new industrial state]. Moscow: Progress-Traditsiya; 1969. Russian.
37. Mazur II, Chumakov AN, editors. *Globalistika* [Globalistics] [encyclopedia]. Moscow: Raduga; 2003. Russian.
38. Astrahantseva IA, Kojupchenko IN. The financial analytics of risk-management: the generalization and development of experience. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya* [Financial analytics: problems and decisions]. 2015;25:55–67. Russian.
39. Egorov VV, Rahman'ko EM. [Analytical chemistry]. In: Pashkov GP, editor. *Respublika Belarus'* [Republic of Belarus] [encyclopedia]. Vol. 2. Minsk: Belaruskaja jencyklapedyja imja P. Browki; 2006. p. 96. Russian.
40. Danilov-Danil'yan VI, Losev KS, editors. *Ekologicheskaya entsiklopediya* [Ecological encyclopedia]. Vol. 1. Moscow: Entsiklopediya; 2014. Russian.
41. Yakovlev A, Freinkman L, Zolotov A. The independent economic thinks tanks in Russia: evolution and developmental prospects. *Voprosy ekonomiki* [The problems of economy]. 2015;8:73–98. Russian.
42. Johansson F. *Effekt Medichi: vznikenie innovatsii na styke idei, kontseptsii i kul'tur* [The Medici effect: breakthrough insights at the intersection of ideas, concepts, and cultures]. Moscow: I. D. Vil'yams; 2008. Russian.
43. Phomichev AN. *Risk-menedzhment* [The risk-management]. 5th edition. Moscow: Dashkov I K; 2018. Russian.

44. Franks B. *Revolutsiya v analitike: kak v epokhu Big Data uluchshit' vash biznes s pomoshch'yu operatsionnoi analitiki* [The analytics revolution: how to improve your business by making analytics operational in the Big Data era]. Moscow: Intellektual'naya literatura; 2017. Russian.
45. Davenport T. [Preface to author]. In: Franks B. *Revolutsiya v analitike: kak v epokhu Big Data uluchshit' vash biznes s pomoshch'yu operatsionnoi analitiki* [The analytics revolution: how to improve your business by making analytics operational in the Big Data era]. Moscow: Intellektual'naya literatura; 2017. p. 19–22. Russian.
46. Ageev A, Loginov E. [The new big war: chronicles of the good forgotten future]. *Ekonomicheskie strategii* [Economic Strategies]. 2014;6–7:16–33. Russian.
47. Malgan J. *Iskusstvo gosudarstvennoi strategii: mobilizatsiya vlasti i znaniya vo imya vseobshchego blaga* [The art of state strategy: mobilization of the power and knowledge in the name of common good]. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara; 2011. Russian.
48. Arsky JM, Jashukova SP. The methodic aspects of information-analytical ensuring for the prognosis of scientific-technical development. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Seriya 1* [Scientific-technical information. Series 1]. 2010;8:14–18. Russian.
49. Danilov-Danil'yan VI, Losev KS. *Ekologicheskii vyzov i ustoychivoe razvitiye* [The ecological challenge and the steady development]. Moscow: Progress-Traditsiya; 2000. Russian.
50. Bechmann G, Gorohov VG. The social-philosophical and methodological problems of treatment to technological risks in the modern society. *Voprosy filosofii* [The problems of philosophy]. 2012;7:120–132. Russian.
51. Porus VN. [The valuation of «Technology assessment» in western philosophy and methodology]. In: *Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki* [Philosophy and sociology of science and technology] [yearbook, 1987]. Moscow: Nauka; 1987. p. 249–275. Russian.
52. Zavriev SK, Kolesnikov AV. Pisks and threats in biosecurity area: problem analysis and search for optimal solutions in contemporary conditions. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [The world economics and international relations]. 2015;9:57–68. Russian.
53. Kokoshin AA. *Tekhnokratiya, tekhnokraty i neotekhnokraty* [Technocracy, technocrats and neotechnocrats]. Moscow: LKI; 2009. Russian.
54. Komissina IN. *Nauchnye i analiticheskie tsentry stran Azii* [Scientific and analytical centers of Asian countries]. Moscow: Publishing house of the RISS; 2013. Russian.
55. Vojtolovsky FG, Bernstein VS, Simonov AN. The analytical center [cited 2018 May 2]. Available from: <http://gtmarket.ru/concepts/7296>. Russian.
56. Balayan AA, Sungurov AJ. *Fabriki mysli: mezhdunarodnyi i rossiiskii opyt* [Think tanks: international and Russian experience]. Saint Petersburg: Otdel operativnoi poligrafii NIU VShE; 2014. Russian.
57. Jutanov N. [Interdisciplinary manufactures and intellectual conveyor]. In: Dikson P. *Fabriki mysli* [Think tanks]. Moscow: AST; 2004. p. 5–6. Russian.
58. Solodovnikov S, Chernysh S. [The Western think tanks]. *Nash sovremennik*. 2008;12:233–237. Russian.
59. Pereslegin S. [«Clever tanks» in the defence and coming]. In: Dikson P. *Fabriki mysli* [Think tanks]. Moscow: AST; 2004. p. 488–505. Russian.
60. Ter-Arutjunjants G. About «think tanks» [cited 2018 May 2]. Available from: http://www.noravank.am/rus/articles/detail.php?ELEMENT_ID=2597&print=Y. Russian.
61. Meyer M. The analytical centers in the system of Russian democracy [cited 2018 May 2]. Available from: http://old.russ.ru/antolog/predely/1/iz_knigi.htm. Russian.
62. Belyaeva NJ, Zaytsev DG. «Think tanks» in the Russia and western countries: the comparative analysis. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [The world economics and international relations]. 2009;1:26–35. Russian.
63. Laumulin M. [Who and where on the West and on the East studies Central Asia]. *Kontinent*. 2005;2:1–7 [cited 2018 May 2]. Available from: <http://www.centrasia.ru/newsA/php?st=1108171020>. Russian.
64. Burlinova N. Which «think tanks» are better? *Stoletie* [web-newspaper] [cited 2018 May 2]. Available from: <http://www.stoletie.ru/print.php?ID=33413>. Russian.
65. Kurylev KP, Gavrikova KV, Pospelova EA. Expert-analytical centers in the Ukraine: character and peculiarities. *Vestnik RUDN. Seriya «Mezhdunarodnye otnosheniya»* [Vestnik RUDN. Series «International relations»]. 2015;15(3):99–109. Russian.
66. Filippov A. [The fortune of expert]. *Otechestvennye zapiski*. 2003;1:1–7 [cited 2018 May 2]. Available from: <http://www.strana-oz/2003/1/uchast-eksperta>. Russian.
67. Ionin L. [Technologies of success. Without political analysts and consultants elections in Russia today not will be wined]. *Nezavisimaya gazeta*. July 5 1996:5. Russian.
68. Preobrazhensky I. «Think tanks» under lock and key [cited 2018 May 2]. Available from: www.rosbalt.ru/maim/2009/04/10/632818/html. Russian.
69. Phrolova L. [Risk's affair]. *Business Excellence*. 2017;12:14–17. Russian.
70. Kuzhnetsov AV. [Foreign investments of Russian companies: competition with the West European and East Asian TNC]. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Vestnik of the Russian Academy of Sciences]. 2016;86(3):203–214. Russian.
71. Barbash NB, Bernshtam MS, Bibler VS, Gaaze-Rapoport MG. *Prognoznoe sotsial'noe proektirovanie (teoretiko-metodologicheskie i metodicheskie problemy)* [Prognostic social projecting (theoretical-methodological and methodical problems)]. Moscow: Nauka; 1994. Russian.
72. Gurevich PS. The mournful farewell to expertise. *Filosofiya i kul'tura* [Philosophy and culture]. 2014;12:1707–1717. Russian.
73. Gorshkov MA. The Russian society in the conditions of crisis's reality: internal and external factors. *Journal of Belarusian State University. Sociology*. 2017;3:24–43. Russian.
74. Porfiryev BN. The climatic risks deterioration of economic development (Russia – The Far East). *Ekonomika i upravlenie* [Economics and Management]. 2009;1:13–17. Russian.
75. Zorina AE, Mozgovaya AV. Ecological risks as the sphere of business responsibility. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological journal]. 2015;21(2):92–113. Russian.

76. Gus'kova EJ. The crisis at the Balkans. *Vestnik RGNF* [Vestnik of the Russian Humanitarian Scientific Foundation]. 1999;3:140–148. Russian.
77. Shcherbin VK. The new scientific disciplines and trends in the sphere of risks studying. *Nauka i innovatsii* [Science and innovations]. 2017;7:45–50. Russian.
78. Shcherbin VK. The criteria for determining the risk rate in scientific research. *Nauka i innovatsii* [Science and innovations]. 2018;1:47–52. Russian.
79. Krymskaya AS. Informational-analytical centers in the system of taking of solutions on the state level. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Vestnik of the Russian Academy of Sciences]. 2016;86(12):1121–1127. Russian.
80. Desyatov IV, Malinetsky GG, Manenkov SK, Mitin NA, Ototsky PL, Tkachev VN, Shishov VV. Cognitive centers as information systems for strategic forecasting. *Informatsionnye tekhnologii i vychislitel'nye sistemy* [Information technologies and calculating systems]. 2011;1:65–81. Russian.
81. Image of Russia in contemporary world (on the materials of journal «Vestnik analytiki» round table). *Rossiia i musul'manskii mir* [Russia and Moslem world]. 2010;6:5–23. Russian.

Статья поступила в редколлегию 12.06.2018.
Received by editorial board 12.06.2018.

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ДЕМОКРАТИЯ: О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В. А. ГУТОРОВ¹⁾

¹⁾Санкт-Петербургский государственный университет,
Университетская набережная, 7–9, 199034, г. Санкт-Петербург, Россия

Суммируются различные аспекты научной дискуссии, вращающейся вокруг понятия современной теории модернизации и ее сложных вопросов. Отмечено, что один из наиболее важных моментов дискуссии определяется новой взаимосвязью между столь различными концепциями, как модернизация, демократизация и глобализация. Данные концепции с конца XX в. обычно обсуждаются в их взаимосвязи, нередко сохраняя гетерогенный смысл. Указано, что в общественном дискурсе понятия «модернизация» и «глобализация» приобрели эмоциональный оттенок: одни связывают их с международным гражданским обществом, ведущим к новой эре мира и демократизации; другие видят в них угрозу американской экономической и политической гегемонии с таким ее культурным следствием, как гомогенизированный мир. Тем не менее действительно существуют некоторые отчетливые характеристики, определяющие общие тенденции процесса модернизации. Констатируется, что главной тенденцией является изменяющееся значение современности, или возникновение «альтернативных современностей», и все большее значение приобретает феномен альтернативных глобализаций, т. е. культурных движений, имеющих глобальное измерение, возникающих за пределами западного мира и оказывающих на него влияние. Другая тенденция связана с кризисом легитимности традиции национального государства, вынуждающим пересмотреть проблему роли демократии в современном мире. Показано, что мнение С. М. Липсета о соотношении демократии с экономическим развитием породило широкий спектр исследований и затронуло разнообразные аспекты политической науки. Выявлены два ясно выраженных довода в пользу такой взаимосвязи: демократии могут возникать по мере того, как страны развиваются экономически (С. П. Хантингтон, Р. Инглхарт), или устанавливаться независимо от уровня экономического развития (более способны к выживанию демократии в развитых странах). Замечено, что базовое утверждение теории модернизации в любой из ее версий заключается в том, что существует единый общий процесс, завершающей стадией которого является демократизация. Модернизация состоит в постепенной дифференциации и специализации социальных структур и завершается отделением политических структур от всех остальных, что и делает демократию возможной. Указано, что в настоящее время превалирует точка зрения, в соответствии с которой возникновение демократии не является побочным продуктом экономического развития (Г. О'Доннелл). Сторонники этого подхода не верят, что судьба демократического правления детерминирована исключительно имеющимися в наличии уровнями экономического развития. Они утверждают, что, несмотря на все сдерживающие моменты, демократизация – это прежде всего следствие человеческих действий, а не экономических условий или же наследия исторического прошлого (Э. Гидденс, Р. М. Унгер).

Ключевые слова: модернизация; развитие; государство; экономический рост; демократия; политические процессы; глобализация; политическая теория; публичный дискурс.

Образец цитирования:

Гуторов ВА. Модернизация и демократия: о некоторых проблемах теоретической интерпретации. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;3:53–66.

For citation:

Gutorov VA. Modernization and democracy: on some problems of theoretical interpretation. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;3:53–66. Russian.

Автор:

Владимир Александрович Гуторов – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии.

Author:

Vladimir A. Gutorov, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of theory and philosophy of politics, faculty of political science.
gut-50@mail.ru

MODERNIZATION AND DEMOCRACY: ON SOME PROBLEMS OF THEORETICAL INTERPRETATION

V. A. GUTOROV^a

^a*Saint Petersburg State University, 7–9 University Embankment, Saint Petersburg 199034, Russia*

The purpose of this article is to summarize the diverse aspects of scientific discussion revolving around the notion itself and complicated questions of the theory of modernization. One of the main point of discussion is the new relationship between once so dissimilar conceptions like modernization, democratization and globalization. These conceptions have been brought together in the end of the XX century and since that time usually discussed interconnected, often maintaining a heterogeneous sense. The terms «modernization» and «globalization» have come to be emotionally charged in public discourse. For some, they imply the promise of an international civil society, conducive to a new era of peace and democratization. For others, they imply the threat of an American economic and political hegemony, with its cultural consequence being a homogenized world. Nevertheless, some distinct characteristics defining the general tendencies of the modernization process really exist. The main tendency is the changing meaning of modernity, or the emergence of «alternative modernities». There is also the increasingly significant phenomenon of alternative globalizations that is, cultural movements with a global outreach originating outside the Western world and indeed impacting on the latter. The second trend is related to a crisis in the legitimacy of the nation-state tradition forcing to review the problem of the role of democracy in the modern world. S. M. Lipset's observation that democracy is related to economic development, first advanced in 1959, has generated the largest body of research on any topic in political science. Yet there are two distinct reasons this relation may hold: either democracies may be more likely to emerge as countries develop economically (S. P. Huntington, R. Inglehart), or they may be established independently of economic development but may be more likely to survive in developed countries. The basic assumption of the theory of modernization, in any of its versions, is that there is one general process of which democratization is but the final stage. Modernization consists of a gradual differentiation and specialization of social structures that culminates in a separation of political structures from other structures and makes democracy possible. But now a prevailing view, according to which the emergence of democracy is not a by-product of economic development (G. O'Donnell). The protagonists of this approach do not believe that the fate of democratic rule would be determined exclusively by current levels of economic development. They maintained that, albeit within constraints, democratization was an outcome of actions, not just of economic conditions as like as historical past (A. Giddens, R. M. Unger).

Key words: modernization; development; state; economic growth; democracy; political processes; globalization; political theory; public discourse.

В общенаучном смысле теория модернизации описывает и объясняет на междисциплинарном уровне процессы трансформации, протекающие в направлении от традиционных и недоразвитых обществ к обществам современным. В 1950-х гг. эта теория становится наиболее перспективной в той области западной социологической науки, которая получила название «социология национального развития». Наибольшее внимание теоретики модернизации уделяли «предсовременным» обществам (*premodern societies*), которые переходили в современные («вестернизированные») посредством процессов экономического роста и изменений в социальных, политических и культурных структурах. Один из основоположников этой теории Ш. Эйзенштадт в 1966 г. следующим образом определял ее сущность: «Исторически модернизация – это процесс изменения в направлении от тех типов социальной, экономической и политической систем, которые развивались в Западной Европе и Северной Америке с XVII по XIX столетие и затем распространились на другие европейские страны, а в XIX и XX вв. – на Южноамериканский, Африканский и Азиатский континенты»¹ [1, р. 1]. Ученые исследовали социальные, политические и культур-

ные последствия экономического роста и условия, которые являются важными для индустриализации отсталых стран и регионов.

В современных общественных науках концепция модернизации до сих пор нередко рассматривается как один из важных парадигмальных подходов, раскрывающих особенности современного мирового развития, неизбежно порождающего зависимость одних стран и регионов от других. Так называемые страны третьего мира (страны Юга, развивающиеся народы) находятся в неравноправном положении и значительно уступают в плане жизненных шансов странам первого мира (страны Севера, развитые страны). Термин «третий мир» был введен в научный оборот в 1952 г. французским экономистом А. Сови, для того чтобы отличать страны, находящиеся на низкой ступени экономического развития, от развитых капиталистических государств и стран второго мира, входивших в мировую социалистическую систему. В целом понятие «третий мир» указывает на общества, для которых характерны унаследованные от колониального периода аграрная экономика, прогрессирующая бедность, слабое развитие систем здравоохранения и образования, неконтролируемый уровень рождае-

¹Здесь и далее перевод мой. – В. Г.

мости, низкие темпы урбанизации и жилищного строительства, постоянная долговая кабала, крайне слабые ростки демократии и преобладание военных способов решения политических конфликтов.

Теорию модернизации (вернее, ее различные толкования) не следует рассматривать в категориях зависимости от философских дискуссий о природе модерна и постмодерна. Понятие «модерн» в философском и эпистемологическом смыслах ориентировалось на представление о существовании одной «истинной» объяснительной модели, в которой отражается современный мир. Сторонники постмодерна, напротив, отрицали существование единственной концепции мира, полагая, что знание, идеология и наука сами по себе основаны на субъективном понимании относительности природы мира и социальных отношений.

Тем не менее теория модернизации, отражая характерное для классиков социологии и политической науки (К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Т. Парсонс и многие другие) внимание к процессу движения различных обществ от традиционных к современным социальным порядкам, придавала большое значение ценностям, верованиям и нормам, которые рассматривались как важные аспекты прогрессивного социального изменения. Соответственно, Запад определялся одновременно как исходный пункт и цель глобального развития: в современных обществах, согласно такому подходу, традиционные формы жизни должны заменяться инновационными структурами, практиками и способами мышления. Важную роль в данном процессе играют рост урбанизации, развитие нуклеарной семьи, образования, средств массовой информации и систем рационального права.

Еще в начале 1960-х гг. американский экономист и социолог У. Ростоу в своей работе «Стадии экономического роста» (1960) выделил пять стадий экономического развития: традиционное общество, предпосылки для подъема (*takeoff*), подъем, продвижение к зрелости и эра высокого массового потребления. В отличие от сторонников концепции спонтанного развития У. Ростоу подчеркивал важность политической воли для формирования «элитарного социального капитала» (*social overhead capital*) и сферы образования, способствующих развитию и укреплению социальных связей [2]. Книга У. Ростоу неслучайно имела подзаголовок «Некоммунистический манифест»: ее автор стремился с либеральных позиций осмыслить следующий принципиально важный тезис К. Маркса, по существу предвосхищавший теорию модернизации: «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего» [3, с. 9].

В 1959 г. американский политолог С. М. Липсет, развивая казавшуюся тогда убедительной гипотезе-

зу, согласно которой развитие порождает демократию, сформулировал принцип корреляции между уровнем социально-экономического развития и способностью общества к демократии. В своей ставшей классической работе «Политический человек. Социальные основания политики» исследователь отмечал: «Чем более богата нация, тем больше у нее шансов поддерживать демократию. От Аристотеля и до наших дней люди считали, что только в процветающем обществе, в котором относительно немного граждан живут за чертой бедности, возможна ситуация, при которой массы населения разумно участвуют в политике и развивают ту степень самоограничения, которая необходима для того, чтобы не поддаваться лозунгам безответственных демагогов» [4, р. 31]. Таким образом, важнейшее условие успеха демократизации заключается, по мнению С. М. Липсета, прежде всего в преодолении бедности. Развитие представлялось линейным процессом, в рамках которого отдельные страны и народы проходят через внутренние преграды на пути к модернизации и демократизации.

На протяжении более трех десятилетий установленная С. М. Липсетом корреляция неоднократно перепроверялась специалистами (путем выделения агрегированных индикаторов ВВП на душу населения и числа стран, определяемых по принципу минимальных демократий) и оказалась крайне стабильной. В одной из современных работ утверждалось: «...вследствие таких впечатляющих статистических подтверждений прочную связь экономического развития и способности общества к демократии больше нельзя игнорировать. Многочисленные исследования ясно показывают, что уровень экономического развития (измеренный по ВВП на душу населения) должен рассматриваться как важнейшая переменная для объяснения степени демократизации определенной страны или различий между демократией и диктатурой на глобальном уровне» [5, с. 59].

Позднее с привлечением нового исторического материала некоторые весомые аргументы в пользу взаимосвязи экономической модернизации и демократизации были выдвинуты С. Хантингтоном. Исследователь доказывал, что экономический рост всегда способствует легитимации демократий, поскольку модернизация содействует росту образованного среднего класса, смягчающего классовые противоречия и заинтересованного в стабильности и упорядоченном способе политического участия и принятия решений (см. [6]).

Тем не менее такого рода представления уже в 1960-х гг. стали подвергаться существенной коррекции, нередко сопровождавшейся острой критикой. В результате влияние теории модернизации значительно уменьшилось. Главный контраргумент заключался в том, что сама схема, основанная

на дихотомии *традиция – современность* и ложной идее превосходства небольшой группы западных народов над всеми остальными, является слишком элементарной, чтобы отражать надлежащим образом все многообразие мирового социального опыта.

Другой важный аргумент акцентировал внимание на том, что модернизация вовсе не означает упадок традиционных верований и практик, особенно в тех случаях, когда они могут оказаться в высшей степени функциональными в процессе изменения социальных порядков. Сторонники марксистского подхода убедительно доказывали, что теория модернизации игнорировала воздействие западного империализма и колониализма на формирующиеся в странах третьего мира порядки и поэтому является глубоко неисторичной.

Наиболее последовательная критика модернизации была выдвинута представителями латиноамериканской школы зависимости, а также исследователями политики неоколониализма в странах, некогда входивших в западноевропейские колониальные империи. Историки А. Г. Франк и У. Родни доказывали, что западноевропейские государства сделали недоразвитыми те ставшие независимыми страны, которыми они когда-то управляли. Именно Западная Европа и США способствовали недоразвитости и латиноамериканских стран, систематически делая их еще беднее. Историк и социолог И. Валлерстайн, начавший свою научную карьеру с исследования проблем Африки, систематизировал в дальнейшем теорию зависимости в многоотомном труде «Мир-система Модерна», в котором поставил под сомнение излишнее акцентирование теоретиков модернизации на проблемах национального развития. Автор утверждал, что начиная с XVI в., когда происходило становление единой мировой экономики, возникла необходимость разработки на новом уровне принципов анализа экономического и политического развития. Сильные государства, составляющие «сердцевину» новой мир-системы (*core states*), эксплуатировали политически слабые периферийные общества как в форме прямого колониального господства, так и в виде косвенной, неформальной зависимости (см. [7, р. 2–14; 8, р. 2–12]).

На основе аргументации И. Валлерстайна сторонники мир-системного анализа доказывают, что такие «полупериферийные» государства, создавая идею о возможности конвергенции для всех, на самом деле обеспечивают новые возможности для инвестиционной политики доминирующих государств. Конвергенция отсталых и передовых стран является в принципе недостижимой. Политолог Г. О’Доннелл критиковал аргументы о близости, тождестве модернизации и демократизации. В частности, он отмечал, что даже в богатейших

странах Южной Америки в 1960–70-х гг. были установлены военные диктатуры, и предполагал, что особая фаза индустриализации, через которую они проходили, была обусловлена потребностью привлечения иностранного капитала и технологий. Исследователь разделял позицию сторонников теории зависимости, согласно которой временные рамки являются критерием экономического развития, и определял характер и последствия модернизации: страны, позднее вступившие на этот путь, более нуждаются в сильном государстве как двигателе экономического развития и в меньшей степени должны зависеть от такого фактора, как активность и самостоятельность граждан (см. [9, р. 49–71]).

Постмодернистски настроенные ученые вместе со сторонниками теории зависимости критиковали теоретиков модернизации за излишний этноцентризм. Предполагая, что развитие заключается в движении от традиции к современности, и отождествляя модернизацию с индустриальным Западом, они утверждали, что теоретики модернизации совершают двойную ошибку: во-первых, они исходят из того, что Запад чем-то лучше других цивилизаций; во-вторых, утверждают, что все «несовременные» общества одновременно являются «традиционными». Из-за этого сторонники теории модернизации не в состоянии выявлять различия между обществами, а многие из них отличаются друг от друга в гораздо большей степени, чем от Запада. Равным образом теоретики модернизации не осознают масштабов стресса от попыток народов приспособиться к западным конструктам, которые сами являются продуктами соответствующей теории и разрушают жизненно важные основы общества и культуру тех стран, которые модернизацию никогда не выбирали.

Следует отметить, что противники классической теории модернизации нередко сами увлекались и оставляли в стороне обсуждение принципиально важных проблем трансформации демократических институтов в современном мире, требовавшей новых интерпретаций теории демократии, включая анализ самого понятия «современная демократия».

Термин «демократия» в современном смысле стал распространяться в XIX в. для описания системы правления, в рамках которой представители выбираются в различные органы власти на свободных конкурентных выборах и большая часть граждан мужского пола обладает правом голосовать. В США такое положение дел было достигнуто в 1820–30-х гг. по мере распространения избирательного права в различных штатах. В 1848 г. во Франции произошел внезапный скачок в предоставлении права голоса взрослым мужчинам, но принцип парламентского правления был гарантированно установлен только к 1871 г. В Британии парламентское правление введено с 1688 г., но

большинство мужчин получили право голоса только к 1867 г. Следовательно, если не считать нескольких столетий развития демократии в древнегреческих полисах, в мировой истории демократия является сравнительно новым феноменом, который имеет тенденцию к быстрому распространению. За последние несколько десятилетий демократические институты и практики твердо установлены примерно в 30 из 192 ныне существующих государств. Кроме того, выделяются более молодые, но очевидно стабильные демократические режимы в Испании, Португалии и Южной Африке, а также неопределенное количество режимов, которые лучше всего могут быть описаны как частично демократические, – на Кипре, в Мексике, Малайзии. Большое число режимов (преимущественно в Восточной Европе и Латинской Америке) с 1990-х гг. получили право именоваться демократическими.

Одна из причин смутности и неопределенности в трактовке современного содержания понятия «демократия» заключается в том, что оно используется для описания и формы правления, и системы общественных отношений. Так, американцы говорят, что их страна не только обладает демократической структурой политических институтов, но и является демократическим обществом. В начале XX в. некоторые британские социалисты (например, С. Уэбб и Б. Уэбб) пропагандировали идею «промышленной демократии» как эффективного средства установления рабочего контроля над промышленными предприятиями. В послевоенный период в странах Центральной и Восточной Европы форма правления и характер общественной жизни определялись правящими коммунистическими партиями как «народная демократия». Однако такого рода неопределенность не может создавать сложных теоретических проблем: при условии, если термин «демократический» используется в соответствии с заложенной в нем семантикой, демократическое общество может восприниматься как общество без наследственных классовых различий, в котором существует тенденция к обеспечению равенства возможностей для всех граждан. Именно так характеризовал общество и стиль жизни в США А. де Токвиль, используя термин «равенство возможностей» для обозначения не столько формы правления, сколько достигнутого американцами уровня социального равенства. Точно так же и в странах «народной демократии», и за их пределами мало кто мог обманываться относительно формы правления и образа жизни населения жестко контролируемого СССР региона.

Драматическое развитие в 1990-х гг. демократических практик по всему миру породило (преимущественно у американских теоретиков модернизации и их адептов в посткоммунистических странах) иллюзию о существовании жесткой вза-

имосвязи между ростом свободного предпринимательства, с одной стороны, и демократических институтов – с другой. В работах наиболее амбициозных авторов отражалась давняя утопическая вера в судьбоносное призвание США обеспечить конвергенцию всех обществ на основе «американского образа жизни». Такого рода теории были наглядным свидетельством крайне упрощенной универсалистской трактовки модернизации как синонима демократизации. Когда Германия в период между 1871 и 1914 гг. и Россия на рубеже XIX–XX вв. стали следовать примеру Великобритании и США, стремительно проводя индустриализацию своих экономик, они делали это в рамках авторитарной системы власти. Несмотря на стремительный рост числа образованных людей и развитие культуры (достаточно вспомнить, какого уровня достигли немецкие университеты в этот период), что, по мнению некоторых теоретиков, является главным фактором, устанавливающим связь экономического прогресса с демократией, Германия не стала демократической (если, конечно, не считать короткого и отягощенного послевоенной разрухой и мировым экономическим кризисом периода Веймарской республики) до тех пор, пока американские, британские и французские оккупационные силы не «продвинули» ее в этом направлении. Переход России к «диктатуре пролетариата» и «социалистической демократии», который заставил многих россиян, как ставших эмигрантами, так и переживших ГУЛАГ, вспоминать о Российской империи как об ушедшем в безвозвратное прошлое золотом веке, не приостановил процесс экономической модернизации страны, но до начала 1990-х гг. ни на йоту не продвинул ее в сторону западной модели демократического общества. Точно так же индустриализация и экономический прогресс Японии вплоть до военной катастрофы 1945 г. никак не совпадали с западным демократическим пунктиром до тех пор, пока генерал Макартур и его советники резко не перевели эту страну на рельсы парламентской демократии.

Таким образом, представление о том, что адекватной формой политической организации, соответствующей цивилизованным отношениям, является либерально-демократическое государство, выглядит идеологически и ценностно ориентированным. В историческом плане оно отражало широкое распространение либеральных идей и институтов в XIX – начале XX в., затронувших все без исключения европейские страны, включая традиционные монархии. С кризиса этих институтов после Первой мировой войны начался процесс развития в тоталитарном направлении России, Италии и Германии. В тех европейских странах, где было достигнуто наибольшее равновесие между организацией производства и политической системой,

коммунизма и фашизма удалось избежать. Однако исторический опыт показывает, что более глубокой причиной подобных резких изменений и переворотов является стремление к модернизации стран, отстающих в развитии, как ответ на вызов, брошенный техническим процессом. В длинном ряду современных военных диктатур и авторитарных режимов тоталитарные государства могут рассматриваться как своеобразная аномалия. Тем не менее при всем различии тоталитарных и авторитарных режимов возможно их сопоставление как *современных государств*, идущих по пути модернизации. Исследователь Т. Мак Даниэл отмечал: «...коммунистические режимы в целом могут быть сгруппированы с некоторыми некоммунистическими государствами, в частности с Турцией Ататюрка, как осуществляющие модернизацию однопартийных диктатур. Хотя вполне уместно называть таких правителей, как Сталин и Ататюрк, автократами, их автократия имеет особенность: не стремясь к личному правлению, основанному на традиционной легитимности, эти правители рвут с прошлым, пропагандируя идеологии обновления и обеспечивая массовое участие в них посредством развития массовых политических организаций... Такие автократические системы мобилизации ясно доказали способность создать основы современного индустриального общества. В определенном, самом крайнем случае, продемонстрированном сталинской системой, они действовали, фактически уничтожая отдельное существование гражданского общества, – факт, указывающий на ту огромную цену, которую эти режимы были готовы платить за свою версию прогресса» [10, р. 10] (ср. [11, с. 191, 193, 206, 255]).

Будучи антиподом цивилизации с ее неотъемлемым атрибутом – свободой, коммунистические режимы, уже для того, чтобы иметь возможность бросить вызов, должны были пройти период модернизации в целях создания соответствующего технического потенциала. Этот период составил целую эпоху, в рамках которой возникла сложнейшая система международных связей, взаимоотношений и взаимоотталкиваний. Вне ее невозможно ни понять причины возникновения фашистских режимов, ни объяснить, почему коммунистический режим возник в Китае, а не в Индии, находившейся примерно на той же стадии развития, или почему прокоммунистические революции произошли на Кубе и в Никарагуа, тогда как в других латиноамериканских странах развитие продолжалось в традиционном направлении медленного формирования системы, близкой к западной, через военные диктатуры и авторитарные режимы.

Сравнительно недавние примеры индустриализации восточной Азии во главе с Сингапуром, Южной Кореей и Тайванем демонстрируют воз-

можность чрезвычайно быстрого экономического роста в рамках политических систем, которые далеко не во всем можно считать вполне демократическими. Напротив, азиатские страны с давними демократическими традициями, например Индия и Шри-Ланка, долгое время оставались экономически отсталыми.

История свидетельствует о том, что гораздо легче декретировать демократические институты, чем развить политические условия и практику, необходимые для создания стабильной системы демократического правления. Для этого необходима не только система свободных выборов, но и свобода СМИ, политических партий, беспристрастное судопроизводство, готовность избирателей и политических элит принять результаты поражения на выборах и передать власть своим политическим соперникам, готовность военных и корпоративных экономических групп воздерживаться от соблазна использования своих возможностей для вмешательства в демократический процесс. В противном случае демократия неизбежно вырождается в ту или иную разновидность авторитарного режима. Наглядным примером подобного вырождения являются девять государств Восточной и Юго-Восточной Европы, в которых после окончания Первой мировой войны были установлены демократические институты. Из этих стран только Чехословакия оставалась демократической до 1939 г. В других восьми государствах были установлены авторитарные режимы: в Болгарии – в июне 1923 г., в Польше – в мае 1926 г., в Литве – в декабре 1926 г., в Югославии – в январе 1929 г., в Австрии – в марте 1933 г., в Эстонии – в марте 1934 г., в Латвии – в мае 1934 г., в Румынии – в феврале 1938 г. Ни один из этих поворотов в сторону авторитаризма не был вызван этническими расколами в обществе, экономическим коллапсом, революцией или гражданской войной, но везде он происходил либо из-за нежелания военных воздерживаться от участия в политике, либо из-за маневров правящих элит, стремящихся удержать власть в своих руках и не дать вытеснить из нее своих «друзей».

Не менее обескураживающими были и результаты попыток ввести демократическое правление в странах Африки после завершения процесса деколонизации в 1945–1965 гг. В бывшем бельгийском Конго и португальской восточной Африке (Ангола и Мозамбик) с начала 1950-х гг. не прекращались беспорядки, этнические чистки, диктатуры и гражданская война. Аналогичные явления, отягощенные масштабной коррупцией и разворовыванием иностранной помощи и кредитов, наблюдались и в бывшей британской Африке. Вершиной этого процесса можно считать гражданскую войну в Нигерии, унесшую около миллиона жизней. Наиболее стабильные системы сложились в странах

бывшей французской Африки, главным образом это произошло благодаря тому, что французская колониальная администрация изымала власть из рук племенных вождей и усиленно формировала слой франкоговорящей образованной элиты, которой впоследствии передавались бразды правления. В результате эти страны долгое время переживали период однопартийного правления и их шансы на превращение в подлинно демократические государства остаются под вопросом (см. [12]).

В странах Латинской Америки демократические институты и практики оказались более укорененными, в том числе и вследствие притягательности примера стабильного президентского правления в США. Тем не менее демократические режимы были свергнуты в Бразилии в 1964 г., в Уругвае – в 1973 г., в Аргентине – в 1976 г. (см. [13]).

С 2003 г. новый фокус интереса к процессам модернизации и демократизации переместился на Средний Восток не без влияния неоднократно повторявшихся заявлений Дж. Буша – младшего о том, что он намерен продвигать демократию в этом регионе и не видит никаких оснований не верить тому, что мусульманские общества будут поддерживать демократические системы. Такого рода заявления политического лидера американских консерваторов того периода шли вразрез, например, с концепцией С. П. Хантингтона, согласно которой исламская культура (как и конфуцианская) несовместима с демократией и в этом смысле составляет противоположность западной культуре (либерализм, протестантизм), культуре Латинской Америки, православной и даже индуистской и африканской культурам, которые в той или иной степени способны на восприятие и применение на практике демократических идей и принципов [14, p. 167–168]. Современные реалии свидетельствуют о том, что в заочном споре между маститым ученым и американским президентом победа пока остается за первым. Имеются многие соображения относительно того, чтобы сомневаться в самой возможности быстрого внедрения и развития демократических институтов в мусульманском мире.

Один из доводов, обычно называемый специалистами теологическим, основан на базовом учении исламской религии, предполагающем, что все законы, в которых нуждается человечество, могут быть найдены в Коране, а также в самом раннем своде судебных уложений, развивающих установленные им юридические и моральные принципы. Демократическое представление о том, что парламент является суверенным законодательным органом, естественно, вступает в конфликт с этим фундаментальным исламским верованием. С ним соотносится, например, политическая практика в современном Иране, где совет невыеборных религиозных лидеров («стражей») обладает правом от-

менять законы, принятые парламентом исламской республики, если они вступают в противоречие с Кораном (подробнее см. [15]).

Разумеется, демократизация исламской страны является сложной, но не невозможной, о чем свидетельствует пример современной Турции, где с 1928 г. был введен в действие светский режим власти, на основе которого постепенно сформировалась парламентская система. В этом плане Турция может сравниваться с Индией, где приверженность правящей элиты демократическим принципам помогала преодолеть многие сложные проблемы, с которыми страна сталкивалась после обретения независимости в 1947 г. [16, p. 128–132].

В целом общая тенденция может внушать аналитикам определенный оптимизм: со времени окончания Второй мировой войны почти все европейские страны, включая посткоммунистические, сформировали более или менее стабильные, ориентированные на демократию политические системы, а в мире развивающихся стран влияние демократических идей и институтов также продолжает расширяться. Именно эта тенденция постоянно придает дополнительный импульс представлению о том, что и в будущем векторы модернизации и демократизации могут совпадать. В этом плане общие принципы, сформулированные еще в 1960-х гг. в рамках классической концепции соотношения модернизации и демократизации, также вряд ли могут быть до конца поставлены под сомнение. Исследователь Б. Джеддис – автор главы «Что является причиной демократизации?», написанной для «Оксфордского справочника по сравнительной политике», – отмечал: «Недавние исследования подтвердили то, что, как мы думали, мы [уже] знали несколько десятилетий назад: более богатые страны, вероятно, являются и более демократичными. Дискуссия продолжается относительно того, увеличивает ли демократическое развитие вероятность перехода к демократии? Пшеворский и его соавторы настойчиво доказывали, что развитие не является причиной демократизации; скорее, развитие снижает вероятность поломки демократического механизма, тем самым увеличивая число богатых демократических стран, даже если это не связано с причинным воздействием на переход к демократии. Тем не менее другие образцы тщательного анализа смены режима продолжают обнаруживать взаимосвязь между развитием и переходом к демократии. Некоторые другие регулярные наблюдения эмпирического характера добились статуса стилизованных фактов, хотя и им всем был брошен вызов. Опора на нефть и, возможно, другие виды минерального экспортного сырья уменьшает вероятность демократии. Страны с большим мусульманским населением, возможно, являются еще менее демократичными... Эксперты по Ближнему

Востоку объясняют связь между нефтяным богатством и диктатурой следствием функционирования государства-рантье, которое может использовать свою ренту от продажи природных ресурсов для распределения субсидий среди обширных частей населения и тем самым поддерживать уступчивость народа по отношению к режиму. Параллельно с этим Даннинг доказывает, что нефтяная рента при определенных обстоятельствах может быть использована для поддержки демократии» [17, р. 317–318].

Конечно, и сегодня влияние постмодернистских идей порождает гораздо больший разброс мнений относительно того, какие страны и в каком смысле можно называть демократическими. Например, современный анализ итогов «бархатных революций» и перспектив демократизации политических систем в странах Центральной и Восточной Европы, а затем в посткоммунистической России и странах, некогда входивших в состав СССР, нередко сопровождается стремлением усилить аргументацию противников теории модернизации. В частности, эта тенденция проявляется и в упрощенном подходе к проблеме соотношения уровня экономического развития и стабильности демократических институтов и традиций. Сторонники такого подхода стремятся, как правило, «вынести за скобки» проблему взаимосвязи современной модели политической демократии с уровнем экономического прогресса, а заодно и с концепцией социального государства и социальных прав, ссылаясь на то, что на Западе данная модель представляет собой лишь «идеальный тип», а на деле она отнюдь не безупречна, и к тому же в последние десятилетия именно в этом регионе самой идее социальных прав был нанесен значительный ущерб (см. [18, р. 2–4]; ср. также [19, с. 14–15]).

Естественно, после того как проблема уровня доходов, формирования стабильного среднего класса и социальных гарантий оказывается теоретически «снятой», в распоряжении ученых остаются исключительно «политические» критерии, значение которых толкуется как угодно. Например, можно объединить Молдову – одну из беднейших стран в Европе – в «демократическую группу» вместе с Болгарией и Румынией, противопоставив их «автократиям» в России и Беларуси (см. [20, р. 108]). Или же, напротив, считать, что в современной России демократия, пришедшая на смену тоталитаризму, вполне сопоставима с демократией западной, не отрицая при этом и того факта, что в современном мире «глобальная зона нищеты значительно расширилась за счет большинства постсоветских республик, включая, с некоторыми оговорками, Российскую Федерацию» [21, с. 76, 80].

Такого рода концептуальные заключения не имеют широкого распространения в современной политической теории. Преобладающей выглядит

тенденция к появлению компромиссных версий теории модернизации на основе новых аргументов в пользу демократизации. В одной из них, разработанной Р. Инглхарт и его коллегами, явно просматривается попытка примирить многообразные противоборствующие точки зрения. Отмечая решающую роль экономических и технологических преобразований, Р. Инглхарт утверждает, что изменения культурных ценностей и уровней политического участия следуют за экономическим развитием, которое способствует появлению предсказуемых изменений в ценностях и дальнейшей перспективы демократизации. Что касается так называемых традиционных обществ, то они могут сохранять свои характерные атрибуты культурной жизни в процессе конвергенции с западной моделью общества и культуры. Более того, культурные различия продолжают определять характер ответа различных обществ на вызовы экономической модернизации. Изменения в материальных условиях могут служить причиной изменения позиций в отношении к власти, гендерным ролям, сексуальным практикам и политическому участию, но они возникают в контексте существовавших прежде культур. Экономические изменения будут трансформировать ценности западного иудео-христианского, конфуцианского и исламского обществ, но их результатом не станет единая мировая культура.

Кроме того, Р. Инглхарт выделяет три измерения экономического развития, стимулирующего культурные и политические изменения:

1) рост экономической продуктивности и стремление государств «всеобщего благосостояния» увеличивать размеры потребления и снижать масштабы бедности, способствующие возникновению такого уровня материальной безопасности, который позволит индивидам отдавать большее предпочтение ценностям, не имеющим отношения к элементарной заботе о деньгах на пищу и кров;

2) рост уровня образованности, распространение средств массовой информации и работа в отраслях промышленности, основанных на знаниях, которые дают индивидам большую независимость и стремление к автономии;

3) увеличение социальной сложности, являющееся причиной большей социальной независимости индивидов.

Исследователь стремится доказать, что эти процессы имеют различные степени воздействия на то, что он называет индустриальными и постиндустриальными фазами экономического развития. В условиях индустриализации эти силы подрывают власть религии, но они часто заменяют религиозный авторитет авторитетом государства и индустрии. На постиндустриальной стадии доминирование светских властей подвергается эрозии в результате стремления к индивидуальной автономии во всех сферах жизни [22, р. 48–49, 97–98].

Постепенно теория модернизации стала испытывать все большее влияние многообразных версий концепции глобализации, нередко с ними сливаясь. Как отмечают американские политологи Ч. Эль-Оджейли и П. Хэйден, сегодня «оба подхода – модернизация и зависимость – продолжают функционировать в рамках обширного дискурса глобализации» [23, р. 40].

Концепция глобализации является сравнительно новой в современном политическом дискурсе и общественных науках. Первая социологическая статья, в которой появилось данное понятие, была опубликована в 1985 г. К февралю 1994 г. каталог библиотеки конгресса США включал только 34 названия работ, в которых упоминались либо сам термин «глобализация», либо его производные, причем все публикации вышли не раньше 1987 г. К концу 1990-х гг. это понятие периодически использовалось, и только на рубеже тысячелетий количество книг и статей, где оно постоянно упоминалось, стало исчисляться сотнями [16, р. 43].

Исследовать оттенки категориальных значений понятия «глобализация» не имеет смысла, поскольку они не содержат явных противоречий. По справедливому замечанию А. Бэча, это «просто всеобщий термин, используемый свободно в качестве стенографического ярлыка для обозначения чего-либо, или всего, или же, в наиболее общепринятом смысле, некоей комбинации пяти, скорее, различных тенденций в мировых делах, которые легко могут быть перечислены» [16, р. 43]. Согласно подходу А. Бэча в эту комбинацию входят следующие тенденции:

1) возрастающая обеспокоенность и международные действия в сфере проблем окружающей среды, имеющих глобальное значение;

2) рост мирового рынка как следствие снижения транспортных расходов, всеобщего сокращения таможенных платежей в соединении с созданием Всемирной торговой организации (ВТО) в целях защиты торговых соглашений и снятия барьеров, препятствующих торговому обмену;

3) учреждение международных судов для защиты прав человека в особых регионах или в более широком масштабе;

4) новый взгляд, в соответствии с которым либеральные правительства или их коалиции должны обладать правом (а возможно, его следует трактовать и как долг) вмешиваться во внутренние дела других государств, если последние являются виновными в грубых нарушениях прав человека на своих территориях;

5) чрезвычайно стремительное развитие на мировом уровне средств коммуникации, открывающее возможность глобализации культуры [16, р. 43].

В данном ракурсе понятие «глобализация» терминологически выглядит даже более осмыслен-

ным по сравнению с понятием «модернизация», обладающим практически бесконечным количеством оттенков и применяемым для характеристики многообразных процессов и действий самого различного уровня и направленности – от модернизации станков, стрелкового оружия, отраслевых министерств, школьного и университетского образования до модернизации экономик и политических систем стран и регионов.

На понятийном уровне модернизацию с глобализацией объединяет еще одно примечательное свойство, а именно способность встраиваться в любую политическую конъюнктуру. Например, английский политолог Р. Саква вполне сочувственно и без всякого оттенка критической иронии следующим образом прокомментировал действия С. Иванова, осуществлявшего на посту министра обороны обширный план перевооружения российской армии: «Представляя свой план Думе 7 февраля 2007 г., Иванов настаивал на том, что вопрос стоит о “модернизации, а не реформе армии”, поскольку слово “реформа”, заявлял он, “вызывает у нас аллергическую реакцию”» [24, р. 408].

Хотя в современных дискуссиях о перспективах развития России речь, как правило, идет о ее модернизации в одном, самом широком смысле, Н. А. Симония в статье, посвященной реализации комплекса идей по ускорению и развитию регионов Восточной Сибири и Дальнего Востока, совсем недавно отмечал: «К сожалению, развитие и практическая реализация этих идей начались в период, когда Путин был премьером и существовал “тандем”... Несомненно, *негативную тормозящую роль сыграли откровенные противоречия между двумя администрациями – президентской и правительственной*. Это обстоятельство еще более усугубило негативное действие механизма *межминистерского согласования* – одного из главнейших тормозов социально-экономического развития России, загубившего *десятки проектов модернизации* (курсив мой. – В. Г.)» [25, с. 68].

Современные трактовки глобализации, первоначально тесно связанные с идеями постмодерна, обычно акцентируют внимание на общих тенденциях к усилению интернационализации экономики, коренящейся в транснациональном характере капитала, массовому производству и формированию мощных коммуникационных сетей и технологий, неотделимых от глобальной структуры массового потребления. Как отмечает П. Л. Бергер, в идейно-психологическом плане «термин “глобализация” становится эмоционально нагруженным в общественном дискурсе. Некоторым он представляется как обещание международного гражданского общества, ведущего к новой эре мира и демократизации. Другие видят в нем угрозу американской экономической и политической гегемонии с таким

ее культурным последствием, как гомогенизированный мир, напоминающий разновидность метастазного Диснейленда (которую один французский чиновник мило называл “культурным Чернобылем”)» [26, р. 2].

Данный подход разделяет и О. Хёффе. Термин «глобализация», по его мнению, «нагружен противоречивыми эмоциями – отчасти надеждой, отчасти страхом – и используется настолько инфляционно и неточно, поэтому его лучше избегать. И все же, когда он обретает более очерченный профиль, он имеет существенную диагностическую ценность для наших времен, поскольку верно определяет вызов, не подталкивая к предубежденному ответу. Первое приближение к нему является непротиворечивым, но недостаточно четким: глобализация понимается как возрастание и интенсификация социальных отношений в мировом масштабе. Только посредством четырех квалификаций этот феномен обретает более различимый профиль... Будь это внутренняя и внешняя безопасность, забота о благосостоянии, экономическое процветание или защита окружающей среды, – все эти наибольшие виды ответственности, требующие человеческой самоорганизации, которая базируется на государственности и господстве права, теперь выходят за государственные рамки. И что более важно, дополнительные акторы приобретают постоянно увеличивающуюся власть и влияние на мировой арене: многонациональные корпорации, международные или транснациональные институты и неправительственные организации. Пока эти новые сущности еще не вытесняют существующие политические концепты, такие как либеральная демократия и ее социальные и экологические виды ответственности. Но они уже приобретают новое измерение, которое значительно трансформирует политику и теорию, лежащую в ее основе» [27, р. 1].

В целом большинство специалистов и аналитиков, независимо от различных идеологических подходов, разделяют ту точку зрения, что глобализация является исключительно сложным, противоречивым, далеко не во всем предсказуемым историческим процессом, имеющим множество аспектов и уровней измерения. Глобализационные процессы включают в себя новое структурирование мирового пространства, главным вектором которого является формирование многоуровневых сетевых структур в сфере промышленности, финансов, торговли, новых технологий массовых коммуникаций, культурной индустрии и распространения идей. Они затрагивают не только межличностные отношения, но и активно вторгаются в политическое пространство, оказывая воздействие как на современные территориальные государства, так и на все без исключения элементы мировой политической системы.

Современные теоретики либерализма и неомарксизма рассматривают глобализацию преимущественно в экономическом измерении, поскольку оба данных направления мысли акцентируют внимание на экономических силах, действующих в мире, нередко оставляя в стороне вопрос о том, что в действительности даже экономические изменения не осуществляются исключительно с помощью экономических факторов: большое влияние на них оказывают технические достижения, политические решения и изменения публичных позиций социальных групп, которые также постоянно подвергаются трансформации. Ключевую роль в данном процессе играют современные мирные и военные технологии, как правило преодолевающие пределы национальных государств и формирующие сетевое глобальное общество.

Глобализация «делает все более трудным для таких социальных акторов, как национальные государства, местные сообщества и индивиды, поддерживать свою идентичность без ссылки на всеохватывающие глобальные структуры и потоки. Взаимосвязи глобализируют мир вполне измеримым, возможно, даже “объективным” образом, но это происходит преимущественно потому, что все эти силы заново определяют опыт и восприятие все большего количества акторов. Поэтому глобальное является теперь когнитивной референтной рамкой для многих акторов, которые осознают глобальное давление, хотя это в гораздо меньшей степени ощущается на уровне культуры и морали» [28, р. 243].

Приоритеты в данном плане до сих пор расставляются через соотношение политических страстей и борьбы, с одной стороны, и идеологически окрашенных интеллектуальных дискуссий – с другой. Например, уже в 1990-х гг. в Китае тема глобализации стала центральной в дискуссии между двумя противоборствующими группами интеллектуалов. По мнению либеральных идеологов и реформаторов, занимавших ключевые позиции в планировании китайской политики, глобализация является новой стадией в процессе модернизации и представляет собой возможность, упустить которую Китай не может себе позволить. При этом сторонники такого подхода подчеркивали, что глобализация способна обеспечить постоянный мир на планете, уничтожить неравенство между развитыми и развивающимися странами и привести их к дальнейшему развитию и процветанию. Глобализация, по их мнению, способствует распространению универсальных ценностей, таких как свобода, демократия и права человека, и поэтому является чрезвычайно полезной китайскому обществу. Поскольку глобализация представляет собой высшее состояние модернизации и человеческого развития, ее необходимо всячески поощрять [29, р. 37].

Напротив, представители новых левых и неомарксисты утверждали, что глобальный капитализм принесет Китаю гораздо больше вреда, чем блага, и западная модель модернизации совсем не подходит для их страны. Они были более озабочены увеличивающимся социальным неравенством, вызванным быстрой аккумуляцией капитала, а также прогрессирующей деградацией социокультурной и окружающей среды, причиной которой была слепая приверженность партийного государства к модели экономического развития, основанного на притоке иностранного капитала [29, p. 38].

Что касается позиции западноевропейских и американских левых, то большинство их идеологов не склонны считать, что процесс глобализации предопределяет исключительно однозначную конфигурацию экономики и политики, отвечающую интересам США, крупных корпораций и мировой олигархии. Один из ведущих западных политических философов левого направления Роберто Мангабейра Унгер в работе «Что должны предложить левые?» отмечал: «Глобализация теперь стала родовым алиби для капитуляции: каждая прогрессивная альтернатива высмеивается на том основании, что давление глобализации делает ее непрактичной. Истина, однако, заключается в том, что, как свидетельствует контрастный опыт современного Китая и Латинской Америки, даже настоящий глобальный экономический и политический порядок допускает широкий спектр эффективного ответа» [30, p. 133].

Такого рода дискуссии и идейные конфликты не могли не отразиться на теоретических подходах к проблеме модернизации. Она все больше начинает восприниматься как внутреннее свойство или тип исторического развития, свойственный глобализации. Модернизационные процессы рассматриваются уже не в рамках какой-либо цивилизационной парадигмы, например вестернизации, а как особый тип развития и неотъемлемый атрибут современного общества, главной характеристикой которого выступает тенденция к постоянным изменениям, не поддающимся строгому структурированию и не укладывающимся в четко обозначенные исторические периоды, свойственные европейскому модерну. Более того, «появились даже утверждения, что современное состояние западного общества, которое еще недавно характеризовалось как постмодернити, на самом деле является зрелой формой модернити, а прежнее состояние, именовавшееся “модернити”, следует трактовать как “ограниченную модернити”» [31, с. 15].

Именно сторонники такого восприятия модерна разработали концепцию рефлексивной модернизации. Наиболее известные ее создатели – У. Бек и А. Гидденс (см. [32–37]). В соответствии с их аргументацией основные источники социальной и политической идентичности и конфликта, ко-

торыми были отмечены ранние фазы «модерна», находятся в процессе вытеснения в результате прогресса самой современности. Эти изменения делают устаревшими традиционные виды идеологии, разделений и конфликтов. Процесс радикализации модерна и «субполитика» новых социальных движений открывают перспективу демократизированной и устойчивой «новой современности» [34, p. 163–173] (ср. [38]).

Сторонники данной версии модернизации заимствовали ряд социальных и политических идей у движения зеленых, особенно в отношении перспективы экологического коллапса и широко-масштабных угроз трансформации морального и политического порядков, а также физического ландшафта.

Согласно подходу А. Гидденса «простая современность» (Запад начиная с эпохи Просвещения) характеризуется четырьмя институциональными измерениями, к которым принадлежат политическая и административная власть (в такой ее типической форме, как представительная демократия); экономический порядок, преимущественно капиталистический по форме и с ныне угасшими коммунистическими режимами в качестве временного варианта; отношение к природе, определяемое современной наукой и промышленными технологиями; монополия государства на легитимное использование насилия. Консервативная, либеральная и социалистическая традиции в политике, по Гидденсу, отчетливо связаны с данной фазой модернизации, но в настоящее время они исчерпали себя вследствие процессов, развивавшихся в послевоенный период. Эти процессы суммируются А. Гидденсом в понятиях «глобализация», «детрадиционализация» и «социальная рефлексивность». Английский социолог отвергает экономический подход к глобализации и фокусирует внимание на проблемах новых коммуникационных технологий и средств сообщения. В новых условиях «культурного космополитизма», характерных для эпохи глобализации, традиции, укоренившиеся в период «простого модерна», уже не могут легитимизироваться традиционными способами. Они должны подтверждать себя перед лицом новых альтернатив. Это предполагает, что жизнь индивидов больше не определяется случайными условиями их рождения, но постоянно сталкивается с различного рода выбором относительно того, как жить: иметь ли детей, как одеваться, во что верить и т. д. Иными словами, формирование идентичности постоянно становится жизненным проектом рефлексивных субъектов (подробнее см. [36, p. 216–219]).

Возникновение новых условий рефлексивной модернизации делает устаревшими унаследованные политические традиции. Распадаются традиционные формы классовой идентичности. В результате изменений на рынке труда, в сфере гендерных

и семейных отношений институты государства всеобщего благосостояния становятся неустойчивыми и неподходящими. Глобализация и рефлексивность в плане выбора стиля жизни и потребления делают неработоспособными централизованные формы экономического контроля, в то время как стабильные политические партии и институты утрачивают свою легитимность. Тем не менее это еще не конец политики даже в радикальных ее формах. Схематично рассматривая новые социальные движения как форму противодействия любому из институциональных измерений модерна, А. Гидденс постулировал возникновение радикальной «генеративной», или «жизненной», политики, преодолевающей старые полярности *правого и левого* [35].

Как реакция на политико-административную систему возникают новые социальные движения, стремящиеся к радикализации демократии и выступающие против надзора и авторитаризма. Рефлексивная модернизация включает в себя также демократизацию личной жизни, когда отношения между любовниками, друзьями, родителями и детьми более не регулируются традиционными представлениями и ожиданиями. В сфере капиталистических экономических отношений поляризация и фрагментация продолжают характеризовать рефлексивно модернизирующиеся общества, но идея о предполагаемом окончании классовой политики и централизованного экономического контроля приводит А. Гидденса к предположению

(впрочем, довольно неясному) о том, что эти проблемы могут быть скорректированы с помощью «постдефицитного» порядка, который столь же многим обязан экологии и консерватизму, как и социализму. В области науки и индустриальных технологий претензия простого модерна на контроль сил природы породила новый порядок риска – «фабрикуемый риск», на который движение зеленых ответило утопическим призывом вернуться к аутентичной природе. В плане институционального насилия сторонники движения борьбы за мир указывают на возрастающую роль диалогических форм разрешения конфликтов в посттрадиционном, рефлексивном мире.

В методологическом плане концепция рефлексивной модернизации А. Гидденса является творческой попыткой развития классической модернизационной парадигмы, разработанной Т. Парсонсом: поскольку развитие носит универсальный характер, любое общество, в том числе современное, должно стремиться обеспечить себе достаточный уровень адаптации к окружающей среде путем осознанного признания ценностей, в основе которых лежат определенные «эволюционные универсалии». Чем более функционально дифференцированными становятся современные цивилизованные общества, тем более они нуждаются в создании эффективного политического порядка на основе универсальных принципов права и демократической самоорганизации.

Библиографические ссылки

1. Eisenstadt SN. *Modernization: Protest and Change*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall; 1966.
2. Rostow WW. *The Stages of Economic Growth: a Non-Communist Manifesto*. Cambridge: Cambridge University Press; 1960.
3. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения*, 2-е издание. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1960 (1955–1981 гг.; Т. 23).
4. Lipset SM. *Political Man. The Social Basis of Politics*. Expanded edition. Baltimore: Johns Hopkins University Press; 1981.
5. Меркель В. Теория трансформации. Структура или актор, система или действие? В: Штыков П, Шваниц С, редакторы. *Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей. Т. 1. Постсоциалистические трансформации: теоретические подходы*. Санкт-Петербург: Европейский университет в Санкт-Петербурге; 2003. Совместное издание с «Летний сад». с. 55–88.
6. Huntington SP. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman, London: University of Oklahoma Press; 1991.
7. Wallerstein I. *The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press; 2011.
8. Wallerstein I. *The Modern World-System II: Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press; 2011.
9. O'Donnell G. Poverty and Inequality in Latin America: Some Reflections. In: Tokman E, O'Donnell G, editors. *Latin America: Issues and New Challenges*. Chicago: University of Chicago Press; 1999. p. 49–71.
10. McDaniel T. *Autocracy, Modernization and Revolution in Russia and Iran*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press; 1991.
11. Aron R. *Democracy and Totalitarianism*. London: Weindenfeld and Nicolson; 1968.
12. Saine A. *The Paradox of Third-Wave Democratization in Africa: the Gambia Under the AFPRC-APRC Rule, 1994–2008*. Lanham: Lexington Books; 2009.
13. Hagopian F, Mainwaring SP. *The Third Wave of Democratization in Latin America: Advances and Setbacks*. Cambridge: Cambridge University Press; 2005.
14. Huntington SP. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster Paperbacks; 2011.

15. Dahlen AP. *Islamic Law, Epistemology and Modernity. Legal Philosophy in Contemporary Iran*. New York, London: Routledge; 2003.
16. Birch AH. *The Concepts and Theories of Modern Democracy*. 3rd edition. London, New York: Routledge; 2007.
17. Boix C, Stokes SC, editors. *The Oxford Handbook of Comparative Politics*. Oxford: Oxford University Press; 2007.
18. Gill G. *Democracy and Post-Communism. Political Change in the Post-Communist World*. London, New York: Routledge; 2002.
19. Хёффе О. *Есть ли будущее у демократии? О современной политике*. Москва: Дело; 2015.
20. Moeller J. *Post-Communist Regime Change*. London, New York: Routledge; 2009.
21. Оганисян ЮС. Новая Россия в изменяющемся мире: социально-политический ракурс. *Полис. Политические исследования*. 2014;3:76–90. DOI: 10.17976/jpps/2014.03.06.
22. Inglehart R. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press; 1997.
23. El-Ojeili Ch, Hayden P. *Critical Theories of Globalization*. New York: Palgrave Macmillan; 2006.
24. Sakwa R. *Russian Politics and Society. Fourth Edition*. London, New York: Routledge; 2008.
25. Симония НА. Новые стратегические факторы в борьбе за модернизацию России. *Полис. Политические исследования*. 2014;3:67–75. DOI: 10.17976/jpps/2014.03.05.
26. Berger PL, Huntington SP, editors. *Many Globalizations. Diversity in the Contemporary World*. Oxford, New York: Oxford University Press; 2002.
27. Höffe O. *Democracy in the Age of Globalization*. Dordrecht: Springer; 2007.
28. Browning G, Halcli A, Webster F. *Understanding Contemporary Society: Theories of the Present*. London: Sage Publications; 2000.
29. Berger PL. The Cultural Dynamics of Globalization. In: Berger PL, Huntington SP, editors. *Many Globalizations. Cultural Diversity in the Contemporary World*. Oxford, New York: Oxford University Press; 2002. p. 1–16.
30. Unger RM. *What Should the Left Propose?* London, New York: Verso; 2005.
31. Виноградов АВ. *Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности*. 2-е издание, исправленное и дополненное. Москва: НОФМО; 2008.
32. Beck U. *What is Globalization?* Cambridge: Polity Press; 1991.
33. Beck U. Living Your Own Life in a Runaway World: Individualization, Globalization and Politics. In: Hutton W, Giddens A, editors. *Global Capitalism*. New York: The New York Press; 2000. p. 163–173.
34. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press; 1991.
35. Giddens A. *Beyond Left and Right: the Future of Radical Politics*. Stanford: Stanford University Press; 1994.
36. Giddens A, Hutton W. Fighting Back. In: Hutton W, Giddens A, editors. *Global Capitalism*. New York: The New York Press; 2000. p. 213–224.
37. Giddens A. *The Third Way and Its Critics*. Cambridge: Polity Press; 2000.
38. Inglehart R, Welzel Ch. *Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence*. Cambridge: Cambridge University Press; 2005.

References

1. Eisenstadt SN. *Modernization: Protest and Change*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall; 1966.
2. Rostow WW. *The Stages of Economic Growth: a Non-Communist Manifesto*. Cambridge: Cambridge University Press; 1960.
3. Marx K. Kapital. Kritika politicheskoi ekonomii [Capital. Criticism of political economy]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya* [Works]. 2nd edition. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1960 (1955–1981; Vol. 23). Russian.
4. Lipset SM. *Political Man. The Social Basis of Politics*. Expanded edition. Baltimore: Johns Hopkins University Press; 1981.
5. Merkel V. [Theory of transformation. Structure or actor, system or action?] In: Shtykov P, Schwanitz S, editors. *Povoroty istorii. Postsotsialisticheskie transformatsii glazami nemetskikh issledovatelei. Tom 1. Postsotsialisticheskie transformatsii: teoreticheskie podkhody* [Turns of history. Post-socialist transformations through the eyes of German researchers. Vol. I. Post-socialist transformations: theoretical approaches]. Saint Petersburg: European University in Saint Petersburg; 2003. p. 55–88. Co-published by «Letnii sad». Russian.
6. Huntington SP. *The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century*. Norman, London: University of Oklahoma Press; 1991.
7. Wallerstein I. *The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press; 2011.
8. Wallerstein I. *The Modern World-System II: Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750*. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press; 2011.
9. O'Donnell G. Poverty and Inequality in Latin America: Some Reflections. In: Tokman E, O'Donnell G, editors. *Latin America: Issues and New Challenges*. Chicago: University of Chicago Press; 1999. p. 49–71.
10. McDaniel T. *Autocracy, Modernization and Revolution in Russia and Iran*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press; 1991.
11. Aron R. *Democracy and Totalitarianism*. London: Weindenfeld and Nicolson; 1968.
12. Saine A. *The Paradox of Third-Wave Democratization in Africa: the Gambia Under the AFPRC-APRC Rule, 1994–2008*. Lanham: Lexington Books; 2009.
13. Hagopian F, Mainwaring SP. *The Third Wave of Democratization in Latin America: Advances and Setbacks*. Cambridge: Cambridge University Press; 2005.
14. Huntington SP. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York: Simon & Schuster Paperbacks; 2011.

15. Dahlen AP. *Islamic Law, Epistemology and Modernity. Legal Philosophy in Contemporary Iran*. New York, London: Routledge; 2003.
16. Birch AH. *The Concepts and Theories of Modern Democracy*. 3rd edition. London, New York: Routledge; 2007.
17. Boix C, Stokes SC, editors. *The Oxford Handbook of Comparative Politics*. Oxford: Oxford University Press; 2007.
18. Gill G. *Democracy and Post-Communism. Political Change in the Post-Communist World*. London, New York: Routledge; 2002.
19. Höffe O. *Est' li budushcheje u demokratii? O sovremennoi politike* [The democracy: is there future? On the modern politics]. Moscow: Delo; 2015. Russian.
20. Moeller J. *Post-Communist Regime Change*. London, New York: Routledge; 2009.
21. Oganisjan YS. [New Russia in changing world: socio-political perspective]. *Polis. Political Studies*. 2014;3:76–90. Russian. DOI: 10.17976/jpps/2014.03.06.
22. Inglehart R. *Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic, and Political Change in 43 Societies*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press; 1997.
23. El-Ojeili Ch, Hayden P. *Critical Theories of Globalization*. New York: Palgrave Macmillan; 2006.
24. Sakwa R. *Russian Politics and Society. Fourth Edition*. London, New York: Routledge; 2008.
25. Simonija NA. New strategic factors in the struggle for Russia's modernization. *Polis. Political Studies*. 2014;3:67–75. Russian. DOI: 10.17976/jpps/2014.03.05.
26. Berger PL, Huntington SP, editors. *Many Globalizations. Diversity in the Contemporary World*. Oxford, New York: Oxford University Press; 2002.
27. Höffe O. *Democracy in the Age of Globalization*. Dordrecht: Springer; 2007.
28. Browning G, Halcli A, Webster F. *Understanding Contemporary Society: Theories of the Present*. London: Sage Publications; 2000.
29. Berger PL. The Cultural Dynamics of Globalization. In: Berger PL, Huntington SP, editors. *Many Globalizations. Cultural Diversity in the Contemporary World*. Oxford, New York: Oxford University Press; 2002. p. 1–16.
30. Unger RM. *What Should the Left Propose?* London, New York: Verso; 2005.
31. Vinogradov AV. *Kitaiskaya model' modernizatsii. Poiski novoi identichnosti* [The Chinese model of modernization. The search for a new identity]. 2nd edition, revised and enlarged. Moscow: NOFMO; 2008. Russian.
32. Beck U. *What is Globalization?* Cambridge: Polity Press; 1991.
33. Beck U. Living Your Own Life in a Runaway World: Individualization, Globalization and Politics. In: Hutton W, Giddens A, editors. *Global Capitalism*. New York: The New York Press; 2000. p. 163–173.
34. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Cambridge: Polity Press; 1991.
35. Giddens A. *Beyond Left and Right: the Future of Radical Politics*. Stanford: Stanford University Press; 1994.
36. Giddens A, Hutton W. Fighting Back. In: Hutton W, Giddens A, editors. *Global Capitalism*. New York: The New York Press; 2000. p. 213–224.
37. Giddens A. *The Third Way and Its Critics*. Cambridge: Polity Press; 2000.
38. Inglehart R, Welzel Ch. *Modernization, Cultural Change, and Democracy. The Human Development Sequence*. Cambridge: Cambridge University Press; 2005.

Статья поступила в редколлегию 12.06.2018.
Received by editorial board 12.06.2018.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

RELIGIOUS EXTREMISM IN THE MODERN WORLD

УДК 172.3

РЕЛИГИЯ, ЭКСТРЕМИЗМ, НАСИЛИЕ

А. В. ДАНИЛОВ¹⁾

¹⁾Институт теологии им. святых Мефодия и Кирилла БГУ,
пр. Независимости, 24, 220018, г. Минск, Беларусь

Констатируется, что экстремизм связан с политическими амбициями обретения властных полномочий с помощью насилия. Такие амбиции могут присутствовать и в религии, особенно если она выдвигает универсалистские претензии. Утверждается, что религиозно-мотивированный экстремизм присутствует в движениях, для которых характерно представление о невозможности толерантного отношения к иным религиозным формам и воззрениям. Религиозный экстремизм, показательным примером которого сегодня является исламизм, ориентирован на установление теократии, а не политической диктатуры. Показано, что постоянно готовый к насилию религиозный экстремизм дрейфует в сторону религиозного терроризма, который представляет собой агрессивные насильственные действия против несогласных с экстремистами людей. Насилие служит достижению религиозных, политических или идеологических целей, а терроризм является средством оказания давления.

Ключевые слова: религиозная идентичность; радикализация; экстремизм; насилие; исламизм; конфликты; фундаментализм.

Образец цитирования:

Данилов АВ. Религия, экстремизм, насилие. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2018;3:67–73.

For citation:

Danilov AV. Religion, extremism, violence. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;3:67–73. Russian.

Автор:

Андрей Владиленович Данилов – доктор философии, кандидат богословия; заведующий кафедрой религиоведения.

Author:

Andrey V. Danilov, doctor of philosophy, PhD (theology); head of the department of religious studies.
danilov_andrei@hotmail.com

RELIGION, EXTREMISM, VIOLENCE

A. V. DANILOV^a

^a*Saints Methodius and Cyrill Institute of Theology, Belarusian State University,
24 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220018, Belarus*

Extremism is associated with the political ambitions of gaining power through violence. Such ambitions can also be present in religion, especially if it imposes universalist claims. There is religiously motivated extremism in the movements for which the conception of the impossibility of tolerant attitude to other religious forms and views is typical. Religious extremism, exemplified by Islamism today, is directed toward establishing a theocracy, not a political dictatorship. Constantly ready for violence, religious extremism is drifting towards religious terrorism, which is an aggressive violent act against people who disagree with extremists. Violence serves religious, political or ideological purposes, and terrorism is a mean of putting pressure.

Key words: religious identity; radicalization; extremism; violence; Islamism; conflicts; fundamentalism.

О насилии и экстремизме написано большое количество статей и книг, однако данная тема в отношении мира религий отнюдь не исчерпана. Религиозное насилие является одной из древнейших болезней человеческого сосуществования, мимикрирующей и совсем неизжитой. Понятия «власть» и «насилие» в различных формах их проявления сложно определить. Еще Никлас Луман утверждал: «Власть власти, кажется, основывается, по сути, на том обстоятельстве, что никто точно не знает, о чем, собственно, идет речь. Очевидность феноменов и расплывчатость понятия облегчают аргументирование как в ненаучных, так и в научных контекстах. Существенный прогресс в формировании научной теории до сих пор не отмечается»¹ [1, S. 149]. Такая «легкость» при аргументации может приводить к идеологически инструментализированному использованию этих понятий и затруднять дискуссии. Власть амбивалентна и может применяться как для сохранения существующих отношений, так и для их преодоления. Подобным образом и насилие, призванное служить реализации интересов или идеалов, подчиняется так называемым высшим принципам. Когда начинают говорить о правах и достоинстве человека, понятие «насилие» приобретает уже не амбивалентный смысл, а рассматривается во взаимосвязи ценностей, причем не в последнюю очередь религиозных.

Насилие – противоположный полюс власти. Оно основывается не на понимании, убеждении, соблазне или силе влияния какой-то социальной формации, а на захвате, травмировании или причинении ущерба посредством силы и может быть прямым или косвенным. Власть и насилие аналитически четко различаются: «Экстремальный случай власти задан ситуацией “все против одного”. Экстремальный случай насилия – ситуацией “один против всех”. Последнее никогда невозможно без насильственных средств» [2, S. 43]. Однако в действительности оба феномена, как правило, высту-

пают комбинированно [2, S. 48]. Насилие может принимать как грубые физические, так и символические формы. При систематическом исследовании истории религий практически везде можно найти следы того или иного рода насилия. В священных текстах разных религий встречается рефлексия ритуального насилия в описаниях жертвоприношений, приводятся примеры использования насилия для установления высшего блага, констатируется его необходимость для защиты веры, критикуется незаконное насилие. При этом все рассматривается обычно в эсхатологической перспективе.

В качестве примера обратимся к индуизму, который невозможно свести к принципу ахимсы (непричинение вреда). Этот принцип часто трактуют как «ненасилие», однако что касается жертвоприношения, то Ригведа показывает различные перспективы (цари призывают богов для оказания военной помощи), а в Бхагават-гите подчеркивается, что в силу бессмертия души вполне легитимно убивать на войне (Учение о душе, 17–31) [3, p. 202]. В Законах Ману устанавливается иерархия, согласно которой брахманы, стоящие на высшей ступени кастовой пирамиды, имеют полное право применять насилие при защите своих позиций. В индуизме различают убийство брахмана и неприкасаемого (далита). Да и в самом амбивалентном пантеоне индуизма мы встречаем примечательную богиню разрушения Кали. Современные националистические индуистские движения защищают хиндутву – применение насилия в политической жизни. Например, партия «Раштрия сваямсевак сангх» в союзе с другими экстремистско-националистическими индуистскими группировками использует все средства для борьбы с христианством в Индии. В 1930–40-х гг. эта индуистская партия находилась в близких отношениях с Национал-социалистической немецкой рабочей партией, возглавлявшейся Гитлером, и активно поддерживала фашизм в Европе.

¹Здесь и далее перевод наш. – А. Д.

В отличие от индуизма буддизм делает ахимсу центральной добродетелью сострадания. В этике буддизма особый акцент ставится на намерениях человека. Применение насилия против насилия не исключается, если оно не является основной мотивацией действия.

И среди исламских богословов мы находим поддержку этой точки зрения. Так, Али Мазруи, один из ведущих исламских идеологов национально-освободительного движения в Африке, ставит справедливость выше любви [4, р. 23]. Он не отвергает деятельность экстремистских группировок, считающих законным для установления справедливости применять различные методы насилия.

Говоря об иудаизме, Андре Венин отмечал «массивное присутствие насилия в Ветхом Завете» [5, р. 7]. Особый подъем насилия наблюдается во времена мессианских ожиданий. А Книга Исход однозначно говорит, что Бог – «Господь брани» (Исх. 15:3). В Ветхом Завете читаем об ужасающих уничтожениях войск и народов противников Израиля. Христианство опирается на те же источники, поэтому неудивительно, что в истории христианства мы слышим о «священных войнах», крестовых походах и brutальных мессианских движениях бедных слоев населения.

Чтобы понять суть и найти истоки нынешних конфликтов, мы должны обратиться к внутренним источникам экстремизма и насилия, которые могут быть связаны с религией. Здесь достаточно указать на типичные примеры. Мы видели ужасающие образчики насилия в Шри-Ланке, где сингалезско-буддистской идентичности противостоит тамильско-националистическая. Так, в марте 2018 г. в Шри-Ланке было введено чрезвычайное положение из-за экстремального конфликта между мусульманами и буддистами, обвинившими первых в насильственной религиозной конверсии буддистов в ислам. Индия страдает от двойного конфликта: с одной стороны, от противостояния между фундаменталистски настроенными индуистами и мусульманами, с другой – между высшими кастами и неприкасаемыми, которые чувствуют себя подавляемыми. То же самое касается Руанды 1990-х гг., где насилие на первый взгляд не имело религиозных черт, но часть католического клира была вовлечена в резню. Ситуация, похожая на руандийскую, наблюдается сегодня в Мьянме, где буддистское большинство преследует мусульман-рохинджа. На Ближнем Востоке терроризм облачается в одежды религиозной ортодоксии, что касается как Палестины, так и Израиля. В Латинской Америке волны насилия не так сильны, как прежде, однако до сих пор налицо религиозное оправдание применения насилия бедными против насилия богатых. Перечислять примеры можно долго.

Ряд религиоведов в последнее время усматривают корни экстремистского насилия в противостоя-

нии не религиозных, а культурных идентичностей. Действительно, религиозная интерпретация социальных событий играет важную роль и религия выступает как фактор идентичности и этического узаконивания или отклонения определенных социальных отношений. Здесь речь уже идет об идеологической функции религии в политике. Социальный порядок интерпретируется религиозно, он представляется соответствующим воле Божией, а отношения между социальными слоями рассматриваются как отражение сверхъестественного миропорядка. Таким образом общественный порядок узаконивается и стабилизируется, так как он рассматривается не как преходящее и служащее чьим-то интересам установление определенной группы людей, а как ответ на сверхъестественный порядок, поэтому никто не в праве изменять его или ставить под сомнение. Так, один бразильский епископ заявил, что он отлучит от причастия членов движения безземельных крестьян (*Movimento dos Trabalhadores Sem Terra*) своей епархии, если они будут захватывать землю, потому что право на собственность имеет божественный исток и католическая церковь не имеет никакого права изменять его.

В противостоянии сингалезских буддистов и тамильских индуистов в Шри-Ланке религиозная идентичность играла роль только со стороны сингалезцев. Они конвертировались в буддизм еще во времена царя Ашоки (III в. до н. э.) и свою буддистскую идентичность связывают с народной, в то время как у тамиллов, населяющих север острова, культурное и религиозное единство разрушено. Сотрудничество ряда тамиллов с английским колониальным режимом вызвало всплеск национально-освободительного движения. Когда была завоевана независимость, тамильское меньшинство лишилось ряда элементарных прав. Идентичность местных буддистов исторически была связана с негибкой установкой на безжалостную освободительную войну. Местная буддийская сангха видит в этом свою религиозную миссию. Если ланкийский конфликт будет рассматриваться с политической точки зрения, это повлечет за собой потерю власти буддийской сангхой. Религиозный и политический моменты соединились и повлекли за собой формирование идеологии насилия и экстремистскую активность местных буддистов, что в корне противоречит аутентичной буддистской вере.

Псевдорелигиозную оболочку имеют также израильско-палестинский и индо-пакистанский социальные конфликты. Проблема восстановления народа Израиля в пределах Земли обетованной противопоставляется защите мусульманской идентичности у палестинского Хамаса, и в этом конфликте религия, безусловно, играет важную роль наряду с экономическим и политическим факторами. Исламистское противопоставление Западу,

ассоциирующемуся у мусульман с сатанинскими силами, повлекло за собой и экстремистскую оппозицию ИГИЛ христианству, которое стало пониматься как символическое воплощение секуляризованных ценностей Запада.

В политических дебатах понятия «радикализм» и «экстремизм» зачастую используются как синонимы. Экстремист находится «в процессе центробежного дистанцирования от середины той силы тяготения, которая упорядочивает и формирует фактическую социальную систему» [6, S. 26]. Манфред Функе выводит эту дефиницию из термина «несогласие», чтобы поставить вопрос о том, всякий ли несогласный или аутсайдер является экстремистом. В отличие от нонконформиста экстремист настаивает на ликвидации имеющихся отношений при принципиальном одобрении применения насилия ради осуществления инаковых ценностных представлений: «Он уже находится на периферии революционного, насильственного переворота, хотя еще не зафиксировался статично» [6, S. 16–17]. Итак, экстремизм связан с политическими амбициями обретения властных полномочий с помощью насилия. Такие амбиции могут присутствовать и в религии, особенно если она выдвигает универсалистские претензии.

Общественное мнение зачастую непосредственно связывает экстремизм с применением насилия, но это не соответствует его многообразным проявлениям и опасному потенциалу. Экстремистскими являются всякие цели, позиции, действия, личности и институты, направленные против государственных устоев. Проявления экстремизма имеют разную степень интенсивности. Например, исламское общество «Милли Гёрюза», связанное с организацией «Исламский совет в ФРГ», не применяло насилия, но на основании идеологических убеждений и целей рассматривается как экстремистское. Подобные идеологические параллели можно встретить в некоторых «христианских» группировках, например в российской организации «Христианское государство – Святая Русь».

Религиозно-мотивированный экстремизм присутствует в движениях, для которых характерно представление о невозможности толерантного отношения к иным религиозным формам и воззрениям. Так, исламистские движения ссылаются на универсальную роль ислама в мире и стремятся к созданию исключительно религиозно-легитимированного социального и государственного устройства. К подобным группам, намеревающимся создать теократическое государство – исламский халифат при применении вооруженного насилия, относятся, например, джихадистские салафиты. Группу из 20 таких экстремистов в декабре 2014 г. задержали в Минске, при этом 8 из них были иностранными миссионерами, проводившими среди

местных мусульман активную пропаганду насильственного установления шариата в Беларуси. Салафиты-джихадисты сегодня представляют собой доминантную военно-политическую группу в ИГИЛ. Они борются не только с представителями других религий и атеистами, но и с мусульманами, имеющими иные представления об исламе. Джихадистские салафиты объявляют их неверными, обвиняя в куфре (неверии). При этом надо учитывать, что не все происламистски ориентированные идеологии оправдывают применение насилия для достижения своих целей.

Касательно религии, как и политики, сложно разграничить понятия «радикализм» и «экстремизм». Религиозный радикализм стремится провести коренные изменения и готов добиваться своих намерений насильственными методами. Понятие «экстремизм» имеет выраженный политический характер. С 1973 г. экстремизмом именуют политизированные установки и стремления, позиционирующиеся на внешнем крае политического спектра, в то время как радикальные движения все-таки остаются в рамках конституционного строя, хотя и отклоняются от социальных норм. Экстремистские движения открыто угрожают государственному порядку. Можно говорить о трех видах экстремизма: леворадикальном и праворадикальном политическом экстремизме, а также о религиозном экстремизме. Показательным примером последнего сегодня является исламизм, ориентированный на установление теократии, а не политической диктатуры.

Радикальные религиозные движения существуют не только в исламе, но и в других религиях, не исключая иудаизм и христианство. Религиозные радикалы убеждены в том, что только их религия единственно истинная и в религиозной борьбе в случае необходимости можно применять насилие. Поэтому понятие «радикальный» часто попадает в неверный контекст и уравнивается с экстремистской готовностью к насилию. Однако стоит задаться вопросом о том, почему радикальная религиозность переходит в экстремистское насилие. Для такого перехода есть психологические и социологические основания. Зачастую радикализированные люди чувствуют себя дезориентированными, потерявшими почву под ногами. Обращение к религиозным ценностям предоставляет им мировоззренческую структуру. Исламский радикализм желает нового мирового порядка, при котором сначала будет «раззападнен» мир, а затем повернута вспять европейская глобализация, после чего начнется исламизация.

В современной Европе усиливается радикализация молодежи. Предрасположенными к попаданию в радикальные религиозные группы оказываются прежде всего юноши в возрасте 15–16 лет.

Факторы отсутствия перспективы, бедность и социальная неприязнь играют при этом важную роль. Молодежь, находящаяся в стадии формирования идентичности, особенно поддается влиянию радикалистских идей. Если в поисках идентичности подростки не находят отклика в школе, семье, среди друзей, они перестают ощущать почву под ногами и примыкают к радикальным религиозным группам, ища там замену семье. Экстремистские исламистские группировки дают им чувство принадлежности к чему-то «великому», к «священной войне». При этом мир гностически рассматривается только в черной и белой красках без полутонов, а потому четко структурирован и понятен им.

Постоянно готовый к насилию, религиозный экстремизм дрейфует в сторону религиозного терроризма, который представляет собой агрессивные насильственные действия против несогласных с экстремистами людей. Насилие служит достижению религиозных, политических или идеологических целей, а терроризм является средством оказания давления. Террористы обычно организуются в военизированные группировки. Среди нынешних исламистов наиболее известны ИГИЛ, «Аль-Каида», «Боко Харам». Французский политолог, арабист и признанный на международном уровне эксперт по исламу Жиль Кепель наглядно показал в книге «Божья месть: христиане, иудеи и мусульмане в наступлении» [7], что три монотеистические религии обнаруживают удивительно сходные фундаменталистские тенденции. Недавние французские, английские и немецкие исследования в значительной мере подтвердили его концепцию [8, S. 30–33; 9, S. 113–114; 10–12]. В отличие от готовых идти на социальную интеграцию умеренных мусульман, чей голос в последнее время звучит тихо, в фундаменталистских исламских общинах нагнетается экстремизм, и они формируют «параллельные социумы» [13, S. 26–27].

География террористической опасности, исходящей от исламистских общин, в Европе очень дифференцированная. Так, в Беларуси она относительно низкая по сравнению с Францией и Германией [14, S. 416–418]. Однако за последние годы реалии изменились. «Аль-Каида» и ИГИЛ создали всемирную сеть террористических организаций, от проникновения которой сегодня не застрахована ни одна страна [15, S. 115–117], поэтому опасность религиозного экстремизма следует расценивать как минимум амбивалентно [16]. Ислам не является структурной противоположностью светского демократического правового государства. Позиции исламистских экстремистов невозможно обобщить. Они не доминируют среди мусульман, поэтому борьба с религиозным экстремизмом не может быть направлена против ислама вообще. Взаимоотношения между государством, церквями и ре-

лигиозными сообществами более дифференцирована и диалектична, чем это может показаться на первый взгляд [17]. С одной стороны, государство, церкви и религиозные объединения преследуют в принципе одну и ту же цель – сохранение мира и свободы человека в социуме. С другой стороны, необходимо тематизировать опасность экстремизма, ищущего обоснование в религии.

Опираясь на анализ, проведенный Уве Бакесом и Экхардом Йессе [18, S. 261–268; 19, S. 298–311], можно охарактеризовать экстремистские религиозные устремления следующим образом: им присущи атакующее и оборонительное притязания на абсолютность, догматизм (признаваемые аксиоматическими и бесспорными аргументы), завышенные претензии на объяснение сущности мира и человека, окончательное решение проблем (утопизм или категоричное отвержение утопий) и специфическая для группы этика. В своей дефиниции экстремизма в сборнике текстов «Экстремизм в Германии. Формы проявления и актуальное осмысление событий», изданном Министерством внутренних дел ФРГ, Экхард Йессе подчеркивает: «Политико-религиозный фундаментализм, безусловно, играет все большую роль. Экстремисты считают себя обладателями исключительной истины, бескомпромиссно и безжалостно борются за свои цели, признаваемые ими правильными. Также им свойственна склонность к теориям заговора: собственная неудача объясняется манипуляцией темных сил... К структурным чертам экстремизма можно причислить стереотипы *друг – враг*, высокую степень идеологического догматизма и, как правило, сознание собственной миссии... Одобрение или применение насилия не являются первичной характеристикой экстремизма» [20, S. 11]. Экстремисты делят человечество на друзей и врагов, благих и злых, просветленных и заблуждающихся. Стереотип *друг – враг* подразумевает теории заговора и духовную косность. Методы достижения целей распространяются от соблюдения законов до систематического применения насилия, доходящего до терроризма при презрении к правам человека. Экстремистская организация является для ее последователей «средством существования», а их поведение характеризуется фанатизмом и повышенной активностью.

Проблемность этой дефиниции заключается в универсальности характеристик, не дающих возможности отграничить экстремизм от экстремистских элементов, таких как догматизм и более или менее нетерпимое отношение к инакововерующим, которые могут проявляться в совершенно неэкстремистских религиозных группах. Особенно экстремистски мотивирующими являются дуалистические представления о борьбе света и тьмы, которые

прочно обосновались в некоторых религиозных текстах и перебрасывают мостик к экстремистским представлениям. Спасение для избранных и гибель для врагов истинной веры относятся к репертуару фундаменталистской религиозной риторики.

Амбивалентный потенциал религии (в плане интеграции и дезинтеграции) обуславливает вопрос о соотношении религии и экстремизма: при каких условиях интегрирующее качество религии, противоположное экстремизму, выдвигается на передний план? Видимо, это происходит, когда экстремистское понимается как трансцендентное, т. е. потустороннее нашему миру. Акцентирование различности трансцендентного и имманентного делает религию интегрирующим и конструктивным феноменом нашей жизни, поэтому нелогично заикливаться на вытеснении религии в сферу частной жизни и препятствовать ее доступу в политическую сферу. Скорее, требуется развивать

конструктивные отношения между религией и политикой, чтобы обе эти сферы человеческой жизни при всей их значительной степени автономности друг от друга пребывали в контакте. Это означает признание религией и политикой взаимозависимости и обоюдных ограничений. Несмотря на то что религия и политика соотносятся друг с другом, между ними должна сохраняться дистанция. Демаркация между обеими сферами может быть лишь результатом постоянного договорного процесса. Разделительную линию между ними невозможно жестко раз и навсегда провести без провоцирующего идеологизирования. Договорной процесс означает отказ от претензий на стабильность позиций. Границу между религией и политикой приходится в каждом конкретном случае проводить по-новому. Проявление гибкости в этом договорном процессе достигается нелегко, но является средством против религиозно-мотивированного экстремизма.

Библиографические ссылки

1. Luhmann N. Klassische Theorie der Macht – Kritik ihrer Prämissen. *Zeitschrift für Politik*. 1969;16:149–170.
2. Arendt H. *Macht und Gewalt*. München: Piper; 1970. 144 S.
3. Vidal D, Tarabout G, Meyer E. On the Concept of Violence and Non-violence in Hinduism and Indian Society. *South Asia Research*. 1994;14(2):196–213.
4. Hashmi SH. International Society and its Islamic Malcontents. *The Fletcher Forum of World Affairs*. 1996;20:13–29.
5. Wénin A. *La bible ou la violence surmontée*. Paris: Desclée de Brouwer; 2008. 253 p.
6. Funke M. Extremismus und Offene Gesellschaft. In: *Extremismus im demokratischen Rechtsstaat*. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung; 1978. S. 15–46.
7. Kepel G. *La Revanche de Dieu. Chrétiens, juifs et musulmans à la reconquête du monde*. Paris: Le Seuil; 1991. 289 p.
8. Sacksofsky U. Religiöse Freiheit als Gefahr? *Veröffentlichungen der Vereinigung der Deutschen Staatsrechtslehrer*. 2009;68:9–46.
9. Gärtner B. *Der religionsrechtliche Status islamischer und islamistischer Gemeinschaften*. Wien, New York: Springer; 2011. 608 S.
10. Roy O. *L'islam mondialisé*. Paris: Seuil; 2002. 209 p.
11. Roy O. *La sainte ignorance. Le temps de la religion sans culture*. Paris: Seuil; 2008. 279 p.
12. Armstrong K. *The Battle for God: Fundamentalism in Judaism, Christianity and Islam*. London: Harper Collins Publishers Ltd; 2000. 480 p.
13. Rohe M. Islam und säkularer Rechtsstaat: Grundlagen und gesellschaftlicher Diskurs. *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2011;13–14:21–27.
14. Halm D. Zahl und Struktur der islamischen Religionsbediensteten. *Islamisches Gemeindeleben in Deutschland. Im Auftrag der Deutschen Islamkonferenz. Forschungsbericht 13*. Nürnberg: Bundesamt für Migration und Flüchtlinge; 2012. S. 416–420.
15. Kippenberg HG. Muslimische Kontroversen über die Rechtmässigkeit von Gewalt im Medium des Genres Fatwa. *Machtfaktor Religion. Formen religiöser Einflussnahme auf Politik und Gesellschaft*. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag; 2012. S. 103–126.
16. Kepel G. *Jihad. Expansion et déclin de l'islamisme*. Paris: Gallimard; 2000. 454 p.
17. Gabriel K. Phänomene öffentlicher Religion in Europa. *Religion und Öffentlichkeit. Probleme und Perspektiven*. Stuttgart: W. Kohlhammer; 2009. S. 11–26.
18. Backes U, Jesse E. *Politischer Extremismus in der Bundesrepublik Deutschland*. Berlin: Bundeszentrale für Politische Bildung; 1996. 543 S.
19. Backes U. *Extremismus in demokratischen Verfassungsstaaten*. Opladen: Westdeutscher Verlag; 1989. 385 S.
20. Jesse E. Formen des politischen Extremismus. *Extremismus in Deutschland. Erscheinungsformen und aktuelle Bestandsaufnahme*. Berlin: Bundesministerium des Intern; 2004. S. 7–24.

References

1. Luhmann N. Klassische Theorie der Macht – Kritik ihrer Prämissen. *Zeitschrift für Politik*. 1969;16:149–170. German.
2. Arendt H. *Macht und Gewalt*. München: Piper; 1970. 144 S. German.
3. Vidal D, Tarabout G, Meyer E. On the Concept of Violence and Non-violence in Hinduism and Indian Society. *South Asia Research*. 1994;14(2):196–213.
4. Hashmi SH. International Society and its Islamic Malcontents. *The Fletcher Forum of World Affairs*. 1996;20:13–29.
5. Wénin A. *La bible ou la violence surmontée*. Paris: Desclée de Brouwer; 2008. 253 p. French.

6. Funke M. Extremismus und Offene Gesellschaft. In: *Extremismus im demokratischen Rechtsstaat*. Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung; 1978. S. 15–46. German.
7. Kepel G. *La Revanche de Dieu. Chrétiens, juifs et musulmans à la reconquête du monde*. Paris: Le Seuil; 1991. 289 p. French.
8. Sacksofsky U. Religiöse Freiheit als Gefahr? *Veröffentlichungen der Vereinigung der Deutschen Staatsrechtslehrer*. 2009;68:9–46.
9. Gärtner B. *Der religionsrechtliche Status islamischer und islamistischer Gemeinschaften*. Wien, New York: Springer; 2011. 608 S. German.
10. Roy O. *L'islam mondialisé*. Paris: Seuil; 2002. 209 p. French.
11. Roy O. *La sainte ignorance. Le temps de la religion sans culture*. Paris: Seuil; 2008. 279 p. French.
12. Armstrong K. *The Battle for God: Fundamentalism in Judaism, Christianity and Islam*. London: Harper Collins Publishers Ltd; 2000. 480 p.
13. Rohe M. Islam und säkularer Rechtsstaat: Grundlagen und gesellschaftlicher Diskurs. *Aus Politik und Zeitgeschichte*. 2011;13–14:21–27. German.
14. Halm D. Zahl und Struktur der islamischen Religionsbediensteten. *Islamisches Gemeindeleben in Deutschland. Im Auftrag der Deutschen Islamkonferenz. Forschungsbericht 13*. Nürnberg: Bundesamt für Migration und Flüchtlinge; 2012. S. 416–420. German.
15. Kippenberg HG. Muslimische Kontroversen über die Rechtmässigkeit von Gewalt im Medium des Genres Fatwa. *Machtfaktor Religion. Formen religiöser Einflussnahme auf Politik und Gesellschaft*. Köln, Weimar, Wien: Böhlau Verlag; 2012. S. 103–126. German.
16. Kepel G. *Jihad. Expansion et déclin de l'islamisme*. Paris: Gallimard; 2000. 454 p. French.
17. Gabriel K. Phänomene öffentlicher Religion in Europa. *Religion und Öffentlichkeit. Probleme und Perspektiven*. Stuttgart: W. Kohlhammer; 2009. S. 11–26. German.
18. Backes U, Jesse E. *Politischer Extremismus in der Bundesrepublik Deutschland*. Berlin: Bundeszentrale für Politische Bildung; 1996. 543 S. German.
19. Backes U. *Extremismus in demokratischen Verfassungsstaaten*. Opladen: Westdeutscher Verlag; 1989. 385 S. German.
20. Jesse E. Formen des politischen Extremismus. *Extremismus in Deutschland. Erscheinungsformen und aktuelle Bestandsaufnahme*. Berlin: Bundesministerium des Intern; 2004. S. 7–24. German.

Статья поступила в редколлегию 30.07.2018.
Received by editorial board 30.07.2018.

УДК 303.1

К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ»

В. А. МАРТИНОВИЧ¹⁾

¹⁾Минская духовная академия, ул. Зыбицкая, 27, 220050, г. Минск, Беларусь

Анализируются основные проблемы определения понятия «религиозный экстремизм». Краткое описание истории поисков понятийной ясности в этой области показывает отсутствие согласованного мнения среди ученых по данному вопросу, сохраняющуюся неопределенность понятия, связываемого с термином «религиозный экстремизм», разрозненность подходов и некоторую периферийность темы для системы социологического знания. Исследуется проблема субъекта и потенциала религиозного экстремизма. Выявляется тип религиозных организаций, для которых наиболее характерен данный потенциал. В русле проблематики разрыва между экстремистскими идеями и их реализацией вскрывается существенное отличие светских и религиозных форм экстремизма. Проясняется проблематика крайних действий в исполнении религиозных экстремистов. Проводится граница между религиозным экстремизмом и иными формами религиозной девиации, такими как религиозный фундаментализм, религиозный радикализм, религиозный терроризм и религиозный фанатизм.

Ключевые слова: религиозный экстремизм; религиозный фундаментализм; религиозный терроризм; религиозный фанатизм; религиозно-мотивированное преступление.

TO THE PROBLEM OF DEFINING THE CONCEPT OF «RELIGIOUS EXTREMISM»

V. A. MARTINOVICH^a

^aMinsk Spiritual Academy, 27 Zybickaja Street, Minsk 220050, Belarus

This article is devoted to the analysis of the main problems of defining the concept of «religious extremism». A short description of the history of the search for conceptual clarity in this area shows the lack of a consensus among scientists on this issue, the continuing uncertainty of the concept associated with the term «religious extremism», the disjointed approaches and certain marginality of the topic for the system of sociological knowledge. The problems of the subject and the potential of religious extremism are examined. The type of religious organizations for which this potential is characteristic is revealed. In line with the problematic of the gap between extremist ideas and their implementation, a significant difference between secular and religious forms of extremism is revealed. The problem of extreme actions in the performance of religious extremists is clarified. The difference between religious extremism and such other forms of religious deviation as religious fundamentalism, religious radicalism, religious terrorism and religious fanaticisms is described.

Key words: religious extremism; religious fundamentalism; religious terrorism; religious fanaticism; religiously-motivated crime.

Введение

Несмотря на активное использование термина «религиозный экстремизм» в общественном дискурсе разных стран мира, в науке он не под-

вергался фундаментальной теоретической проработке. Большинство ученых используют его для маркировки тех или иных групп, но не погружа-

Образец цитирования:

Мартинович ВА. К проблеме определения понятия «религиозный экстремизм». *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2018;3:74–82.

For citation:

Martinovich VA. To the problem of defining the concept of «religious extremism». *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2018;3:74–82. Russian.

Автор:

Владимир Александрович Мартинович – доктор теологии, кандидат социологических наук; заведующий кафедрой апологетики.

Author:

Vladimir A. Martinovich, doctor of theology, PhD (sociology); head of the department of apologetics.
nrmsect@yandex.ru

ются в прояснение связываемых с ним понятий. Формулировки характеристик экстремистских организаций в законодательстве и документах органов исполнительной власти разных стран мира оторваны от научных исследований и недостаточно обоснованы. Экспертные сообщества опираются на разные критерии и методики идентификации организаций и текстов в качестве экстремистских, делают по одним и тем же группам и текстам противоположные заключения. Тема ре-

лигиозного экстремизма политизирована, а ситуация в целом порождает достаточно серьезную путаницу: содержательное наполнение понятия не имеет четких границ, смешивается с целым рядом определений иных терминов, обозначающих родственные, но не идентичные явления. Настоящая статья посвящена вскрытию некоторых проблем, возникающих при определении понятия «религиозный экстремизм», и не претендует на полноту анализа темы.

Краткая история определения понятия

Термин «экстремизм» (от лат. *extremus* – крайний) имеет долгую историю, исследование которой не является целью данной статьи. Отметим только, что он восходит к полемике между католиками и протестантами XVI–XVII столетий, в которой оппоненты именовали друг друга экстремистами [1, р. 68–69]. При этом первым начал его употреблять епископ Винчестера С. Гардинер в 1546 г. [2]. Несмотря на то что термин «экстремизм» не являлся частью понятийного аппарата богословия, использовался он религиозными группами исключительно в отношении иных религиозных групп. В XIX столетии не без влияния процесса секуляризации он был дополнен определением «религиозный», которое до того момента подразумевалось, но в силу некоторой своей очевидности не употреблялось. Вместе с тем термин «религиозный экстремизм» начал приобретать современное значение особого явления религиозной жизни, не сводимого к иным формам экстремизма.

К числу первых социологов, затрагивавших тему религиозного экстремизма, можно отнести М. Липсета с его работой «Политический человек: социальные основания политики» (1960). Ученый не дает определения понятию «экстремизм» и анализирует преимущественно его нерелигиозные формы, к числу которых относит коммунизм и фашизм. В то же время в работе встречается термин «религиозный экстремизм», основной формой проявления которого называются секты [3, с. 126–130]. Интересно, что, по Липсету, важнейшая функция религиозного экстремизма состоит в ослаблении «революционного и экстремистского политического потенциала» населения. Ученый отмечает: «...религия, особенно в форме сект, служила функциональной альтернативой политическому экстремизму...» [3, с. 46]. Питательную почву для зарождения экстремистских движений, партий и идеологий любой направленности М. Липсет видит в низком уровне доходов и образования населения, отсутствии перспектив улучшения материального положения, а также в изоляции отдельных людей и групп лиц с соответствующими данными. По мнению М. Липсета, экстремистскими могут быть не только малые группы, но и доминирующие

в обществе организации, крупные политические партии.

В 1967 г. Дж. Ванеко одним из первых предпринял попытку операционализации понятия «религиозный экстремизм» [4]. Ученый видел в религиозном экстремизме одно из 12 основных измерений религиозного поведения человека, разные степени проявления которого могут быть зафиксированы в границах двух основных переменных: а) способности верующего человека проводить различие между важными и второстепенными элементами вероучения религиозной организации; б) характере и степени интенсивности отвержения им других религиозных организаций.

Начиная с середины 1970-х гг. в Европе и США участилось использование термина «религиозный экстремизм» в общественном дискурсе в контексте полемики с сектами и культами. Последние приводились в качестве характерного примера религиозных экстремистских организаций, в доказательство перечислялись многочисленные случаи их крайне негативного отношения к обществу, а порой и криминальных действий в отношении собственных членов и окружающих. Термин «религиозный экстремизм» в такой степени вошел в обиход в среде антикультового движения, что был включен в наименования организаций по борьбе с сектами, например «Родительский комитет по оказанию помощи против душевной зависимости и религиозного экстремизма» (Мюнхен, Германия, 1975 г.), «Бывшие члены экстремистских религиозных групп» (EMERG) (Лондон, Великобритания, 1980 г.) и др. В употребление вводятся такие термины, как «экстремистские культы» и «экстремистские секты» [5], а соответствующая терминология сохраняется вплоть до настоящего времени. Однако серьезной теоретической проработки термин «религиозный экстремизм» в антикультовом движении не получил. В то же время он активно использовался применительно к сектам и на территории СССР [6].

В 1983 г. Ч. Либман предложил различать *религиозный экстремизм как набор характеристик*, которые могут поддерживаться организациями и частными лицами, и *религиозный экстремизм как*

процесс наращивания или умаления данных характеристик [7]. Ученый выделил ряд существенных составляющих экстремизма: а) стремление распространить на все сферы жизни общества и личную жизнь населения строгое и максимально детализированное исполнение религиозных законов и предписаний; б) социальная изоляция субъекта религиозного экстремизма; в) отвержение субъектом религиозного экстремизма тех форм и явлений культуры, которые представляются чуждыми его религиозной традиции. Либман справедливо полагал, что религиозный экстремизм разрушителен для самого этого течения и общества, но любая принимаемая им форма организации тормозит и заглушает его проявления, не дает достигнуть поставленных целей. Исследуя иудаизм в Израиле, Ч. Либман пришел к выводу о том, что религиозный экстремизм является нормой и обыденным явлением для любой религиозной организации и в объяснениях не нуждается. Однако особого внимания и интерпретаций, по мнению ученого, требует иногда наблюдаемое отсутствие религиозного экстремизма в некоторых религиозных сообществах. При этом из его же характеристик экстремизма логически вытекает тезис о том, что во времена глубокой интеграции религии со всеми существующими социальными институтами религиозного экстремизма не было. Появился он лишь как защитная реакция на процессы секуляризации общества и маргинализации религиозных групп. Соответственно, чем в большей степени государство и общество будут дистанцироваться от религии во всем многообразии форм ее проявления, тем с большими проявлениями религиозного экстремизма они будут сталкиваться.

Интересен тот факт, что в рамках крупнейшего в современной истории научно-исследовательского проекта изучения фундаментализма и пограничных явлений («Фундаменталистский проект» Чикагского университета, США) религиозный экстремизм практически не артикулируется в качестве сколько-нибудь значимого понятия. Только в программной статье научных руководителей и кураторов проекта религиозный фундаментализм кратко полагается «чистой формой» религиозного экстремизма [8]. При этом не уточняются иные составляющие религиозного экстремизма, а стороннему исследователю предоставляется возможность самостоятельно решить, можно ли на основании одного этого замечания относить все материалы обширного пятитомного издания (результаты проекта) к религиозному экстремизму как родовому понятию по отношению к религиозному фундаментализму.

К числу исследователей, настаивавших на несостоятельности терминов «экстремизм» и «фундаментализм», относится Л. Ианнаконе. В 1992–1999 гг. ученый опубликовал серию статей [9; 10], в которых корректно указал, что эти термины

активно используются в политических баталиях представителями противостоящих друг другу партий и идеологических течений, что способствует их размыванию и ставит вопрос об их состоятельности и применимости в науке в целом. Вместе с тем, по мнению ученого, слабая обоснованность терминов не отменяет факта существования воинственных религиозных групп, поддерживающих высокий уровень напряжения в социокультурной среде. Ианнаконе полагает, что эти группы имеют преимущественно религиозный характер и корректнее их именовать сектами, или экстремистскими сектами. Ученый утверждает, что существующие исследования сектантства в большей степени могут прояснить специфику этих групп, чем теоретические работы по экстремизму. Интересно также замечание Л. Ианнаконе о том, что плодотворной почвой для возникновения и развития религиозного экстремизма служит отсутствие в обществе свободы вероисповедания.

В 2004 г. Д. Канетти-Низим отмечала, что формами религиозного экстремизма являются подавление религиозными группами прав иных религий и светских сообществ, организация насилия в их отношении, и писала о существовании «индустриального экстремизма» и «еврейского экстремизма» [11, р. 41].

Исследователь Р. Прус в 2005 г. определил религиозный экстремизм как интенсивное чувство идеологической одержимости, сопровождающееся целенаправленной и постоянно поддерживаемой системой действий, выражающих приверженность людей (либо одного человека) к конкретной системе верований [12]. При этом сам факт фанатичной приверженности человека любой идее, вне зависимости от ее содержания, привносит религиозную составляющую в этот процесс, что позволяет отнести человека или группу лиц к числу религиозных экстремистов. При таком достаточно популярном в современной западной науке расширительном толковании понятия «религия» к числу религиозных экстремистов могут относиться ярые приверженцы любых, в том числе государственных, идеологий, наиболее радикальные спортивные болельщики, страстные коллекционеры и все люди, сверх меры увлеченные какой-либо темой или идеей. Понятие нерелигиозного экстремизма при таком подходе отпадает за ненадобностью.

«Энциклопедический словарь социологии религии» 2017 г. определяет религиозный экстремизм как «приверженность к крайним мерам в сфере религиозных отношений» и рассматривает его в двух основных формах: а) внутренней (способ бытования религиозной традиции); б) внешней, ориентированной на общество со стороны религиозной организации [13, с. 493–494].

История определений исследуемого феномена не отличается связностью и логической последовательностью. Она выглядит как набор разрозненных

и несогласованных попыток разных авторов представить свои взгляды на заданную тему. При этом основная масса исследований, опускаемых в дан-

ном кратком обзоре, не дает определений термину «религиозный экстремизм». В науке отсутствует консенсус относительно его значения.

Проблематика субъекта религиозного экстремизма

Существующие классификации религиозных организаций не обладают достаточным эвристическим потенциалом для прояснения проблематики субъекта религиозного экстремизма. В своих теориях Дж. Ванеко и Ч. Либман косвенно обращали на это внимание. Религиозные экстремисты достаточно часто идентифицируются с каким-то одним типом религиозных организаций, например сектами. Однако такое уравнивание некорректно, так как, с одной стороны, существует большое количество примеров неконтролируемых проявлений экстремизма в традиционных религиях, например в исламе и христианстве, а с другой стороны, какие бы определения религиозного экстремизма ни брались за основу, всегда найдется значительное количество не подпадающих под него сект и культов. Иначе говоря, религиозный экстремизм может существовать в границах разных типов религиозных организаций.

В качестве субъекта религиозного экстремизма могут также выступать не только организации, но и отдельные верующие люди. Логическая необходимость их существования обусловлена широким распространением в обществе неинституализированных форм религиозности, представленных, помимо прочего, глубоко религиозными людьми, не посещающими никаких религиозных сообществ. Религиозные экстремисты – одиночки встречаются намного реже, чем совершающие религиозно-мотивированные преступления люди, с которыми их постоянно путают (более подробно о них будет сказано ниже). Характерным маркером таких экстремистов является наличие заимствованного либо самостоятельно разработанного религиозного учения, а также стремление любыми путями подчинить ему все общество. Объект их устремлений не отдельные группы лиц или институты, а весь социум. В архиве автора собраны несколько десятков примеров таких активистов с претензиями на мировое теократическое господство, действовавших в Бела-

руси. В большинстве случаев им просто не хватает сил, средств и способностей даже для заметного начала претворения в жизнь своих теоретических разработок. Однако в тех случаях, когда такие люди все же переходят к насильственным действиям, их также можно отнести к числу религиозных экстремистов.

Таким образом, в качестве субъекта религиозного экстремизма могут выступать религиозные организации и верующие люди. При этом не всякая организация, вовлеченная в экстремистскую деятельность, может быть квалифицирована в качестве экстремистской религиозной организации. Дело в том, что экстремистская деятельность может быть локализована на уровне одной или нескольких религиозных общин, не оказывающих влияния на жизнь крупных религиозных организаций. Так, например, какая-то церковь может иметь 30 тыс. общин во всем мире, из которых только 20 (0,07 %) будут вовлечены в экстремизм. По мнению автора, к числу экстремистских религиозных организаций можно относить только те сообщества, для которых осуществление экстремистской деятельности является доминирующей формой работы, охватывающей большую часть всех структурных подразделений организации.

Означенная специфика субъекта религиозного экстремизма приводит к тому, что религиозный экстремизм может иметь достаточно широкое распространение в обществе даже в тех случаях, когда в нем не действует ни одной экстремистской религиозной организации. С другой стороны, существование большого количества экстремистских религиозных групп не свидетельствует автоматически о широком распространении религиозного экстремизма. При этом наличие или отсутствие официальной регистрации в качестве религиозной организации не будет играть существенной роли в зарождении и развитии в ее структуре религиозного экстремизма.

Потенциал религиозного экстремизма

В 1975 г. Р. Уоллис предположил, что все типы религиозных организаций придерживаются одной из двух «парадигм истинности»:

а) плюралистической, допускающей возможность проявления истины во множестве разных форм в любых религиозных организациях (культы и деноминации);

б) индивидуалистической, базирующейся на представлении о существовании единственной и непо-

вторимой истины в рамках своей собственной организации (секты и церкви) [14].

Ученый не касался проблематики экстремизма, а привязка типа организации к конкретной «парадигме истинности» представляется некорректной. Тем не менее само выделение плюралистической и индивидуалистической парадигм может быть эффективно использовано при анализе феномена религиозного экстремизма.

Несколько упрощая картину конфессионального пространства, можно отметить, что индивидуалистическая парадигма доминировала в обществе до начала XX столетия и была представлена христианством, иудаизмом и исламом в странах Запада, Ближнего Востока, Северной и Южной Америки. Плюралистическая парадигма разделялась преимущественно в границах индуизма, буддизма и даосизма в странах Азии. С начала XX столетия плюралистическая парадигма стала активнее распространяться и в странах Запада, чему способствовали широкое принятие заложенных в эпоху Просвещения принципов свободы вероисповедания, взаимопроникновение культур и ряд иных факторов.

В рамках исследуемой темы принципиальное значение имеет лишь содержательное наполнение индивидуалистической парадигмы. Оно включает в себя не только веру в уникальность и абсолютную истинность вероучения организации, но также императив к его распространению во всем мире, обращению в веру всех людей, включая членов иных религиозных организаций, стремление к подчинению всех институтов и сфер жизни общества. В разных религиозных организациях парадигма формулируется с опорой на разные системы обоснования, которые, как правило, не сводимы к одному вероучительному постулату. Отсутствие релятивизма в отношении собственной веры является внутренней нормой религиозной жизни как традиционных, так и нетрадиционных религиозных сообществ, придерживающихся данной парадигмы. Эта норма культивирует крайность в контексте существующей системы нормативов общества. Она не признает основную массу иных норм, особенно сформированных в нерелигиозном ключе. По своей сути индивидуалистская парадигма формирует платформу, потенциал религиозного экстремизма, которые отсутствуют в организациях с плюралистической парадигмой истинности. Несмотря на отсутствие проявлений религиозного экстремизма в группах плюралистической парадигмы, в них вполне могут иметь место иные формы религиозной девиации. Таким образом, установление принадлежности религиозной организации к определенному типу парадигмы автоматически позволяет констатировать наличие в ней потенциала религиозного экстремизма. Однако в XX столетии решение данной задачи затрудняется как в плане географии распространения этих парадигм, так и в отношении их основных представителей. Ослабевает жесткая взаимосвязь между принадлежностью к религиозной организации и необходимостью безоговорочного принятия изначально заданного в ней типа парадигмы. Появляются христианские группы, придерживающиеся плюралистической парадигмы, и индуистские сообщества, разделяющие индивидуалистическую парадигму

истинности. Более того, в рамках одних и тех же конфессий возникают движения и локальные инициативы на уровне отдельных священнослужителей и религиозных общин, придерживающихся отличной от доминирующей парадигмы (например, в границах плюралистически ориентированной конфессии выделяются несколько индивидуалистически ориентированных общин или наоборот). В 1979 г. П. Бергер отмечал, что в XX столетии религиозная вера стала делом личного выбора человека [15]. Можно только добавить, что в это время человек, даже сделав свой выбор, продолжает конструировать веру в подходящей для него конфигурации, проживает ее по-своему, меняет и убирает в ней значимые элементы, к числу которых относится и доминирующая в конфессии парадигма истинности.

В этом контексте замечание К. Либмана требует корректировки: религиозный экстремизм сам по себе не является нормой для всех религиозных организаций. Однако в тех из них, которые опираются на индивидуалистическую парадигму, присутствует потенциал религиозного экстремизма. При этом следует помнить, что объектом исследования К. Либмана было не все конфессиональное пространство, а группы индивидуалистической парадигмы.

В случае с религиозными организациями потенциал религиозного экстремизма сам по себе еще не является каким-то преступлением и не позволяет прогнозировать его реализацию в виде конкретных экстремистских действий. Верующие, осознавая уникальность, неповторимость и полное превосходство собственной веры, работают над основным ее императивом – личным духовным ростом. Доминирующая ориентация на работу над собой не отменяет также значимый посыл к преобразованию всего общества, но оказывает существенное влияние на смягчение формы его реализации. Достаточно жесткая риторика по обращению всего мира в определенную религию размывается на фоне активной работы человека над улучшением самого себя и своего отношения к окружающим. В результате, несмотря на очевидно присутствующий потенциал религиозного экстремизма, в подавляющем большинстве случаев он не получает выражения в негативных действиях. Зачастую имеет место обратное: рядовые верующие уважительно относятся к представителям иных вер и не прибегают к насилию в процессе миссионерской работы в обществе.

Для нерелигиозных форм экстремизма нехарактерен столь сильный разрыв между их идейной платформой и ее реализацией на практике. В светской среде отсутствует сопоставимое число сообществ, убежденных в абсолютной, непрекращаемой истинности и универсальной значимости своей политической или иной программы по полному подчинению всего общества, которые на протяже-

нии столетий или хотя бы нескольких десятилетий постоянно призывали бы своих членов к ее реализации, но не скатывались при этом к противоправным экстремистским действиям. В светской среде появление и распространение экстремистских текстов, призывов и лозунгов быстрее приводит к их реализации в экстремистских практиках, чем в религиозных организациях. Так, например, призывы к убийству всех, поклоняющихся иным богам и занимающихся магией, содержащиеся в Библии (см. Исх. 22:20, Лев. 20:27, Чис. 25:5, Втор. 13:9 и др.), не дают повода для совершения правонарушений нескольким миллиардам христиан, мусульман и иудеев, признающих Ветхий Завет. Аналогичные призывы к убийству представителей иных групп не имеют в светской среде столь широкого распространения. Однако при их появлении в сопоставимых по значимости текстах, признаваемых в качестве высокоавторитетных такими же массами населения, они намного быстрее, чем в религиозной среде, получили бы какую-то реализацию.

Крайние действия в религиозном экстремизме

Элемент «крайние действия» чаще всего используется в определениях религиозного экстремизма, но очень редко при этом проясняется его сущность. Перечень действий, квалифицируемых в качестве экстремистских, присутствует в Законе Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З «О противодействии экстремизму» и Законе Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Однако эти перечни размыывают границы понятия «экстремизм», включают в себя не имеющие отношения к экстремизму в целом и религиозному экстремизму в частности компоненты иных типов девиации (например, осуществление террористической деятельности), содержат нормы религиозной жизни традиционных для Беларуси и России конфессий (например, пропаганда религиозной исключительности, лежащая в основании организаций, опирающихся на индивидуалистскую парадигму истинности).

Сложность определения крайних действий состоит в следующем. Во-первых, арсенал форм и направлений деятельности религиозных экстремистов не ограничивается противоправными действиями и включает в себя потенциально неограниченное количество методов работы, в том числе

Разрыв между идейной базой экстремизма и ее осуществлением на практике должен стать предметом пристального внимания ученых, и его необходимо учитывать при оценке текстов на предмет наличия в них экстремизма. Так, обнаружение в светских и религиозных текстах содержательно сопоставимых по ряду параметров элементов экстремизма должно иметь разное значение в силу принципиальной разности контекстов бытования и последствий от изучения населением этих одинаковых по степени жесткости и радикальности текстов. Анализ факторов как сдерживающих переход потенциала религиозного экстремизма к практической реализации, так и форсирующих насильственные действия важен также для разрешения вопроса генезиса религиозного экстремизма. Можно предположить, что проявления религиозного экстремизма зависят как от внутренней ситуации в религиозной организации, так и от специфики социокультурной, политической, экономической и религиозной обстановки в конкретном обществе в заданный период.

укладывающихся в систему признанных норм общества. Во-вторых, никакие крайние действия, взятые вне контекста их совершения, не являются сами по себе экстремистскими. Так, убийство политика либо взрыв бомбы в многолюдном месте могут встречаться во всех типах религиозной девиации, но могут и не иметь никакого отношения к ним. Для квалификации действия в качестве экстремистского имеет значение не только степень его тяжести, но и прежде всего система ценностей, на которую опираются его исполнители, связываемые с ним цели и задачи, его место и роль как в контексте иных действий правонарушителя, так и в существующей системе нормативов общества. Важна также совокупность вызываемых преступлением немедленных и отсроченных эффектов в обществе.

Таким образом, крайние действия – важный, но сам по себе недостаточный компонент определения религиозного экстремизма. Для их осуществления именно в экстремистском ключе необходим определенный идейный контекст, задаваемый описанным ранее потенциалом экстремизма в виде определенного набора религиозных идей, учений или концепций, а также несводимость к ситуативным факторам и мотивам.

Многообразие религиозных форм девиации

Понимание границ феномена религиозного экстремизма неизбежно предполагает прояснение иных форм отклоняющегося группового поведения, которые можно разделить в зависимости от

доминирующей внутренней или внешней ориентации на следующие разновидности:

а) религиозный экстремизм (ориентация на общество в целом);

б) религиозный радикализм (ориентация на отдельные институты общества);

в) религиозный терроризм (ориентация на политическую систему общества);

г) религиозный фундаментализм (ориентация на религиозную организацию – субъект девиации);

д) религиозный фанатизм (ориентация на отдельных верующих).

Религиозный экстремизм – приверженность религиозных организаций или верующих крайним действиям, направленным на гомогенизацию всего общества в соответствии с набором религиозных идей, учений или концепций. О религиозном экстремизме можно говорить в тех случаях, когда его потенциал, присутствующий в религиозной группе, находит полноту своего проявления в недопустимых с позиций нормативной базы общества формах и методах. При этом акты насилия и жестокости будут являться не самоцелью, а частью какого-то более или менее продуманного плана по кардинальному изменению всего общества.

Так, например, религиозная организация может верить в необходимость захвата власти в обществе и передачи ее инопланетянам, а также в важность переустройства всего общества в соответствии с их указаниями (например, уничтожение системы образования, связанное с тем, что все необходимые знания человек якобы будет напрямую получать из космоса при рождении, и т. д.). Однако до тех пор, пока такая организация распространяет свое учение об НЛО мирными способами, вне зависимости от экстремистского потенциала в содержании ее учения, к религиозным экстремистским группам ее относить некорректно. Если эта группа перейдет к противоправным методам принуждения всего общества к принятию ее веры, она может быть квалифицирована в качестве религиозной экстремистской организации. Если к насилию перейдет только одна из нескольких десятков ее общин, можно будет констатировать факт экстремистской деятельности в ее структуре.

Религиозный радикализм – крайние действия религиозных организаций или отдельных верующих, нацеленные на коренное изменение одного или нескольких институтов общества в соответствии с набором религиозных идей и учений. Религиозный радикализм допускает многообразие общественных, религиозных и иных институтов общества и, в отличие от религиозного экстремизма, не стремится к гомогенизации общества. В то время как религиозный экстремизм является прерогативой организаций с индивидуалистической парадигмой истинности, религиозный радикализм имеет место преимущественно в группах с плюралистической парадигмой. Религиозный радикализм – самая продуманная, хорошо организованная и наименее девиантная форма религиозных отклонений.

Ему чужды учительные претензии на абсолютность и исключительность, не терпящие избирательного подхода к работе с внешним миром. Религиозный радикализм в конфессиональном пространстве разных стран мира встречается реже, чем религиозный экстремизм, фундаментализм и фанатизм.

Религиозный терроризм – система устрашения посредством насильственных действий, направленная на достижение определенных политических целей как средства последующего разрешения чисто религиозных вопросов. В качестве субъекта религиозного терроризма выступают религиозные организации или отдельные верующие. Никакая из парадигм истинности сама по себе не предполагает реализации целей в виде террористической деятельности. Опора на террор не характерна для религиозных организаций. Основная масса террористов лишь поверхностно знакома даже с основами веры, а их религиозная самоидентификация не сопровождается значимыми и проверяемыми показателями по всем остальным параметрам и измерениям религиозности. Совершение теракта от имени религиозной группы выступает для них лишь в качестве удобной формы прикрытия, а декларируемые политические цели являются конечными и могут дополняться еще и экономическим интересом. Соответственно, такие организации и группы лиц к числу религиозных террористов отнесены не могут.

Анализ террористических актов, совершавшихся религиозными группами, показал, что инициировать, планировать и осуществлять их могут любые приверженцы организации, в том числе ее высший руководящий состав. Однако религиозные группы практически всегда стараются оставаться в тени и не брать на себя ответственность за совершенное преступление. Предполагается, что устрашение и нужный для группы политический эффект будут достигнуты сами по себе.

Религиозный фундаментализм – приверженность действиям, направленным на претворение в жизнь религиозной организации и верующего основных идей, учений или принципов, зафиксированных в считающемся непогрешимым религиозном тексте. В отличие от религиозных экстремистов основная интенция религиозных фундаменталистов состоит в неукоснительном исполнении предписаний сакрального текста, а не в понуждении всего общества и представителей других религий к его признанию. Фундаменталисты не скрывают своего негативного отношения к нарушениям этих предписаний со стороны общества, могут попытаться повлиять на изменение отношения населения или отдельных институтов к тем или иным темам. Религиозный фундаментализм развивается преимущественно в рамках индивидуалистической парадигмы истинности, имеет несравнимо большее

распространение, но на порядок меньший уровень конфликтности, чем религиозный экстремизм. Фундаменталисты в основной своей массе избегают насилия и противоправных действий в отношении окружающих. Работа с обществом редко выходит за уровень навязчивых попыток убедить всех в значимости сакрального текста и его предписаний.

Религиозный фанатизм – крайняя приверженность человека религиозному учению и организации, сопровождающаяся нетерпимостью и агрессивным отношением к любым альтернативным взглядам. Религиозный фанатик весьма чувствителен к претензиям на абсолютность и исключительность вероучения индивидуалистической парадигмы. Однако этот тип девиации проявляется также и в организациях плюралистической парадигмы, так как в религиозном фанатизме решающее значение имеет не учение организации, а особенности его восприятия человеком. Так, например, вера в истинность всех религий может защищаться с не меньшим фанатизмом, чем вера в истинность только одного учения. Фанатики достаточно плохо понимают содержательную специфику того учения, защите которого посвящают столько энергии и сил. Направленная вовне агрессивность не нацелена на инициирование каких-либо общественных преобразований, она является, скорее, самоуверенной демонстрацией собственной инаковости, чем стремлением обратить всех в свою веру. В определенных условиях религиозный фанатизм может принимать организованные формы и самим фактом своего широкого распространения оказывать влияние на систему межрелигиозных, церковно-государственных, а порой и общественных отношений.

Религиозно-мотивированное преступление является самой распространенной формой религиозной девиации, обделенной вниманием как исследователей, так и системы права, которая помогает лучше понять границы иных типов религиозного отклоняющегося поведения. Религиозно-мотивированное преступление совершается либо для исполнения отсутствующих в реальности, но якобы существующих религиозно-ритуальных обязательств и предписаний, либо как религиозно обоснованная реакция на развивающиеся события и ситуации.

В качестве субъекта религиозно-мотивированного преступления может выступать как отдельный человек, так и религиозная организация. В первом случае преступник искаженно воспринимает учение собственной религиозной организации и вопреки всему, что в ней говорится и пишется, приходит к выводу о том, что ему нужно, например, срочно кого-то убить. Он не понимает, что в его вере нет таких предписаний, но, будучи уверенным в их реальности, совершает преступление. Многие

известные автору данной статьи уголовные преступления на религиозной почве, совершенные в Республике Беларусь, относятся именно к этому типу девиации. В качестве наглядного примера можно привести получавшие в свое время широкую огласку случаи убийства людей сатанистами – как правило, молодыми людьми, заявлявшими о совершении преступления из-за предписаний сатанизма. Однако ни в одном известном труде сатанистов нет никаких предписаний убивать людей в ритуальных или иных целях. Более того, некоторые из них, например «Сатанинская библия», содержат запрет на убийство не только человека, но и животного. Белорусские сатанисты, чаще всего руководствуясь критическими статьями о сатанизме в печатных СМИ, совершают такие правонарушения не из-за того, что исполняют религиозное предписание сатанизма, а из-за незнания того, что таких предписаний нет. Эта ситуация характерна для большинства наиболее страшных и brutальных религиозно-мотивированных преступлений, якобы санкционированных религиозными организациями: их исполнители незнакомы с основами веры, предписания которой они якобы исполняют.

Во втором случае в качестве субъекта выступает религиозная группа. Преступление совершается исключительно по причине незапланированного развития событийного ряда. Религиозное обоснование и мотивация совершаемого не укладываются ни в одно из существующих определений религиозной девиации: группа не является ни фундаменталистской, ни экстремистской, ни радикалистской по своей сути. В то же время масштабы преступления могут превосходить самые кровавые теракты. В качестве примера можно привести убийство 923 человек – членов секты «Народный храм» в 1978 г. Ситуативный характер и религиозная мотивация данного убийства очевидны как при всестороннем анализе истории, учения и культовой практики этой секты, так и при ознакомлении с аудиозаписью проповеди ее основателя, которую он читал своим готовившимся к смерти последователям в процессе массового убийства [16].

В настоящей статье не рассматривались позитивные формы религиозной девиации, так как понимание их специфики не может существенно помочь в анализе феномена религиозного экстремизма. Также оставляется за рамками статьи анализ проблемы соотношения разных типов религиозной девиации друг с другом.

Представленные определения религиозного экстремизма и иных форм религиозной девиации достаточно несложно операционализируемы для проведения конкретных социологических исследований. Вне всякого сомнения, они могут и должны уточняться по мере получения более полных сведений по проблематике религиозных форм девиации.

Библиографические ссылки

1. Backes U. *Political Extremes. A conceptual history from antiquity to the present*. London, New York: Routledge; 2010.
2. Bötticher A. Towards Academic Consensus Definitions of Radicalism and Extremism. *Perspectives on Terrorism*. 2017;11(4):73–77.
3. Липсет М. *Политический человек: социальные основания политики*. Москва: Мысль; 2016.
4. Vanecko JJ. Types of Religious Behavior and Levels of Prejudice. *Sociological Analysis*. 1967;28(3):111–122.
5. Enroth R. *Youth, brainwashing and the extremist cults*. Michigan: Zondervan; 1977.
6. Арестов ВН. *Религиозный экстремизм: содержание, причины и формы проявления, пути преодоления*. Харьков: Высшая школа; 1987.
7. Liebman CS. Extremism as a Religious Norm. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1983;22(1):75–86.
8. Marty ME, Appleby RS. An Interim Report on a Hypothetical Family. In: Marty ME, Appleby RS, editors. *Fundamentalisms Observed. The Fundamentalism Project. Vol. 1*. Chicago, London: Chicago University Press; 1991. p. 814–842.
9. Iannaccone LR. Toward an Economic Theory of «Fundamentalism». *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 1997;153(1):100–116.
10. Iannaccone LR. Religious Extremism: Origins and Consequences. *Contemporary Jewry*. 1999;20(1):8–29.
11. Canetti-Nisim D. Two Religious Meaning Systems, One Political Belief System: Religiosity, Alternative Religiosity and Political Extremism. In: Weinberg L, Pedahzur A, editors. *Religious Fundamentalism and Political Extremism*. London: Routledge; 2004. p. 35–55.
12. Prus R. Terrorism, Tyranny, and Religious Extremism as Collective Activity: Beyond the Deviant, Psychological, and Power Mystiques. *The American Sociologist*. 2005;36(1):47–74.
13. Смирнов МЮ, редактор. *Энциклопедический словарь социологии религии*. Санкт-Петербург: Платоновское философское общество; 2017.
14. Wallis R. The cult and its transformation. In: Wallis R, editor. *Sectarianism. Analyses of Religious and Non-Religious Sects*. London: Peter Owen; 1975. p. 35–49.
15. Berger PL. *The Heretical Imperative. Contemporary possibilities of religious affirmation*. New York: Anchor Press; 1980.
16. Народный храм: «Смертная запись» Q 042, 18 ноября 1978 года, Джонстаун Гайана. *Сектоведение*. 2014;4:118–134.

References

1. Backes U. *Political Extremes. A conceptual history from antiquity to the present*. London, New York: Routledge; 2010.
2. Bötticher A. Towards Academic Consensus Definitions of Radicalism and Extremism. *Perspectives on Terrorism*. 2017;11(4):73–77.
3. Lipset M. *Political Man. The Social Bases of Politics*. Baltimore, Maryland: The Johns Hopkins University Press; 1959. Russian edition: Lipset M. *Politicheskii chelovek: sotsial'nye osnovaniya politiki*. Moscow: Mysl'; 2016.
4. Vanecko JJ. Types of Religious Behavior and Levels of Prejudice. *Sociological Analysis*. 1967;28(3):111–122.
5. Enroth R. *Youth, brainwashing and the extremist cults*. Michigan: Zondervan; 1977.
6. Arestov VN. *Religiozniy ekstremizm: sodержanie, prichiny i formy proyavleniya, puti preodoleniya* [Religious Extremism: content, genesis, appearance and the way of its destruction]. Harkov: Vysshaya shkola; 1987. Russian.
7. Liebman CS. Extremism as a Religious Norm. *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1983;22(1):75–86.
8. Marty ME, Appleby RS. An Interim Report on a Hypothetical Family. In: Marty ME, Appleby RS, editors. *Fundamentalisms Observed. The Fundamentalism Project. Vol. 1*. Chicago, London: Chicago University Press; 1991. p. 814–842.
9. Iannaccone LR. Toward an Economic Theory of «Fundamentalism». *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. 1997;153(1):100–116.
10. Iannaccone LR. Religious Extremism: Origins and Consequences. *Contemporary Jewry*. 1999;20(1):8–29.
11. Canetti-Nisim D. Two Religious Meaning Systems, One Political Belief System: Religiosity, Alternative Religiosity and Political Extremism. In: Weinberg L, Pedahzur A, editors. *Religious Fundamentalism and Political Extremism*. London: Routledge; 2004. p. 35–55.
12. Prus R. Terrorism, Tyranny, and Religious Extremism as Collective Activity: Beyond the Deviant, Psychological, and Power Mystiques. *The American Sociologist*. 2005;36(1):47–74.
13. Smirnov MY, editor. *Entsiklopedicheskii slovar' sotsiologii religii* [Sociology of Religion. Dictionary]. Saint Petersburg: Platonovskoe filosofskoe obshchestvo; 2017. Russian.
14. Wallis R. The cult and its transformation. In: Wallis R, editor. *Sectarianism. Analyses of Religious and Non-Religious Sects*. London: Peter Owen; 1975. p. 35–49.
15. Berger PL. *The Heretical Imperative. Contemporary possibilities of religious affirmation*. New York: Anchor Press; 1980.
16. Narodnyi khran: «Smertnaya zapis'» Q 042, 18 noyabrya 1978 goda, Dzhonstaun Gaiana [Peoples Temple: «Death Tape» Q 042, 1978 November 18, Jonestown Gayana]. *Sektovedenie* [Sects studies journal]. 2014;4:118–134. Russian.

Статья поступила в редколлегию 08.08.2018.
Received by editorial board 08.08.2018.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ? ЭТО НОРМАЛЬНО...

Д. К. БЕЗНЮК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются причины возникновения и распространения религиозного экстремизма. Анализируются варианты объяснения соотношения религиозного экстремизма и политики. Предпринимается попытка выявления конфессиональной специфики радикализации религиозной жизни в контексте политических и экономических процессов в современном обществе. Предлагаются пути преодоления радикализации религии.

Ключевые слова: религия; политика; религиозный экстремизм; религиозный фундаментализм; радикализм; ислам; глобализация; секуляризация; национализм.

RELIGIOUS EXTREMISM? IT IS NORMAL...

D. K. BEZNIUK^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The reasons for the rise and spread of religious extremism are considered. The options for explaining the relationship between religious extremism and politics are analyzed in this article. An attempt is made to reveal the confessional specificity of the radicalization of religious life in the context of political and economic processes in modern society. The ways to overcome the radicalization of religion are proposed.

Key words: religion; policy; religious extremism; religious fundamentalism; radicalism; globalization; secularization; nationalism.

Наша религия – это наша политика,
а наша политика – наша религия.
С. Х. Модаррес¹

Переохладжаясь, мы заболеваем. Это нормально: мы имеем дело с естественным и предсказуемым следствием воздействия холода на живой организм. Все понятно и миллионы раз подтверждено практикой. Повторимся, это нормально. Не хочется быть похожим на натуралистов XIX в., но в случае с современным религиозным полем наблюдается подобная ситуация. Различные регионы мира (религиозные зоны) подвергаются влиянию масштабных, практически универсальных факто-

ров и выдают свою реакцию на них. Эти факторы задают глобальный фон, с которым необходимо считаться, отсидеться не получится – надо реагировать, действовать. Таким образом, очерчиваются две проблемы: необходимо, во-первых, установить, что это за факторы, во-вторых, определить, какова реакция на них. Указанные вопросы так или иначе присутствуют в нескольких базовых вариантах презентации религиозного экстремизма в современном аналитическом дискурсе. Рассмотрим

¹Сейед Хасан Модаррес (1870–1937) – иранский богослов, шиитский аятолла.

Образец цитирования:

Безнюк ДК. Религиозный экстремизм? Это нормально... *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;3:83–88.

For citation:

Bezniuk DK. Religious extremism? It is normal... *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;3:83–88. Russian.

Автор:

Дмитрий Константинович Безнюк – доктор социальных наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Dmitry K. Bezniuk, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
mayo-r-r@mail.ru

их в попытке представить разнообразие и многоаспектность религиозной реакции на события XX – начала XXI в.

Сразу отметим, что заявленная тема лежит в понятийном треугольнике *фундаментализм – радикализм – экстремизм*, относительно содержания которого не всегда удается достичь взаимопонимания между исследователями. Мы исходим из следующих соображений: *религиозный фундаментализм* (от лат. *fundamentum* – основание) – это установка на возврат к истокам вероучения, тяга к «чистой вере», программа зачистки религии от исторических наслоений и конъюнктуры; *религиозный радикализм* (от позднелат. *radicalis* – коренной) – ориентация на коренные религиозные и социальные преобразования, бескомпромиссная позиция в отношении оценки веры, религиозного тезиса и пр.; *религиозный экстремизм* (от лат. *extremus* – крайний, чрезмерный) – крайние формы религиозного поведения и мышления, доведение до максимума той или иной религиозной формулы. На практике радикализм и экстремизм часто употребляются как синонимичные оценки (в смысле крайности и жесткости) тому или иному действию или тезису.

Обратимся к заявленным выше способам презентации религиозного экстремизма в научных исследованиях. На наш взгляд, можно выделить три их варианта, условно обозначим их как политический, антисекулярный, цивилизационный.

Политический вариант трактовки религиозного экстремизма определяет его как инструмент политической (геополитической) борьбы в том или ином регионе. Классический пример – события в Афганистане с момента ввода туда советских войск. Движение сопротивления «советской оккупации» состояло из моджахедов, которые поднялись на священную войну против неверных и возвращались на деньги геополитического противника СССР – США и их союзников. Религиозные установки моджахедов эксплуатировались их западным союзником в сугубо политических целях. Выдавлив Советский Союз из Афганистана, США вскоре сами оказались в подобной ситуации: из рядов поддерживаемых ими исламистов вышел смертельный враг США – движение «Талибан» (пушту *طالبان* – учащиеся медресе, студенты). Возникшее в середине 1990-х гг., это движение заявило о себе как о политическом (военно-политическом) субъекте в борьбе за власть в «бесхозном» Афганистане, где после вывода советского военного контингента между моджахедами началась гражданская война. Талибы обвиняли моджахедов в предательстве идеалов ислама, в их заикливости на власти и западных деньгах, неспособности навести порядок и установить социальную справедливость, платформой которой мыслилось буквальное исполнение норм шариата. Первому лидеру талибана мулле М. Омару (бывший моджахед) удалось набрать небольшую

группу радикально настроенных студентов медресе и начать борьбу за распространение своей версии идей ислама. Материальной базой талибов выступали деньги из Саудовской Аравии и оружие из Пакистана. Религиозную санкцию на военные действия талибы получили от собрания духовенства (Кандагар, 1996 г.), которое призвало к священной войне против действующего тогда президента Афганистана Б. Раббани.

С позиций теории управляемого хаоса религиозный экстремизм – прекрасное средство дестабилизации региона с целью не допустить туда политических или экономических конкурентов при отсутствии возможности удержать этот регион за собой. Таким образом объясняется «арабская весна», которую на рубеже 2010–2011 гг. начали США, оказавшиеся в ситуации поздней Римской империи на территории Британии: страна не могла самостоятельно удержать ситуацию в Северной Африке и, боясь усиления в этом регионе китайского влияния, «дала волю» силам религиозного экстремизма. В политический бой сразу вступили наиболее влиятельные и так или иначе институционализированные организации «Ан-Нахда» (Тунис) и «Братья-мусульмане» (Египет). Правда, в отличие от движения «Талибан», их политический дебют не был долгим и «плодотворным». Однако, как и талибан, эти организации выдвигали политические программы, которые были основаны на исламе.

Еще одна вероятная причина «арабской весны» как оживления религиозного экстремизма – дестабилизация арабской дуги в борьбе за передел газотранспортной логистики на Ближнем Востоке. Здесь многочисленные религиозные группы радикального толка используются как инструмент геополитики в варианте геоэкономики. Этот сценарий многократно применялся и применяется сейчас в государствах Африки. Разделение Судана в 2011 г. на Республику Судан и Южный Судан может служить примером спайки *экономика (нефть) – религия (ислам, христианство, местные анимистические культы) – этнос (чернокожие, арабы, арабоязычающие)*. В ходе многолетних гражданских войн религиозный экстремизм, подпитывавшийся экономическими и этническими разногласиями (многие из которых достались от белых колонизаторов), сыграл свою политическую роль в качестве мобилизационного ресурса при дележе территории страны между противоборствующими группами.

В рамках политического варианта презентации религиозного экстремизма указывается, что его причины кроются в социально-политической сфере (социальное неравенство, бедность, политический хаос, бесправие, оторванность социальных элит от народа), а следствия имеют политический характер (захват власти, манипуляция сознанием, мобилизация сторонников, захват территорий, дестабилизация региона).

Второй, антисекулярный проект презентации религиозного экстремизма связан с большим исследовательским проектом западного глобализма. В силу обширности этой темы мы ограничимся рассмотрением некоторых тезисов, которые касаются непосредственно феномена религиозного экстремизма.

Глобализм и его самая распространенная версия – вестернизация – несут, помимо прочего, секуляризацию общественной (публичной) сферы и индивидуализацию личности, что для многих религий неприемлемо или, по крайней мере, проблематично. В результате секуляризации страдает традиционность как компонент культуры и устоявшегося миропорядка: религиозная норма отрывается от политического, экономического, культурного, этического и других видов социального порядка; личность выводится из общины и семьи, ей дается ресурс для самостоятельной жизненной траектории. Это относится прежде всего к регионам незападного типа, традиционной культуры, Востоку, где религиозный экстремизм выступает как идеология культурного и социально-политического протеста, отказ от форсированной глобализации, зачастую насильственной вестернизации и привнесения в аборигенную культуру чужеродных ценностей. Эту позицию давно и четко выразил аятолла Хомейни в интервью итальянской журналистке О. Фаллачи: «Вещи – это хорошая сторона Запада... Мы не боимся ни вашей науки, ни вашей техники. Мы страшимся ваших идей и ваших обычаев» (цит. по [1, с. 7]).

При таком подходе религиозный экстремизм – естественная защитная реакция (вернее, одна из возможных ее форм) верующего человека на попытку изменить его религиозный космос. И здесь важно понимать базисные установки религии, которые порождают эту реакцию. Еще М. Вебер в рамках своих идеальных типов обращал внимание на то, что разные религии воплощаются только в свойственных им носителях: каждая религия, как нормативно-ценностный комплекс, идея, идеал, обретает своего уникального адепта, отличающегося от верующих других религий. Эту ситуацию Л. Н. Гумелев понимал как разницу в формах поведения и содержании ценностных ориентиров у людей разных культур. Мы имеем в виду, что разные религии способны провоцировать разную форму реакции на секулярный натиск: одни предлагают уход в мистицизм и созерцательность, другие – стратегию приспособления, третьи – активную самооборону вплоть до террористических актов. Российский исследователь С. Филатов на примере Юго-Восточной Азии выделил четыре типа реакции на глобализацию в религиозной сфере: «...самый яркий из них – Южная Корея. <...> Страна, население которой несколько десятилетий назад

в основном состояло из буддистов и последователей традиционных культов, стала по преимуществу христианской, причем христианские церкви в общественно-политической жизни играют роль поборников демократии и гражданских свобод, совершают масштабное социальное служение. Религиозный фактор стал существенным стимулом формирования современного развитого демократического общества в Южной Корее. Радикальный разрыв с национальной традицией и полная адаптация “глобальных” ценностей в Южной Корее – явление уникальное» [2, с. 17–18].

Второй тип – Япония, которая после Второй мировой войны претерпела сильное «изменение религиозного облика». Как отмечал С. Филатов, «в последние десятилетия (особенно за истекшие двадцать лет) все формальные показатели традиционной буддийской и синтоистской религиозности резко упали. Сохранилась лишь идеологическая и культурная верность “национальной традиции”. Но, в отличие от Южной Кореи, ни христианство, ни какая-либо другая религия не пришли на смену утерянной вере. Япония на наших глазах становится одной из самых безрелигиозных стран мира» [2, с. 18].

Третий вариант реакции на глобализацию исследователь очерчивает как «сохранение традиционной религии при ее эволюции в сторону принятия глобальных норм и ценностей». Его «реализует в последние десятилетия Таиланд, где утверждение демократических норм и социально-экономический прогресс не сопровождаются ни массовой христианизацией (как в Южной Корее), ни массовым отказом от религии (как в Японии)» [2, с. 18].

Мьянма представляет четвертый тип реакции, оказывая тотальное сопротивление глобализации: «Власти Мьянмы проводят политику изоляции от окружающего мира и полицейскими мерами стремятся сохранить традиционный уклад жизни и традиционные религиозные и идеологические ценности. Однако для буддийского мира такая реакция нехарактерна, и, судя по тому, что властям Мьянмы для достижения своих целей приходится использовать чрезвычайные репрессивные меры, они не смогут устоять долго» [2, с. 18–19].

Однако Юго-Восточная Азия – лишь часть цивилизационного Востока. Обратимся опять к «арабской весне». Она прокатилась по странам, которые довольно сильно отличаются друг от друга, но роднит их принадлежность к исламскому миру (Тунис, Иордания, Ливия, Египет, Марокко, Йемен, Бахрейн, Турция, Сирия, Ирак). Социально-экономическое толкование этой протестной волны заостряет свое внимание на нескольких ее причинах.

Во-первых, такой причиной является значительный уровень бедности населения, без перспектив его преодолеть. Напомним, что поводом

для волнений послужило самосожжение бедного нелегального продавца овощей Мухаммеда Буази-зи в глухом провинциальном городке Сиди Бузиде (Тунис).

Во-вторых, протесты связаны с высоким уровнем безработицы среди молодежи и купированием ее социальных перспектив. В традиционном обществе места вверху социальной пирамиды уже распределены и закреплены за потомками элиты – классический вариант функционирования гильдейской схемы ротации элит в условиях господства неформальных (патрон-клиентских) отношений, когда главную роль играют кровное родство, землячество, единоплеменность.

В-третьих, протестная волна обусловлена высоким уровнем коррумпированности власти и институтов обеспечения социального порядка. Взятка убивает справедливость, обостряет чувство неудовлетворенности жизнью у тех, кто переживает несправедливость.

К указанным причинам следует добавить и то, что «солдатами» арабской революции стала молодежь (поколение *Twitter*), протестующая против социальной несправедливости и ищущая ее замены. Чем? И здесь на авансцену вышли религиозные фундаменталисты и радикалы со своим религиозно-политическим проектом. Они предложили собственный вариант социальной справедливости – избавление от коррумпированной и оторвавшейся от народа политической элиты, которая лишь номинально причисляла себя к мусульманам, а по сути была проводником западных светских ценностей. Как видим, главный враг – секуляризм, вестернизация, чужие ценности.

И здесь возникает вопрос: а если убрать названные социально-экономические причины, этот регион примет неэкстремистский вариант отношения к глобализации? Исследователь С. Филатов утверждает: «Действительно серьезное сопротивление глобализации оказывает большинство стран мусульманского мира. <...> Даже после определенных успехов глобализации и бесспорного социально-экономического прогресса происходит бурная реакция на модернизацию, и страны откатываются назад, возвращаясь к традиционному положению (Индонезия, Малайзия, ранее – Иран). Создается впечатление, что стоит глобализации задеть какие-то корневые, глубинные стороны жизни мусульманских обществ, как в них закипает реакция отторжения, заложенная в самом генетическом коде их культуры. <...> Вывод может быть только один: в существе мусульманского сознания и мусульманской религиозности есть нечто принципиально противоречащее глобализации, утверждаемым ей ценностям и институтам. В отличие от различных христианских вероисповеданий, буддизма, индуизма мусульманская религия

требует следования определенному образу жизни, несовместимому (или, может быть, с большим трудом совместимому) с глобалистскими представлениями...» [2, с. 19–20].

Религиозный экстремизм в исламском варианте оказался, как это ни странно звучит, нормальной реакцией на социальные изменения в силу специфики исламского вероучения и его аккультурации в данном регионе. Из этого следует, что религиозный экстремизм – крайняя форма проявления (манифестации) идентичности в тех условиях, когда другие формы уже исчерпаны или невозможны (чаще всего купированы объективными условиями – законодательством, культурными стереотипами и пр.). Религиозный экстремизм – попытка настоять на своей правоте, идентичности, на своем существовании в условиях секулярного проекта (общества потребления и либерализма), где «заниматься» религией дозволено только в очень удаленных культурных гетто (религия ведь отделена от государства и школы). А для Запада религиозный экстремизм – вариант преодоления двусмысленности существования религии в современном светском обществе: с одной стороны, мы выступаем за светскость, с другой – за традицию и культуру.

Третий и последний из предлагаемых к анализу вариантов презентации религиозного экстремизма связан с хорошо известной в социологии и истории теорией цивилизационных циклов.

События последних десятилетий свидетельствуют о переформатировании мира, изменении правил игры на «большой шахматной доске» (З. Бжезинский). Экспертное сообщество заявляет о наступлении эпохи нестабильности, в рамках которой будут формироваться и селектироваться новые правила для новой геополитической ситуации, эпохи, в которой изменяется расклад сил. Наступает время новых игроков. Постсоветская эпоха до недавнего времени ассоциировалась с двумя центрами сил – США и Евросоюзом. Сегодня же наблюдается ослабление роли Евросоюза, а новыми игроками становятся Российская Федерация и Китай. В этой ситуации нельзя списывать со счетов и исламский Восток, который можно рассматривать прежде всего как молодую цивилизацию, идущую на смену дряхлеющему постхристианскому Западу. И если Восток не может похвастаться сильной экономикой и мощной армией, то его преимуществом являются прогрессирующая рождаемость и мобильность населения (миграция на западные территории). К этому следует добавить нежелание ассимилироваться в немусульманской среде и довольно агрессивное освоение немусульманских культурных пространств. При таких исходных религиозный экстремизм становится обоюдным: для мусульман он выступает как средство экспансии, для западников – защиты (наряду

с национализмом). Во втором случае мы имеем дело с европейским неоязычеством в варианте националистических, фашизоидных, антихристианских доктрин.

Кроме того, исламский Восток в рамках религиозного экстремизма можно рассматривать как новый глобальный религиозно-политический проект социальной справедливости. Правы те, кто говорит, что с ИГИЛ нельзя справиться только военными средствами, так как исламский религиозный экстремизм – это во многом реакция на социальную несправедливость. Да, его последователи видят ее причины и пути их устранения не так, как мы, но они «против всего плохого и за все хорошее». Заметим, что въезжающих на подконтрольные территории ИГИЛ в Сирии и Ираке встречают знамя этой группировки и плакат с надписью: «Вы въезжаете на территорию социальной справедливости». Для нас это звучит дико, но для бедного, часто неграмотного крестьянина или мелкого разоряющегося ремесленника это надежда на справедливость.

Данная установка на социальную справедливость может найти поддержку и на Западе, где уже начинается пересмотр стандартов классического европейского демократического устройства с его разрывом между бедными и богатыми, всеилием СМИ, деградацией демократических процедур и национальных суверенитетов. Симптоматично, что в 2017 г. Ватикан объявил и отметил первый Всемирный день бедных (19 ноября). Не следует удивляться, что в рядах исламских экстремистов и радикалов встречаются европеоидные лица. Это нормально, это те, кто увидел в исламском проекте протестный потенциал и готов его реализовать.

На вопрос о том, почему Восток в описываемой ситуации представлен исламом, а не, скажем, конфуцианством или индуизмом, можно ответить уже приводимыми словами С. Филатова о природе ислама. Ислам – «путь меча». Скорее всего, вспоминая М. Вебера, мусульманский тип – это тип, способный на поступок, отчаянное и громкое действие. Но это гипотеза, а вот наблюдение Э. Фромма можно принять и как диагноз, и как предостережение любому религиозному проекту социальной справедливости: «Трагедия всех великих религий заключается в том, что они нарушают и извращают принципы свободы, как только становятся массовыми организациями, управляемыми религиозной бюрократией. Религиозная организация и люди, ее представляющие, в какой-то степени начинают занимать место семьи, племени и государства. Они связывают человека, вместо того чтобы оставить его свободным, и человек начинает поклоняться не Богу, но группе, которая претендует на то, чтобы говорить от его имени» [3, с. 199].

Обратимся к еще одной особенности религиозного экстремизма – его языку. Языку не терро-

ристических актов, не громких жестоких акций, а к языку в буквальном смысле этого слова. Известный российский религиовед академик Л. Н. Митрохин отмечал, что рационально объяснить «справедливость» социального неравенства в традиционных культурах не всегда возможно, и тогда люди обращаются к иррациональной схеме – религии, которая воспринимается низами общества как своя, естественная объяснительная схема (религия, по сути, есть практическое массовое сознание) (см. [4, с. 620–660]). Особенность религии как политико-идеологической схемы заключается в символическом языке, который, во-первых, понятен народу, во-вторых, абстрактен и гибок, что дает простор для ситуативных интерпретаций. Язык религиозного экстремизма способен представить социальные интересы конкретных групп и слоев в форме универсальных, общечеловеческих ценностей и послужить оболочкой для нерелигиозного по сути движения. Пластика религиозного языка позволяет это делать при определенных интеллектуальных усилиях. Вот почему религиозный фундаментализм и экстремизм такое внимание уделяют интерпретации, даже если речь идет о буквальном понимании священного текста. Это иллюстрируют, например, Гуситские войны XV в., когда рождение чешской нации и ее борьба за место в Европе против немецких и австрийских феодалов происходили в том числе и на языке религии (виды причастия, язык проповеди, роль духовенства, значимость святынь и др.).

Еще один образчик трансформации социальных проблем в религиозные с помощью языка – речь папы Урбана II с призывом к первому крестовому походу 26 ноября 1095 г., в которой он попытался голодных и агрессивных европейских пассионариев, убивавших друг друга в междоусобицах, перенаправить на Ближний Восток. Он говорил: «Народ франков... <...> Я хочу вам поведать, что привело меня в ваши пределы, какая ваша крайность и всех верных заставила меня стать пред вами. От пределов Иерусалима и из города Константинополя к нам пришла важная грамота, и прежде часто доходило до нашего слуха, что народ персидского царства, народ проклятый, чужеземный, далекий от Бога, отродье, сердце и ум которого не верит в Господа, напал на земли тех христиан, опустошил их мечом, грабежом и огнем, а жителей отвел к себе в плен или умертвил... церкви же Божии или срыл до основания, или обратил на свое богослужение. <...> Кому же может предстоять труд отомстить за то и исхитить из их рук награбленное, как не вам... Вас побуждают и призывают к подвигам предков величие и слава короля Карла Великого... и других ваших властителей... В особенности же к вам должна взывать святая гробница Спасителя и Господа нашего, которую владеют нынче нечест-

ные народы... <...> ...земля, которую вы населяете, сдавлена отовсюду морем и горными хребтами, и вследствие того она сделалась тесною при вашей многочисленности: богатствами она необильна и едва дает хлеб своим обработывателям. Отсюда происходит то, что вы друг друга кусаете и пожираете, ведете войны и наносите смертельные раны. Теперь же может прекратиться ваша ненависть, смолкнет вражда, стихнут войны и задремлет междоусобие. Предпримите путь ко Гробу святому; исторгните ту землю у нечестного народа и подчините ее себе. <...> Иерусалим – плодоноснейший перл земли, второй рай...» [5].

Современные проповедники религиозного экстремизма ориентированы в своих текстах и речах на следующие принципы: очень простая (доходчивая) аргументация; четкое определение врага и «рецепт» того, как с ним поступать; простая идея: если мне плохо, то виноват не я, а другой, который есть причина, и ее надо купировать; идея превос-

ходства своей группы (групповой нарциссизм), которое дает право безапелляционной оценки и допустимости своего действия. Вот почему религиозный экстремизм – популярный и эффективный инструмент политического протеста.

Проблема противодействия и изживания религиозного экстремизма схожа с проблемой противоборства с сектами – простого и окончательного ее решения нет и не будет. Религиозный экстремизм, как ментальная установка верующих, будет всегда, речь может идти только о минимизации числа его сторонников и ограничении их возможностей действовать. Методологической основой борьбы с религиозным экстремизмом выступают выявление и анализ причин его появления, распространения и воспроизводства; практической основой – система мероприятий по информационной, правовой, экономической, религиозной, социальной негации актуальных и потенциальных ситуаций религиозного экстремизма.

Библиографические ссылки

1. Левин ЗИ, редактор. *Фундаментализм* [статьи]. Москва: Крафт+; 2003.
2. Малашенко А, Филатов С, редакторы. *Религия и глобализация на просторах Евразии*. Москва: РОССПЭН; 2009. Совместное издание с Московским центром Карнеги.
3. Ницше Ф, Фрейд З, Фромм Э. *Сумерки богов* [сборник]. Москва: Политиздат; 1989.
4. Митрохин ЛН. *Философские проблемы религиоведения*. Санкт-Петербург: Издательство РХГА; 2008.
5. Реймский Р. Иерусалимская история [дата обращения: 05.07.2018]. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus3/Robert/text2.phtml?id=7933>.

References

1. Levin ZI, editor. *Fundamentalizm* [Fundamentalism] [articles]. Moscow: Kraft+; 2003. Russian.
2. Malashenko A, Filatov S, editors. *Religiya i globalizatsiya na prostorakh Evrazii* [Religion and globalization in the expanses of Eurasia]. Moscow: ROSSPEN; 2009. Co-editor by Carnegie Moscow Center. Russian.
3. Nietzsche F, Freud S, Fromm E. *Sumerki bogov* [Twilight of the Gods] [collection]. Moscow: Politizdat; 1989. Russian.
4. Mitrohin LN. *Filosofskie problemy religiovedeniya* [Philosophical Problems of Religious Studies]. Saint Petersburg: Publishing house of RKHGA; 2008. Russian.
5. Reimskiy R. Jerusalem history [cited 2018 July 5]. Available from: <http://www.vostlit.info/Texts/rus3/Robert/text2.phtml?id=7933>. Russian.

Статья поступила в редколлегию 05.07.2018.
Received by editorial board 05.07.2018.

ДИСКУССИЯ

DISCUSSION

УДК 316.776.2

СОЦИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛ КОММУНИКАТИВНОГО ПОЛЯ НАУЧНОГО СООБЩЕСТВА

М. Г. ВОЛНИСТАЯ¹⁾, А. К. МАМЕДОВ²⁾

¹⁾Республиканский институт высшей школы, ул. Московская, 15, 220001, г. Минск, Беларусь

²⁾Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119991, г. Москва, Россия

Представлено развернутое определение социального капитала, создаваемого в поле научных коммуникаций. Рассматривается процесс формирования социального капитала науки на этапах генезиса научного взаимодействия сообщества ученых. Анализируются формы существования социального капитала и обосновываются принципы, с помощью которых через научные коммуникации создаются необходимые условия для формирования социального капитала. Рассматриваются морально-этические, аксиологические, гносеологические аспекты и каналы научного взаимодействия в современном научном сообществе. Определены границы социальной ответственности ученого за результаты своей деятельности.

Ключевые слова: наука; научные коммуникации; социальный капитал; коммуникативные каналы; коммуникативные процессы; информационный обмен; формальная и неформальная структуры; научное сообщество.

Образец цитирования:

Волнистая МГ, Мамедов АК. Социальный капитал коммуникативного поля научного сообщества. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;3:89–95.

For citation:

Valnistaya MG, Mamedov AK. Social capital of communicative fields of the scientific community. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;3:89–95. Russian.

Авторы:

Марина Георгиевна Волнистая – кандидат социологических наук, доцент; заведующий кафедрой философии и методологии университетского образования.
Агамали Куламович Мамедов – доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии и социальных коммуникаций социологического факультета.

Authors:

Marina G. Valnistaya, PhD (sociology), docent; head of the department of philosophy and methodology of university education.
mgv22@mail.ru
Agamali K. Mamedov, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology communication systems, faculty of sociology.
akmnauka@rambler.ru

SOCIAL CAPITAL OF COMMUNICATIVE FIELDS OF THE SCIENTIFIC COMMUNITY

M. G. VALNISTAYA^a, A. K. MAMEDOV^b

^aNational Institute for Higher Education, 15 Maskoŭskaya Street, Minsk 220001, Belarus

^bLomonosov Moscow State University, 1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russia

Corresponding author: M. G. Valnistaya (mgv22@mail.ru)

The article presents an expanded definition of social capital created in the field of scientific communications. The authors consider the process of formation of the social capital of science at the stages of the genesis of the scientific interaction of the community of scientists. The article analyzes the forms of existence of social capital and justifies the principles by which necessary conditions for the formation of social capital are created through scientific communications. The moral-ethical, axiological, epistemological aspects and channels of scientific interaction in the modern scientific community are considered, the boundaries of the scientist's social responsibility for the results of his activity are determined.

Key words: science; scientific communications; social capital; communication channels; communicative processes; information exchange; formal and informal structures; scientific community.

В век «глобальной деревни» и объективных, но не ставших менее острыми глобальных и локальных противоречий, к которым привели научно-технический прогресс и информационные технологии современного социума, процессы научной коммуникации и социальное взаимодействие субъектов научного сообщества, формирующие социальный капитал цивилизации, должны реально обеспечивать решение сложнейших проблем человечества. В настоящее время активно исследуются и обсуждаются механизмы и процессы формирования социального капитала в рамках коммуникативного поля научных сообществ [1–4].

Все большее распространение получают исследования, позволяющие выявить и оценить не только уровень значимости социального капитала, но и механизмы его формирования, а также его критерии и индикаторы. Наиболее точными показателями являются, например, *рейтинги ученых*. Для их составления проводятся измерения по нескольким направлениям. В частности, определяется удельный вес в общем списке влиятельных людей. Однако, по данным рейтинга издательства *Forbes* за 2016 г., ученые (за исключением Б. Гейтса) не вошли в число самых влиятельных людей мира (рисунков). С одной стороны, можно утверждать, что рейтинги *Forbes*, базирующиеся главным образом на экономических или политических критериях влияния (исследования показывают, что 35 % «членов *Forbes*» – политики, 54 % – бизнесмены), не являются абсолютным показателем [5]. Но вместе с тем данная картина становится доказательством того, что наука, обеспечившая прогресс современной цивилизации, до сих пор не заняла свою достойную нишу в мировом экономическом пространстве. В то же время научные открытия и социальный капитал, продуцируемый учеными, научными сообществами, весьма востребованы в экономике, социальной экологии, образовании, обеспечении медицинских технологий, здравоохранении. Резуль-

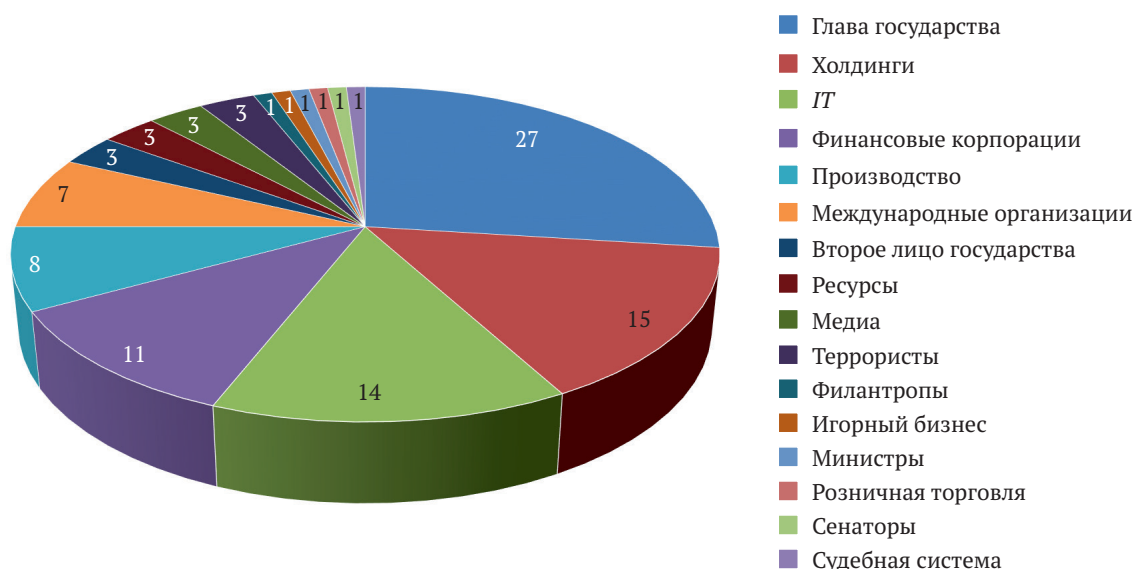
таты исследований ученых сегодня являются важным элементом воспроизводственных и инновационных процессов, а также процессов обеспечения глобальной безопасности современного социума.

Кроме того, в настоящее время составляются так называемые внутренние рейтинги, т. е. определяется уровень авторитета ученого в рамках конкретного научного направления. Такой рейтинг более привлекателен для имиджа науки в целом. Например, на основе базы научной электронной библиотеки *elibrary.ru* несколько лет назад были сформированы списки сотен ведущих ученых по всем направлениям науки в России (Топ-100). Определялись основные группы, такие как физика, химия, математика, механика, энергетика, биология и т. д. Рейтинг каждого ученого, вошедшего в список, определялся по баллам, которые выставлялись на основании общего числа статей, количества цитирований и индекса Хирша. Но, по мнению академика РАН, профессора В. Нагорякова, сам механизм оценки, включающий комбинацию из трех показателей, довольно загадочен. В частности, многие ученые с очень высоким индексом Хирша оказались далеко не на первых местах в этом списке. Критическая оценка российских ученых однозначно подвергает сомнению алгоритм сведения трех показателей к одному месту в системе [2]. Удивительно, что известный всему миру нобелевский лауреат уроженец Беларуси Ж. И. Алфёров, имеющий огромный международный авторитет и мощную научную школу, оказался лишь на 20-м месте. Опережающие его ученые вышли вперед за счет громадного количества цитирований и большого количества статей. В то же время очевидно, что работы Ж. И. Алфёрова произвели революцию в науке и положили начало реализации новой технологической базы полупроводниковой индустрии. Эксперты в области истории и методологии науки знают, что количество цитирований легко увеличить за счет публикаций боль-

ших обзорных докладов. Редакторы журналов фактически научились увеличивать импакт-фактор журнала, требуя от авторов статей ссылок на статьи в своем журнале. Существует много примеров публикаций с сенсационными результатами исследований, не подтвержденными достаточно основательными экспериментами или теориями. Это приводит к большому количеству отрицательных рецензий с подробной критикой, что поднимает рейтинг исследователя и импакт-фактор журнала. Мы констатируем полную аналогию с тем, что делают журналисты желтой прессы и скандальные представители шоу-бизнеса и политики. Академик РАН В. Накоряков достаточно жестко отмечал, что

русская система оценки эффективности работы ученых должна сегодня базироваться на новой основе с учетом особой важности того, что мы называем «школа» [2]. Эта проблема актуальна и для белорусской науки и ее научного сообщества.

Исторические этапы и генезис поля научных коммуникаций демонстрируют, что соотношение и корреляция формальной и неформальной матриц научной коммуникации в информационном обществе формализуются через научные школы как новая междисциплинарная платформа для реализации перспективных стратегий развития современной науки.

Самые влиятельные люди мира по видам деятельности по версии *Forbes* за 2016 г., %
The most influential people of the world by their occupations according to *Forbes* in 2016, %

Практики первых научных коммуникаций в Европе начиная с XVII в. формализовались через личные контакты, переписку ученых, обмен мнениями по различным проблемам науки. Напомним, что социологи науки выделяют три основных типа коммуникативных сетей и три исторически сложившиеся формы научной коммуникации, которые функционировали в разные периоды, это прежде всего «республика учености» (XVII в.), «невидимый колледж» (XIX–XX вв.), «электронный невидимый колледж» (конец XX – начало XXI в.).

«Республика учености» благодаря Эразму Роттердамскому, который впервые ввел это понятие, формализовала объединение европейских интеллектуалов Нового времени на платформе принципов свободы, гуманности и рационального критицизма. Ученый выдвигал особые требования к гражданину «республики учености». Они включали в себя широкую образованность, терпимость к иному мнению, распространение культуры научного диалога, формирование этики научного спора, правил научного общения, стремление рас-

пространять знания, работать на благо всей «республики учености» [6]. Эти принципы практически не потеряли своей актуальности и востребованности и в наше время.

Начавшееся в конце XIX в. развитие сети специализированных журналов фактически стало фундаментом для создания современных институциональных механизмов системы научной коммуникации, которая в XX в. привела к легитимному утверждению и институционализации научного журнала как общепризнанного источника научных знаний. Благодаря этому примерно с 1960-х гг. возникла вторая историческая форма научной коммуникации, получившая в дальнейшем название «невидимый колледж». Под «невидимым колледжем» социологи науки понимают неформальные контакты между своего рода элитой, наиболее продуктивными учеными внутри исследовательской области. Социологи науки утверждали, что именно эти ученые и составляли научное ядро, объединяя всех более или менее известных исследователей. Именно они имели возможность контролировать

финансирование и лабораторное обеспечение исследований, оказывали решающее влияние на формирование престижа и имиджа остальных ученых, на судьбу и перспективы новых научных идей, и в конце концов именно они обладали решающим голосом при определении стратегии научного поиска в определенной научной области [6].

«Невидимый колледж» как самоорганизующееся коммуникативное объединение исследователей, работавших над новой перспективной проблематикой, фактически определил коммуникационную сеть научного сообщества как сплоченную группу, сформировавшую научную специальность.

В последние десятилетия XX в. и в начале XXI в. все виды и формы научной коммуникации стали стремительно эволюционировать. Этот процесс был обусловлен ростом объема научной информации, новыми возможностями сверхбыстрой ее передачи по всему миру через глобальную систему коммуникации – интернет. Все это привело к формированию новых интерактивных сетей научной коммуникации. Начиная с 1990-х гг. объем научной информации увеличивается экспоненциально, удваиваясь каждые 1,5–2 года. Интернет, являясь глобальным ресурсом, начал оказывать самое непосредственное влияние на появление новых форм и видов научной коммуникации, таких как электронные журналы, создаваемые независимо от стандартов печатных научных изданий, открытые архивы научных статей, публикация статей в интернете до выхода номера. Существенно сократился период от проведения исследования до публикации его результатов. Научные работы стали более оперативными источниками информации: «Опосредованный электронными средствами коммуникации, “невидимый колледж” трансформируется в “электронный невидимый колледж”, где базовые принципы “невидимого колледжа” дополняются эффектами сетевой культуры. Деятельность ученых и научных организаций переносится в онлайн-среду, *e-mail*-информация все более заменяет такие традиционные источники, как личная переписка ученых. В ходе научных дискуссий, проходящих на базе социальных сетей ученых, участники могут подкрепить свои доводы различными способами: сослаться на авторитетный источник, добавить фотографию, аудио- или видеофайл и т. д. Онлайн-биржи используются в научном мире как “рынок знаний и технологий”. Сосредоточение в одном месте заказчиков, которым необходимо исследовать конкретные научные проблемы, как правило прикладного характера, и высококвалифицированных исследователей и изобретателей дает возможность на конкурентной основе привлечь к научным разработкам исследовательские коллективы из разных стран мира» [6, с. 158].

Сегодня в коммуникационной среде научного сообщества уже сформировались уникальные ка-

налы *академической коммуникации*, которые обеспечивают раскрытие научного потенциала ученых (от *контактоустанавливающей коммуникации* через *сотрудничество* к *соавторству*) и реализацию их научных идей в социальной среде, создают условия для формирования ресурсов, отвечающих на вызовы времени и решающих самые проблемные задачи социума. Так, создавая и расширяя научные ресурсы и коммуникационные сети, посредством которых воспроизводятся знания, в контуре научных коммуникаций формируется *социальный капитал*. На сегодня нет единого междисциплинарного подхода к пониманию данного феномена. Социальный капитал трактуется как ресурс, повышающий общественную эффективность, как разделяемые в обществе нормы и ценности, социальные сети и связи между индивидами, основанные на взаимности и доверии. Наиболее приемлемым экономисты считают восходящее к работам американского политолога Р. Д. Патнэма (правительственная школа Гарвардского университета) определение социального капитала как способности сообществ к коллективным действиям ради достижения общей цели [7].

Представляется целесообразным рассматривать данное понятие как совокупность социальных связей, основанных на определенных нормах и правилах и выступающих как ресурс для получения выгод (и не только экономических).

Исследователи социального капитала выделяют различные формы его существования. На уровне социума он представляет собой общественное благо. Осмысление социального капитала как продукта общественного взаимодействия, формы проявления групповой солидарности, основанной на определенных социальных нормах и доверии, стало классическим. На степень значимости социального капитала решающее влияние оказывают социально-экономические, политические и иные условия, а также социокультурные и религиозные факторы, ценностные установки, доминирующие в конкретной социальной среде. Последователи позиционирования социального капитала как коллективного ресурса вслед за Р. Д. Патнэмом не рассматривают индивидуальный уровень в качестве индикатора для формирования данного ресурса. На коллективном уровне социальный капитал представляет собой совокупный ресурс локальных социальных групп, коллективов, интегрированных в процессе взаимовыгодных контактов и создающих ресурс коммуникативного взаимодействия на основе доверия. Коммуникативные каналы на этом уровне позволяют индивидам создавать относительно замкнутые группы, в которых доверие строится по клубному принципу *свой – чужой* (по аналогии с группами Патнэма) [7].

На индивидуальном уровне социальный капитал позиционируется как общественный ресурс,

который тем не менее выступает в качестве непреложного атрибута индивида, с помощью которого последний реализует свои потребности и достигает поставленных целей. В основе данного подхода лежит современная тенденция индивидуализма как способа самовыражения свободной личности в либерально-демократическом обществе. На индивидуальном уровне личность концентрирует в себе совокупность гражданских свобод, ценностных ориентаций и норм поведения, морально-этический аспект которых базируется на доверии. В процессе социального обмена индивид оперирует этим набором инструментов социального взаимодействия исходя из принципа рациональности. Таким образом, процесс координации социального взаимодействия приближается к идеальной органической модели организации, в значительной степени уменьшаются издержки, определяемые формальными стандартами и нормами государственных и социальных институтов.

Социологи справедливо отмечают сложность изучения социального капитала. По их мнению, развитие данного феномена – процесс многогранный, и выделить его из системы местного сообщества для аналитического изучения достаточно сложно [8; 9]. Вместе с тем исследования социального капитала получают все большее распространение как в научном мире, так и в рамках государственных программ, поскольку его сущностные и содержательные характеристики напрямую отражают реальную ситуацию в обществе, степень развития институтов доверия, свободы и создают обширную информационную базу для стратегического прогнозирования социально ориентированных концептов.

Социальный капитал коммуникативного поля научного сообщества представляет собой разновидность социального капитала. Появление этого термина относительно специфики научных коммуникаций и функционирования научного сообщества вызвано объективными причинами – доминантным влиянием науки на цивилизационное развитие, ее вхождением в систему социальных институтов и, как следствие, капитализацией исследовательского труда, его включением в систему товарно-денежных отношений. На проблематику исследований в области социального капитала не менее остро влияют и морально-этические проблемы научного взаимодействия, социальная ответственность ученого за результаты своей деятельности.

Научная коммуникация – это уникальный объект исследований сущностных характеристик социального капитала, так как, по сути, весь генезис взаимодействия сообщества ученых представлял и представляет собой многогранный процесс формирования социального капитала науки.

В рамках типологии, предложенной Р. Д. Патнэмом, выделяют такие константы социального

капитала, как сети, доверие и взаимность в отношениях. На данный момент они выступают в качестве основных индикаторов социального капитала. Можно говорить о том, что в среде научной коммуникации сущностные и содержательные характеристики индикаторов позволяют позиционировать ее как идеальную модель формирования социального капитала.

Научная коммуникация представляет собой многомерное социальное явление, классифицировать которое можно на трех сетевых уровнях. На каждом из них процесс коммуникации может иметь место, только сопрягаясь с имманентными индикаторами доверия и взаимности или отдельными параметрами ценностной ориентации членов научного сообщества.

В данном контексте принципиальной особенностью социального капитала выступают принципы *взаимозаменяемости* и *взаимовлияния*, которые реализуются в поле научного обмена. Данные принципы в условиях коммерциализации науки приобретают огромное, а порой и определяющее значение, особенно на первом уровне, когда решаются вопросы интеграции научного сообщества, социума и государственных институтов и происходит внедрение научных открытий в систему товарно-денежных отношений.

Принцип взаимозаменяемости позволяет осуществлять выбор оптимальных способов решения проблем, возникающих в процессе коммуникативного взаимодействия с формальными институтами. В качестве альтернативы формальным правилам, стандартам поведения и нормам взаимодействия выступает персональное решение проблем, основанное на неформальных институтах, которые связаны с индивидуальными или коллективными действиями ученых для отстаивания общих интересов. В данном контексте необходимо отметить, что использование неформальной коммуникационной матрицы периодически создает предпосылки для возникновения коррупционной составляющей в сфере «научного бизнеса». В то же время подобное замещение обеспечивает мобильное функционирование научного сообщества в условиях трансформации формальных институтов коммуникации, дефицита деперсонифицированного взаимодействия. При этом выделяются следующие концепты:

- область научного знания, в рамках которой происходит взаимодействие ученых и их интеграция для совместной деятельности;
- само научное микросообщество или иное научное образование, объединенное для общей деятельности или обмена информацией;
- научная деятельность, в процессе которой ставятся и решаются конкретные научные задачи, проводятся и реализуются научные исследования.

В рамках этих концептов формируются потоки ресурсов – обменные профессионально ориенти-

рованные коммуникационные сети, происходит *воспроизводство знания* и формирование организационной культуры особого ценностного типа, на основе которой идет накопление *социального капитала*, обеспечивающего эффективное взаимодействие с внешней средой.

Интересно осмысление сущностной характеристики научных коммуникаций, результатом которых выступает социальный капитал, через термин «сообщество обмена знаниями» (англ. *community of practice*). При данном подходе ядром коммуникативной системы выступает конкретная предметная область знания или же конкретная научная проблема, вокруг которой формируются информационно-коммуникационные потоки. Именно здесь происходит обмен информацией, т. е. генерируются научные знания, пространство содержательных действий совпадает с пространством обсуждений [9].

С другой стороны, характеризуя процессы научной коммуникации как поля формирования социального капитала, необходимо отметить, что генератором, актором научной коммуникации, является творческий потенциал ученого, способного адаптивно реализовывать имеющиеся научные знания и создавать конструкты инновационных преобразований. В личности ученого наиболее полно сконцентрированы именно те ресурсы, которые составляют содержательный концепт социального капитала:

- стремление к творчески преобразовательным и практически преобразующим действиям;
- открытость к восприятию качественно новых научных знаний, новому видению мира;
- нацеленность на самосовершенствование, развитие компетенций и профессиональных навыков;
- умение формировать стратегические цели и методологию их практического достижения;
- готовность к практическому применению результатов своего труда;
- мобильность как умение ориентироваться в широком спектре имеющихся научных достижений и стремление использовать их в собственных практиках;
- автономность научного поиска;
- независимость в научных суждениях, поисках инновационных методов и способов исследовательской работы.

Эти внутренние ресурсы, отражающие интеллектуально-творческие установки, духовно-нрав-

ственный и психофизиологический потенциал, который проявляется в потребности научно-творческого интегрирования, открываются в динамике коммуникативного пространства социума и реализуются посредством включения в сложную сеть социальных отношений. Научная коммуникация в данном случае не только позволяет объединяться ученым на основе интереса к конкретной научной проблеме, но и обеспечивать включение результатов интеллектуального труда в систему социально-экономических, политических и социокультурных отношений, отражением которой выступает коммерциализация научного труда. Система спроса на инновационные разработки напрямую зависит от уровня значимости социального капитала конкретного сообщества ученых или научно-институционального образования.

Количественные и содержательные характеристики социального капитала могут включать и такие показатели, как число международных премий, патентных заявок, доля страны на мировом рынке высоких технологий, уровень автономности науки, степень интеграции отечественных ученых в международные научные программы, количество учреждений образования, их рейтинг на рынке труда и т. п. Помимо этого, количество законов и подзаконных актов, регламентирующих деятельность научного сообщества, также отражают степень формализации науки и научных коммуникаций.

Таким образом, совокупность показателей социального капитала фактически позволяет рассматривать данный феномен как ядро национального капитала. В результате особую значимость приобретают научные коммуникации, которые можно позиционировать как широкомасштабное поле для научных связей, генерации научного знания и уникальных ценностных ориентаций. В данном контексте научные коммуникации создают все условия для формирования социального капитала научного сообщества, того стратегического ресурса, который обеспечит стабильное развитие социума и государства. Сегодня стал очевиден тот факт, что социальный капитал, основанный на взаимодействии и доверии участников, представляет собой один из основных факторов стабильности и эффективности, устойчивого развития общества и государства, что особенно необходимо и востребовано в условиях кризисных процессов глобализации и развития бифуркационного пространства современного мира.

Библиографические ссылки

1. Coleman JS. Social Capital in the Creation of Human Capital. *American Journal of Sociology*. 1988;94:95–120.
2. Накоряков В. О рейтинге российских ученых. Анализ нового рейтинга ведущих ученых России (из базы РИНЦ) [дата обращения: 10.01.2018]. URL: <https://trv-science.ru/2014/09/24/o-rejtinge-rossijskikh-uchenykh/>.
3. Фране А, Подменик Д. Социальный капитал в европейских исследованиях. *Социологические исследования*. 2010; 11:35–47.

4. Солодовников СЮ, Щербин ВК. Социальный капитал белорусской науки: его место, роль и основные показатели. *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D, Экономические и юридические науки*. 2013;13:2–8.
5. Ewalt D. The World's Most Powerful People 2016 (2016, December). *Forbes* [cited 2018 January 10]. Available from: <https://www.forbes.com/sites/davidewalt/2016/12/14/the-worlds-most-powerful-people-2016/>.
6. Решетникова ЕВ. Научные коммуникации: эволюция форм, принципов организации. В: Архипова ИВ, редактор. *Современное коммуникационное пространство: анализ состояния и тенденции развития. Материалы Международной научно-практической конференции. Часть 1; 22–24 апреля 2014 г.; Новосибирск, Россия*. Новосибирск: Издательство НГПУ; 2014. с. 154–159.
7. Putnam RD, editor. *Democracies in Flux: The Evolution of Social Capital in Contemporary Society*. Oxford: Oxford University Press; 2002.
8. Полищук ЕА. Социальный капитал и его роль в экономическом развитии. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5, Экономика*. 2005;1:10–16.
9. Korkiya ED, Mamedov AK. Ethnocommunicative structures in the information age. *News of Science and Education*. 2014;17:107–114.

References

1. Coleman JS. Social Capital in the Creation of Human Capital. *American Journal of Sociology*. 1988;94:95–120.
2. Nakoryakov V. On the Russian scientists rating. Analysis of the new lead researchers rating (RSCI) [cited 2018 January 10]. Available from: <https://trv-science.ru/2014/09/24/o-rejtinge-rossijskikh-uchenykh/>. Russian.
3. Frane A, Podmenik D. European studies of social capital. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. 2010; 11:35–47. Russian.
4. Solodovnikov S, Scherbin VK. Social capital of Belarusian science: it's place, role and main characteristics. *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya D, Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki* [Vestnik of Polotsk State University. Part D, Economics and Law sciences]. 2013;13:2–8. Russian.
5. Ewalt D. The World's Most Powerful People 2016 (2016, December). *Forbes* [cited 2018 January 10]. Available from: <https://www.forbes.com/sites/davidewalt/2016/12/14/the-worlds-most-powerful-people-2016/>.
6. Reshetnikova EV. [Scientific communications: evolution of forms, organization principles]. In: Arkhipova IV, editor. *Sovremennoe kommunikatsionnoe prostranstvo: analiz sostoyaniya i tendentsii razvitiya. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Chast' 1; 22–24 aprelya 2014 g.; Novosibirsk, Rossiya* [Modern communication space: state analysis and development tendencies. Materials of the International scientific and practical conference. Part 1; 2014 April 22–24; Novosibirsk, Russia]. Novosibirsk: Published house of NSPU; 2014. p. 154–159. Russian.
7. Putnam RD, editor. *Democracies in Flux: The Evolution of Social Capital in Contemporary Society*. Oxford: Oxford University Press; 2002.
8. Polischuk EA. Social capital and it's role in economic development. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 5, Ekonomika* [Journal of the Saint Petersburg State University. Series 5, Economics]. 2005;1:10–16. Russian.
9. Korkiya ED, Mamedov AK. Ethnocommunicative structures in the information age. *News of Science and Education*. 2014;17:107–114.

Статья поступила в редколлегию 25.04.2018.
Received by editorial board 25.04.2018.

УДК 001.303

СТИМУЛЯЦИЯ СИМУЛЯЦИИ КАК НОВАЦИЯ В СФЕРЕ НАУЧНОГО МЕНЕДЖМЕНТА

Г. М. БИРЖЕНЮК¹⁾, Т. В. ЕФИМОВА¹⁾

¹⁾Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов,
ул. Фучика, 15, 192238, г. Санкт-Петербург, Россия

Рассматривается ситуация с использованием библиометрических данных для оценки научного и научно-педагогического труда. Анализируется история формирования наукометрии как области научного знания, раскрывается механизм формирования индекса Хирша. Приводятся экспертные мнения относительно валидности этого и других индексов для прямой оценки научной деятельности, оцениваются ближние и отдаленные перспективы деформации российской науки в условиях тотального использования библиометрических показателей для оценки деятельности отдельных ученых и научных коллективов.

Ключевые слова: наука; наукометрия; библиометрические показатели; индекс Хирша; оценка эффективности научной деятельности.

STIMULATION SIMULATION AS AN INNOVATION IN THE FIELD OF SCIENTIFIC MANAGEMENT

G. M. BURIANYK^a, T. V. EFIMOVA^a

^aSaint Petersburg Humanitarian Union University, 15 Fuchika Street, Saint Petersburg 192238, Russia
Corresponding author: G. M. Burianyk (sct47@mail.ru)

The article deals with the situation with the use of bibliometric data for the evaluation of scientific and scientific-pedagogical work. The history of the formation of scientometrics as a field of scientific knowledge is analyzed, the mechanism of formation of the Hirsch index is revealed. Expert opinions on the validity of this and other indices for direct evaluation of scientific activity are given, near and long-term prospects of deformation of Russian science are evaluated in terms of total use of bibliometric indicators for the evaluation of the activities of individual scientists and research teams.

Key words: science; scientometrics; bibliometric indicators; Hirsch index; evaluation of scientific activity efficiency.

У нас очень полюбили джаз, полюбили какой-то запоздалой, нервной любовью.

И. Ильф, Е. Петров. У самовара

Наука, как социальный институт, является уникальным феноменом. С одной стороны, это область социальной практики, где люди реализуют свои

творческие потенции и великие озарения, приводящие к прогрессу в самых разных сферах жизни общества, с другой – сфера, которая требует суще-

Образец цитирования:

Бирженюк ГМ, Ефимова ТВ. Стимуляция симуляции как новация в сфере научного менеджмента. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;3:96–103.

For citation:

Burianyk GM, Efimova TV. Stimulation simulation as an innovation in the field of scientific management. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;3:96–103. Russian.

Авторы:

Григорий Михайлович Бирженюк – доктор культурологии, профессор, заслуженный деятель высшей школы Российской Федерации; заведующий кафедрой социально-культурных технологий факультета конфликтологии.

Татьяна Викторовна Ефимова – кандидат культурологии, доцент; заместитель декана по научной работе факультета конфликтологии.

Authors:

Grigorii M. Burianyk, doctor of cultural studies, full professor, honored worker of higher school of Russia; head of the department of social and cultural technologies, faculty of conflict studies.

sct47@mail.ru

Tatyana V. Efimova, PhD (cultural studies), docent; deputy dean of the faculty of conflict studies.

dek_conf@gup.ru

ственных затрат на содержание зданий, сооружений, закупки оборудования, оплату труда научных работников и вспомогательного персонала и т. д. В связи с этим управление наукой представляет собой сложный процесс, где административные методы должны сочетаться с иными ресурсами стимулирования научного труда. Любые перекосы в этой области чреваты самыми серьезными последствиями. Неслучайно Н. Винер, размышляя о науке и обществе, написал: «Наука – нежное растение, которое не будет благосклонно к садовнику, усвоившему себе привычку вынимать его с корнями, чтобы посмотреть, правильно ли оно растет» [1, с. 271].

Слова великих мыслителей и ученых часто цитируют, но прислушиваются к ним редко. Некоторые процессы, происходящие сегодня в постсоветских государствах, подтверждают эту мысль.

Не так давно в нашу жизнь пришли индексы цитирования или, как часто их называют, наукометрические показатели. В принципе какие-то показатели нужны для стратегического планирования развития науки, оценки работы научных коллективов, принятия решений о финансировании тех или иных организаций и проектов и т. п. Как представляется, эти показатели должны отвечать ряду критериев: во-первых, быть объективными, во-вторых, надежными, в-третьих, убедительными не только для тех, кто оценивает, но и для самих оцениваемых. Это важно потому, что индексы цитирования входят в систему показателей при определении рейтингов учреждений высшего образования и различных НИИ. Эти же индексы становятся главным критерием формирования диссертационных советов. Иными словами, различные индексы вошли в научную жизнь и в значительной мере вытеснили экспертные оценки, репутацию и другие характеристики, определявшие ранее «вес» ученого в целом в науке или конкретной ее области. В этом видится определенная тенденция, охватывающая не только сферу научной деятельности.

Например, если прежде обсуждались художественные достоинства фильма, талант режиссера, игра актеров, работа оператора, вклад композитора в успех кинопроизведения, то сегодня на первый план вышли финансовые показатели – сколько денег фильм собрал в первый уик-энд показа, насколько сборы от показов превзошли затраты на создание фильма и т. п. Живописные и скульптурные произведения оцениваются не только и не столько по художественным критериям, сколько по показателям их продаж на аукционах. Понимается, что все эти цифры отражают (и заменяют) множество характеристик художественного произведения и сводят их в показатели, которые поддаются простому сравнению.

Что касается науки, то она длительное время (а как социальный институт наука сформирова-

лась примерно в середине XVII в.) существовала и развивалась в стороне от каких-то обобщенных оценок. В советское время во главу угла ставилась экономическая эффективность науки. С опорой на труды К. Маркса была провозглашена задача содействовать созданию таких условий, при которых «наука станет в полной мере непосредственной производительной силой» [2, с. 160], что в то время и выступало основным критерием оценки деятельности научных коллективов и отдельных ученых. Однако единственным способом определять степень полезности науки этот подход все же не стал, видимо, в силу того, что ведущие отрасли научного знания, к которым относилась марксистско-ленинская философия, история КПСС и другие науки марксистско-ленинского толка, возможно, и давали что-то народному хозяйству, но непосредственной производительной силой никак не могли быть признаны.

Существовал, правда, еще один критерий, который не только не опирался на экономические показатели, но и, скорее, их игнорировал, – это соревнование с Западом в обороноспособности. В соответствующих областях науки (космос, ракетная техника, средства ПВО и пр.) затраты осуществлялись практически безлимитно.

Вернемся к предмету нашего дискурса – наукометрическим показателям. Самым упоминаемым и наиболее часто применяемым сегодня является так называемый индекс Хирша. Этот индекс был предложен Хорхе Хиршем как мера продуктивности работы ученого [3].

В основу данного индекса положены два показателя – число публикаций конкретного автора и число ссылок на них в работах других авторов. На первый взгляд, все здесь оправданно и логично. Публикации – это один из способов репрезентации результатов научной деятельности. Однако их количество не всегда является показателем качества исследований ученого. Есть области науки, где требуется большой объем экспериментальной работы, занимающей значительное время, порой годы. Археолог может десятилетиями искать древний город, историк – проводить длительные архивные изыскания и т. п. Итогом может стать монография, а то и одна статья. Возможно, эта работа совершит революцию в науке, а возможно, и нет. Но за это время кто-то опубликует десяток статей, которые ничего нового не несут. Иными словами, научная деятельность отражается в публикациях, но обратная зависимость не является симметричной, т. е. публикации не обязательно отражают качество научной деятельности. Публикационная активность может свидетельствовать об имитации этой деятельности, стремлении автора соответствовать неким внешне заданным требованиям (например, для защиты диссертации или получения ученого

звания нужно иметь определенное их количество за определенный срок). В конце концов лидерство по публикациям могут вообще захватить явные или скрытые графоманы.

Итак, количество публикаций не является надежным (а значит, не может быть и единственным) критерием оценки научного труда.

В этой связи совершенно оправданно обращение к такому показателю, как цитируемость, который как раз и призван элиминировать графоманскую и иные внеаучные мотивации публикационной активности того или иного автора. По идее, ссылки на работы автора могут рассматриваться как подтверждение интереса коллег к его исследованиям; частота и количество ссылок свидетельствуют об актуальности публикуемой им научной информации, способности стимулировать дальнейшие научные поиски коллег и т. д.

Но здесь мы опять должны констатировать, что данный показатель не проходит проверку на валидность. Ссылка ссылке рознь. Ссылки могут отражать не только собственно научные, но и иные цели авторов. Иногда довольно тривиальный текст насыщается ссылками для того, чтобы хоть как-то придать ему наукообразный вид и скрыть пустоту. Есть ссылки на собственные работы. Бывают ссылки, которые используются исключительно по причине критики упоминаемой публикации. Очень часто в пристатейном списке литературы указываются работы, следы которых в самой статье обнаружить невозможно, т. е. библиография живет своей отдельной жизнью, но при подсчете индекса цитирования публикация, практически случайно и явно необоснованно попавшая в список литературы, сработает на повышение индекса ее автора.

Иными словами, бывают яркие, инновационные, продуктивные в научном плане работы, которые привлекают внимание коллег, стимулируют их собственное творчество, и ссылки на такие работы, безусловно, отражают вес и заслуги автора, а вот столь же очевидной обратной связи нет. Кто-то на кого-то сослался, и это означает только то, что кто-то на кого-то сослался. Как в том анекдоте: «...и, наконец, племяннику Семену, который просил не забыть упомянуть его в завещании. Упоминаю: Сема, привет!»

Здесь мы подходим к первому пункту наших сомнений: в основу индекса Хирша положены два показателя (число публикаций и число ссылок на них), каждый из которых не репрезентирует продуктивность работы отдельного ученого, научного коллектива или организации. Обусловлено это тем, что налицо попытка измерить количественными показателями сугубо качественные признаки. Использование в связке двух количественных показателей не погашает, а только суммирует и усиливает их недостатки.

Посмотрим, как определяется индекс Хирша. Принцип здесь настолько прост, насколько и абсурден. Публикации ученого ранжируют по суммарному числу ссылок на них (в убывающем порядке). Далее определяют статью, номер которой совпадает с количеством ссылок на нее. Таким образом, автор, опубликовавший N статей, имеет индекс h , если h его статей цитируются не менее чем h раз каждая, а любая из оставшихся ($N - h$) статей цитируется не более чем h раз.

В итоге мы получаем некое число, которое, по мнению разработчиков, вмещает в себя жизнь ученого – его сомнения и усилия, удачи и провалы, озарения и заблуждения. Начинает действовать известное правило: любое число, хотим мы или не хотим, если оно не привязано к физическому объекту (где можно точно измерить длину, площадь, вес), отрывается от этого объекта и начинает существовать обособленно. Числа эти можно сравнивать, выстраивать ученых по ранжиру, а затем раздавать им поощрения и взыскания, решать вопрос о выделении средств на исследования, определять персональную зарплату, использовать, когда нужно избавиться от неугодного сотрудника, и т. д.

Все последующие сомнения в объективности индекса Хирша мало что добавляют к выводу о принципиальной невозможности измерить продуктивность научного труда с его помощью, но укрепляют позиции критиков этого наукометрического показателя.

В частности, индекс Хирша существенно варьируется применительно к разным отраслям науки. Это связано с множеством факторов, которые находятся вне воли, желаний и усилий отдельного ученого. Например, индекс Хирша зависит от количества людей, работающих в той или иной отрасли науки, или от числа ученых, занимающихся исследованиями в рамках конкретного тематического направления. Философов много, а социологов меньше, еще меньше культурологов. Соответственно, в силу закона больших величин возможность цитирования у представителей науки, где «прописано» больше исследователей, существенно выше, чем у ученых, представляющих новую науку, новую или узкую область исследований и т. д. Кроме того, каждая наука обладает своей спецификой, которая отражается в обсуждаемом индексе. Например, у математиков индекс Хирша в среднем существенно ниже, чем у физиков, а у физиков существенно ниже, чем у исследователей в области биохимии и медицины.

Специфика, связанная с проблематикой научных исследований, сказывается на применяемых в международной практике индексах цитирования, но никак не учитывается при их анализе.

В интервью интернет-изданию «Полит.ру» член-корреспондент РАН, доктор исторических наук

Е. И. Пивовар справедливо отмечал: «...сейчас мы все увлечены замерами наукометрическими – какой там у нас, к примеру, индекс Хирша, но при этом есть большое количество гуманитарных областей, которые бессмысленно только так измерять, например, речь идет о собственно национальной проблематике. Для России это *Russian studies* – русская литература, русский язык, русская культура, русская история, русская философия, – как правило, большая часть наиболее значимой научной продукции в этой области – на русском языке, специалисты всего мира, чтобы быть специалистами в этих сюжетах, знают русский язык – иначе они просто не специалисты. Они читают на русском языке, все это цитируют, поэтому продуктивность этого сегмента в международной англоязычной сфере представлена крайне односторонне. Как можно учесть материалы на русском в англоязычной системе цитирования?» [4].

Можно еще долго перечислять недостатки индекса Хирша. В частности, при его подсчете не принимается во внимание личный вклад ученого – был он единственным автором или имел десять соавторов. Есть и вообще парадоксальные моменты. Например, если написать статью о том, что ноосфера – это блеф и В. В. Вернадский просто пошутил, то на автора обрушится вал критики и, соответственно, этот вал найдет выражение в определенном количестве ссылок и сослужит автору хорошую службу. Есть некоторые исследователи, которые только и делают, что ссылаются на собственные работы, а самоцитирование приравнивается к цитированию.

В прошлом веке в театральной среде бытовала такая история. Про одного тенора говорили: «Послушайте, ведь NN – круглый дурак!» Им возражали: «А голос?» И критики разводили руками. Мы приходим к ситуации, когда в научной среде возникают подобные разговоры, которые заканчиваются словами: «Зато какой у него индекс Хирша!»

Давайте поразмышляем на две темы: как мы пришли к жизни такой и почему возможна ситуация, когда человек, ничего серьезного как ученый не сделавший, может иметь индекс Хирша на уровне (или даже выше) тех, кто вносит большой и порой определяющий вклад в науку?

В поисках ответа на первый вопрос мы приходим к событиям 1963 г., когда Институт научной информации (*Institute for Scientific Information*) опубликовал первый индекс цитирования. Именно к этому периоду можно отнести начало наукометрии. Основные методические подходы к вычислению индекса цитирования были почерпнуты из исследований, осуществляемых в рамках библиометрии, которая развилась в рамках библиографии. Поначалу библиометрия служила одной цели – поиску научной информации. В частности, подсчитывалась динамика публикаций по опреде-

ленной тематике, что позволяло проследить рост актуальности исследований по той или иной теме, развитие или падение актуальности конкретного научного направления, географию исследований, распространенность исследований по типам научных и образовательных учреждений и пр. Со временем некоторые статистические библиометрические показатели стали использоваться для администрирования научной деятельности.

Основателем наукометрии считается Д. Прайс, который занимался историей науки. В своей монографии «Малая наука, большая наука» (*Little science, big science*), опубликованной в 1963 г., и ряде других работ он проследил основные этапы становления и развития науки как социального института, исследовал сети научных цитирований, различия в их структуре цитирования в гуманитарных и точных науках и т. д. [5–7]. В 1983 г. была учреждена медаль Прайса за вклад в науковедение. Эта медаль присуждается международным журналом *Scientometrics*, который был основан в 1978 г. и выпускается совместно издательствами *Akadémiai Kiadó* и *Springer Science+ Business Media*. Название журнала буквально переводится как «Наукометрия». Этот термин утвердился в конце 1960-х гг. [8, с. 9; 9; 10].

Что же открыла эта наука? Например, в рамках наукометрии был обоснован инфометрический закон распределения числа публикаций по авторам, согласно которому количество человек, написавших n статей, будет равно общему числу авторов, разделенному на n^2 (А. Лотка). Закон распределения статей в научной периодике гласит, что если все журналы разбить в порядке убывания числа статей по заданной тематике на несколько категорий, в каждой из которых будет одинаковое число статей, то отношение числа журналов в любых двух соседних категориях будет равно одной и той же константе (С. Брэдфорд). Закон распределения частоты слов естественного языка фиксирует, что в ранжированной по порядку встречаемости выборке слов естественного языка частота встречаемости слова обратно пропорциональна его рангу (Д. Ципф). Метод измерения взаимных связей между научными статьями на основе коцитирования предложил Г. Смолл [11], а М. Моравчик классифицировал цитирования по их семантическому значению [12]. Еще одна закономерность – экспоненциальный рост научного знания, выражающийся в том, что количество научных журналов удваивается каждые 10–15 лет (Д. Прайс).

Можно и дальше продолжить обзор достижений наукометрии. Но и из знакомства с тем, что приведено выше, возникает вопрос: как открытие этих законов влияет на развитие той науки, на базе которой выявлялись те или иные закономерности, или же науки в целом?

Вообще еще древними было замечено, что если что-то складывать, вычитать, делить, извлекать из чисел корень, то возникают самые разные совпадения, которые можно трактовать как угодно – как предостережение, возмездие, знамение и т. п. Возникла даже такая паранаука, как нумерология. В известной степени наукометрия напоминает нумерологию. Но нумерология живет где-то в параллельной реальности и на жизнь ученых не влияет. Другое дело – наукометрия. Измеряет она, понятное дело, не науку, поскольку никакое творчество, будь то техническое, художественное, социальное или научное, измерению не подлежит по определению. Сегодня администраторам от науки наукометристы (так, наверное, называются те, кто этим занимается) предложили некий показатель – индекс цитирования, который привлекателен своей простотой. Между тем по значению в жизни ученых его можно сравнить с дубинкой, а по роли в развитии науки – с топором, который известный герой Жюль Верн Негоро подложил под компас, из-за чего корабль, направлявшийся в Америку, причалил у берегов Африки (Ангола).

Что касается дубинки, то речь идет о том, что весьма сомнительный по своей сути индекс Хирша начинает применяться руководителями НИИ для расправы с неугодными сотрудниками. Вообще от ученых все чаще требуется не сама наука, а публикации и ссылки на них, т. е. индекс.

Академик В. Л. Янин приводит такой эпизод. Когда впервые внедрили поквартальное планирование в академических институтах, академик Алексей Алексеевич Ухтомский представил такой план: «1-й квартал – буду думать, 2-й квартал – буду думать, 3-й квартал – буду думать, 4-й квартал – если что надумаю, тогда напишу» [13]. Как представляется, сегодня у А. А. Ухтомского были бы серьезные проблемы в связи с возможным отставанием от младших научных сотрудников, а то и аспирантов по ряду формальных показателей исследовательского труда.

Иными словами, появился новый инструмент для осуществления так называемого менеджмента в сфере науки. В этом плане нельзя не согласиться с мнением доктора физико-математических наук ведущего научного сотрудника Санкт-Петербургского отделения Математического института имени В. А. Стеклова РАН Михаила Семенова-Тян-Шанского: «...в эпоху повального увлечения рейтингами, индексами Хирша и прочими формальными критериями возникает ощущение, что наука – это вид спорта. Это очень вредное заблуждение. По-настоящему глубокие и оригинальные работы начинают цитироваться далеко не сразу, установка министерства на увеличение числа публикаций, импакт-фактор и прочее хороша только для умножения числа неглубоких, но зато “мейнстримных” работ...» [14].

Если посмотреть на распределение индекса Хирша среди различных ученых, то обращает на себя внимание тот факт, что высокий индекс далеко не всегда имеют авторы, известные в научной среде, опубликовавшие яркие работы и совершившие те или иные научные открытия. Во-первых, вероятно, среди них есть те, кто просто обладает необходимыми средствами. Сегодня стоимость публикации одной статьи в журнале из российского перечня ВАК составляет порядка 8–14 тыс. руб. Отдельная наценка – за срочность публикации. Существуют едва ли не сотни сайтов, предлагающих в качестве платной услуги помощь в публикации научных статей. То, что часто эти журналы не имеют ничего общего с подлинной наукой, знает любой, кто в них заглядывал. Но невидимая рука рынка делает свое видимое дело. Раз есть спрос на публикации, то есть и предложение. И подобные предложения множатся. Сейчас интернет пестрит рекламой услуг по повышению индекса Хирша за определенную плату. Делается это довольно просто: существует группа аффилированных друг с другом коммерческих журналов, связь между которыми уловить очень непросто, поскольку каждое такое издание является юридическим лицом, имеет главного редактора и пр. Один из этих журналов заключает с автором договор, видимая часть которого предусматривает публикацию одной-двух статей, а невидимая часть – повышение индекса Хирша данного автора на определенное число пунктов за оговоренный в соглашении срок. Далее все журналы данной группы начинают вставлять ссылки на эту и другие статьи автора в разные публикации других авторов (предварительно испросив у них на это разрешение, которое получить нетрудно). В итоге за 5–6 месяцев индекс поднимается с нуля до значения 5–6. Можно и выше, но стоит это дороже.

Во-вторых, довольно высокие значения индекса Хирша показывают люди, входящие в научные структуры, часто обладающие признаками научных сект. Существуют научные школы, и написано о них немало (см. [15; 16]), но есть и образования, напоминающие секты, о чем практически не пишется. Это могут быть ассоциации, объединения, лаборатории, даже институты, работающие на общественных началах, во главе которых стоит энергичный человек, собирающий вокруг себя единомышленников, стимулирующий проведение конференций, издание коллективных публикаций и пр. Секта центрирована вокруг лидера, а тот является носителем какой-то односторонней и далеко не всегда имеющей научное содержание идеи. Это может быть НЛП, валеология, медиаобразование, трансактный анализ и пр. Серость и маргинальность всегда стимулируют к объединению и созданию неких замкнутых сообществ. Высокий индекс цитирования там возникает в силу того, что члены этого кружка-секты знают и признают только свое-

го гуру и друг друга. В их среде имеют место исключительно взаимные ссылки, которые существенно повышают индексы всех участников секты.

В-третьих, высокий индекс Хирша могут иметь люди, которые пристраиваются в качестве соавторов к авторам, имеющим высокие показатели цитирования. Довольно эффективно включаться в состав авторского коллектива, поскольку индекс цитирования затем засчитывается каждому соавтору без учета степени его вклада в работу. Разумеется, высокие показатели имеют и те, кто не стесняется самоцитирования.

Приведем два случая, с которыми авторы столкнулись лично. Первый произошел на кафедре, где работали шесть человек. Один энергичный доцент предложил всем быстро поднять индекс Хирша. Путь был избран простой: каждый сотрудник кафедры пишет по две-три статьи и обязательно цитирует всех остальных или как минимум включает их работы в пристатейный список литературы. Практически за полгода индексы у всех сотрудников кафедры поднялись от нулевых значений до показателей 6–8. Но история имела продолжение. Этот товарищ перешел на работу в другой университет и далее оказалось, что он там расширил рамки своей деятельности, взял у кого-то миллион рублей за подготовку диссертации «под ключ». Периодически он сообщал заказчику, что тема одобрена, кандидатские экзамены сданы, защита прошла успешно и т. д. Потом все вскрылось, и история перешла в русло уголовного кодекса. Думается, связь между описываемыми событиями не столько внешняя, сколько сущностная: успех в поднятии индекса Хирша приходит к людям, обладающим комбинаторным, на грани фола, мышлением.

Другой пример связан также с коллегой, который создал весьма своеобразный коллектив. В него вошли четыре человека, которые стали соавторами ряда статей. Один – это и был наш коллега – написал четыре работы для журналов, индексируемых в международной базе *Scopus*, второй член коллектива это все финансировал (а публикация в таком журнале стоит от 60 до 90 тыс. рос. руб.), третий занимался переводом статей на английский язык, их адаптацией к требованиям журналов, четвертый осуществлял организационное взаимодействие с журналами. В итоге они все выполнили требования ректората своего университета, успешно прошли конкурс и продолжают работать. Все они вошли в соответствующие базы данных, но реально автор был один. Кстати, он на почве перенапряжения получил инсульт. Но это уже другая история...

Словом, приемов повышения индекса Хирша много и все их здесь не перечислить. На самом же деле способ должен быть один – публиковать ори-

гинальные статьи высокого научного и практического уровня. Такие работы без всяких дополнительных усилий и технологий вызовут интерес, и на них будет получено много ссылок. Но вот это как раз и сложно. И бывает такое редко. В свое время А. Эйнштейна спросили, каким образом тот фиксирует свои гениальные мысли, т. е. записывает ли их ручкой, карандашом, использует ли пишущую машинку и т. п. На это великий ученый ответил: «Гениальные мысли приходят в голову так редко, что их нетрудно запомнить». Так и хочется сказать: «Не было на него индекса Хирша...»

В 1970-х гг. в СССР в различных НИИ начали применять известную социометрическую методику Дж. Морено, которая строится на суммировании ответов опрашиваемых членов коллектива на вопросы анкеты типа: «С кем бы Вы хотели посещать театр?»; «С кем бы Вы пошли в разведку?» и т. п. В итоге сотрудников, которые набирали меньше голосов, начали увольнять. Широкий общественный резонанс вызвала тогда статья «Осторожно, социология!», опубликованная в «Литературной газете». После ее выхода наступило некоторое отрезвление ретивых администраторов от науки. Центрация на индексах цитирования очень напоминает те мрачные времена и события.

В сфере высшего образования использование указанного индекса приводит к не менее деструктивным результатам. Есть немало учреждений высшего образования, где осуществляется жесткое давление на педагогов в плане количества публикаций и зарплата устанавливается исключительно с учетом данного показателя. Происходит это в рамках так называемого эффективного контракта. Поскольку порой разница в зарплатах может достигать двукратных и даже трехкратных значений, начинается лихорадочная гонка за публикациями, что сказывается не только на их качестве, но и на качестве педагогического труда.

Как известно, работа педагога высшей школы включает не только научную, но и методическую и собственно преподавательскую деятельность. Измерять ценность профессора или доцента только количеством публикаций и ссылок на них и глупо, и нецелесообразно. Письменная и устная коммуникации различаются по своей сути и форме. Не все в равной степени ими владеют. Есть яркие лекторы, любимцы студентов, которые выглядят с точки зрения публикационной активности достаточно скромно. Есть педагоги, которые пишут большие и серьезные работы, но чьи лекции не отличаются в методическом плане, не увлекают студентов. Превращение индекса в инструмент оценки учреждений высшего образования в процессе их аккредитации неизбежно заставит руководство выбирать педагогов с высоким индексом Хирша и отказы-

ваться от тех, у кого он ниже. Это будет еще один шаг к окончательной деградации высшей школы.

Завершая разговор об индексе Хирша и вообще об индексах цитирования, отметим, что, как представляется, мы в данном случае имеем дело с типичным симулякром. Симулякр – это категория постмодерна, обозначающая образ, лишенный сходства с предметом, но создающий эффект подобия, маскирующий отсутствие глубинной реальности или вообще не соотносящийся с какой-либо реальностью.

Индекс цитирования – симулякр, который знаменует наступление постмодерна по всем значимым направлениям социальной жизни. В данном случае это наука. И возник он в результате подмены цели средством. Цель – это развитие науки, увеличение ее роли в жизни социума, повышение эффективности научных исследований и в конечном счете – прогресс общества и государства. А индексы цитирования – это в какой-то, очень малой, степени средство рефлексии чего-то в науке – процессов, тенденций, индивидуальных достижений и пр.

Однако на самом высшем уровне в контексте системного искажения целевых установок чиновниками вместо развития науки выдвигается задача увеличения индексов цитирования. Понять мотивацию такой подмены несложно. Развитие науки – это увеличение финансирования научной деятельности, повышение зарплат ученых, создание материально-технических условий, механизмов организации научных коллективов, содействие молодым ученым. А повышение индексов – это всего лишь повышение индексов, достигнуть которого можно, не отходя от компьютера.

В итоге мы можем получить высокие индексы, поскольку технология их искусственного увеличения уже известна и будет развиваться со свойствен-

ной нам изобретательностью, но науку из-за такой смены приоритетов мы можем вообще потерять.

Самое интересное, что самим ученым эти индексы абсолютно не нужны. В любой области науки каждый знает лидеров и авторитетов, а также эпигонов и ловкачей. Завтра индексы у первых и вторых могут стать одинаковыми. Но есть и «гамбургский счет». Так назывался вышедший в 1928 г. сборник литературно-критических статей Виктора Шкловского. В краткой программной статье, которой открывалась книга, сам автор так объяснял смысл ее названия: «Гамбургский счет – чрезвычайно важное понятие. Все борцы, когда борются, жулят и ложатся на лопатки по приказанию антрепренера. Раз в году в гамбургском трактире собираются борцы. Они борются при закрытых дверях и завешанных окнах. Долго, некрасиво и тяжело. Здесь устанавливаются истинные классы борцов...» [17, с. 5].

Как говорит Ученый, герой пьесы Е. Шварца «Тень», «Тень, знай свое место!». Но тень с индексом – это уже и не совсем тень. Она может занять и не свое место. Тем не менее есть свой «гамбургский счет» и в науке. И никакие симулякры вроде индексов цитирования его не заменят. Гении и таланты останутся гениями и талантами, несмотря ни на какие индексы цитирования, а бездари со своими индексами так и останутся бездарями и графоманами.

Что же касается индексов, то оставить их можно такими, как есть, можно усовершенствовать (предложений в этом направлении множество), можно использовать в качестве своеобразного зеркала, в котором ученый может увидеть свою активность, востребованность, но главное – не следует делать их критерием чего бы то ни было. Не нужно уравнивать известных с неизвестными...

Библиографические ссылки

1. Винер Н. *Человек управляющий*. Санкт-Петербург: Питер; 2001.
2. *Программа Коммунистической партии Советского Союза*. Москва: Госполитиздат; 1962.
3. Hirsch JE. An index to quantify an individual's scientific research output that takes into account the effect of multiple coauthorship. *Scientometrics*. 2010;85(3):741–754. DOI: 10.1007/S11192-010-0193-9.
4. Ефим Пивоваров: «Мы встали перед необходимостью радикального повышения качества» [интервью Б. Долгина] [дата обращения: 10.06.2018]. URL: <http://www.polit.ru/article/2013/11/27/rsuh>.
5. Price D. Networks of scientific papers. *Science*. 1965;149:510–515.
6. Прайс ДС. Квоты цитирования в точных и неточных науках, технике и не-науке. *Вопросы философии*. 1971;3:149–155.
7. Price D. A general theory of bibliometric and other cumulative advantage processes. *Journal of the American Society for Information Science*. 1976;27:292–306.
8. Налимов ВВ, Мульченко ЗМ. *Наукометрия. Изучение науки как информационного процесса*. Москва: Наука; 1969.
9. Dobrov GM, Korennoi AA. The informational basis of scientometrics. In: Mikhailov AI, editor. *On theoretical problems of informatics*. Moscow: VINITI for FID; 1969. p. 165–191.
10. Pritchard A. Statistical Bibliography or Bibliometrics? *Journal of Documentation*. 1969;25(4):348–349.
11. Small HG. Co-citation in the scientific literature: a new measure of the relationship between two documents. *Journal of the American Society Information Science*. 1973;24:265–269.
12. Moravcsik MJ, Murugesan P. Some results on the function and quality of citations. *Social Studies of Science*. 1975;5(1):86–92.
13. О тех, кого помню, – с улыбкой. Из коллекции академика В. Л. Янина. *Вестник Российской академии наук*. 2002;72(4):381–384.

14. Семенов-Тянь-Шанский М. О реформе РАН, курицах и троечниках [дата обращения: 10.06.2018]. URL: http://www.polit.ru/article/2013/08/13/semenovtsh_about_ras.
15. Павельева ТЮ. *Научные школы в системе науки: философский анализ* [диссертация]. Москва: [б. и.]; 2012.
16. Грезнева ОЮ. *Научные школы (педагогический аспект)*. Москва: [б. и.]; 2003.
17. Шкловский ВБ. *Гамбургский счет*. Санкт-Петербург: Лимбус-пресс; 2000.

References

1. Viner N. *Chelovek upravlyayushchii* [The human managing]. Saint Petersburg: Piter; 2001. Russian.
2. *Programma Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuza* [Program of the Communist party of the Soviet Union]. Moscow: Gospolitizdat; 1962. Russian.
3. Hirsch JE. An index to quantify an individual's scientific research output that takes into account the effect of multiple coauthorship. *Scientometrics*. 2010;85(3):741–754. DOI: 10.1007/S11192-010-0193-9.
4. Efim Pivovarov: «My vstali pered neobkhodimost'yu radikal'nogo povysheniya kachestva» [B. Dolgin's interview] [cited 2018 June 10]. Available from: <http://www.polit.ru/article/2013/11/27/rsuh>. Russian.
5. Price D. Networks of scientific papers. *Science*. 1965;149:510–515.
6. Price DS. Quotes quotas in exact and inaccurate Sciences, engineering and non-science. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy]. 1971;3:149–155. Russian.
7. Price D. A general theory of bibliometric and other cumulative advantage processes. *Journal of the American Society for Information Science*. 1976;27:292–306.
8. Nalimov VV, Malchenko ZM. *Naukometriya. Izuchenie nauki kak informatsionnogo protsessa* [Scientometrics. The study of science as an information process]. Moscow: Nauka; 1969. Russian.
9. Dobrov GM, Korennoi AA. The informational basis of scientometrics. In: Mikhailov AI, editor. *On theoretical problems of informatics*. Moscow: VINITI for FID; 1969. p. 165–191.
10. Pritchard A. Statistical Bibliography or Bibliometrics? *Journal of Documentation*. 1969;25(4):348–349.
11. Small HG. Co-citation in the scientific literature: a new measure of the relationship between two documents. *Journal of the American Society Information Science*. 1973;24:265–269.
12. Moravcsik MJ, Murugesan P. Some results on the function and quality of citations. *Social Studies of Science*. 1975; 5(1):86–92.
13. Those who remember with a smile. From the collection of academician V. L. Yanin. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]. 2002;72(4):381–384. Russian.
14. Semenov-Tyann-Shanskii M. O reforme RAN, kuritsakh i trochnikakh [cited 2018 June 10]. Available from: http://www.polit.ru/article/2013/08/13/semenovtsh_about_ras. Russian.
15. Pavelyeva TY. *Nauchnye shkoly v sisteme nauki: filosofskii analiz* [Scientific schools in the system of science: a philosophical analysis] [dissertation]. Moscow: [publisher unknown]; 2012. Russian.
16. Grezneva OY. *Nauchnye shkoly (pedagogicheskii aspekt)* [Scientific schools (pedagogical aspect)]. Moscow: [publisher unknown]; 2003. Russian.
17. Shklovsky VB. *Gamburgskii schet* [Hamburg account]. Saint Petersburg: Limbus press; 2000. Russian.

Статья поступила в редколлегию 26.06.2018.
Received by editorial board 26.06.2018.

УДК 316.34

НАПРАВЛЕНИЯ ИНТЕГРАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ВЫБОР БЕЛАРУСИ

А. Л. КУИШ¹⁾

¹⁾Институт философии Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Исследуется проблема выбора направлений интеграции высшего образования Республики Беларусь в мировые образовательные системы. Высказывается идея многовекторности по отношению к образовательным интеграционным процессам (в европейском, евразийском и азиатском направлениях) с обоснованием приоритетности на данном этапе европейского направления. Анализируются условия, принципы и пути этого рода интеграции.

Ключевые слова: высшее образование; Европейское пространство высшего образования; Евразийский экономический союз; Болонский процесс.

DIRECTIONS OF INTEGRATION OF HIGHER EDUCATION: THE CHOICE OF BELARUS

A. L. KUIISH^a

^aInstitute of Philosophy, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, Minsk 220072, Belarus

The work is devoted to the problem of choosing directions of integration of higher education of the Republic of Belarus into the world educational systems. The idea of multi-vector approach in relation to educational integration processes (in the European, Eurasian and Asian directions) is stated with the justification of the priority for today of the European direction. The conditions, principles and ways of this kind of integration are analyzed.

Key words: higher education; European Higher Education Area; Eurasian Economic Union; Bologna process.

В современном мире в разных направлениях и сферах жизнедеятельности общества активно проходят процессы глобализации. В качестве одного из таких направлений выступает образование, где эта тенденция проявляется в том числе в форме интеграции: формирования единого образовательного пространства, определения общих принципов его развития, интернационализации и т. п. Можно спорить о позитивных и негативных сторонах этих процессов, их месте, роли, степени и способах влияния на экономические, социальные, культурные и иные сферы жизни современного человека, но не признать их значимости нельзя. В связи с этим одной из насущных задач белорусского общества

является выбор направлений, путей и способов интеграции нашего образования в международные образовательные системы в целях повышения статуса Республики Беларусь в международном сообществе, совершенствования системы образования, решения внутренних задач развития страны.

Проблему образовательной интеграции, активно дискутируемой в рамках научно-педагогического сообщества, ставит и анализирует в своей статье Л. Г. Титаренко [1]. Данная работа носит концептуальный характер. Можно смело утверждать, что автор выражает точку зрения значительной части управленческого аппарата системы образования и научно-педагогического сообщества.

Образец цитирования:

Куиш АЛ. Направления интеграции высшего образования: выбор Беларуси. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;3:104–109.

For citation:

Kuish AL. Directions of integration of higher education: the choice of Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;3:104–109. Russian.

Автор:

Александр Леонтьевич Куиш – кандидат философских наук, доцент; старший научный сотрудник Центра философско-методологических и междисциплинарных исследований.

Author:

Alexander L. Kuish, PhD (philosophy), docent; senior researcher at the Center for Philosophical-Methodological and Interdisciplinary Studies.
alkuish@mail.ru

Тем больше значимость этой статьи в решении проблем интеграции нашего высшего образования. Поднятые Ларисой Григорьевной проблемы, предлагаемые ею способы их решения необходимо обсуждать, для того чтобы определиться с наилучшими для Беларуси способами взаимодействия с образовательными системами других стран, наиболее верным направлением, подходящими путями и способами интеграции в мировое образовательное пространство.

В своей работе Л. Г. Титаренко рассматривает три направления интеграции отечественного образования: *восточноазиатское* (со странами Азии), *евразийское* (в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС)) и *европейское* (Болонский процесс). Восточноазиатское направление, как отмечает автор, представлено преимущественно обучением студентов из Туркменистана, Китая, Азербайджана, Таджикистана и других азиатских стран в учреждениях высшего образования (УВО) нашей страны. Другие же аспекты данного типа интеграции выражены слабо.

Европейское направление, по мнению Л. Г. Титаренко, является для нас проблематичным, так как оно развивалось прежде всего в интересах стран ЕС, при этом «бывшие республики СССР не рассматривались даже как потенциальные партнеры этой интеграции вплоть до периода перестройки и развала системы социализма» [1, с. 84]. Автор отмечает: «Восточная Европа пока остается в проигрыше от своего участия в нем (процессе европейской образовательной интеграции. – А. К.) по причине различия целей, разного потенциала, неравных “правил игры”, определяемых странами ЕС» [1, с. 84]. В качестве аргументов автор приводит данные опросов и результаты падения качества образования в постсоветских странах после их вступления в Болонский процесс. Интеграционные процессы в этом направлении в настоящее время представлены слабо. Количество студентов из Западной и Восточной Европы в наших УВО чрезвычайно невелико, хотя, заметим, по числу белорусских студентов, которые обучаются за границей, западные университеты находятся на втором месте после российских.

Наиболее перспективной для Беларуси Л. Г. Титаренко считает интеграцию в рамках ЕАЭС, поскольку она строится на базе многих договоров о международном сотрудничестве, учитывает специфику стран региона, имеет давние традиции, при этом отсутствуют языковые, культурные, визовые, бюрократические барьеры, существует значительный студенческий обмен (отметим, однако, что он направлен преимущественно в сторону России). Автор утверждает: «В процессе реализации этой интеграционной философии уже сделаны важные шаги: подписан меморандум по вопросам

кадрового и научно-инновационного обеспечения экономической интеграции, нацеленный на создание общего рынка образовательных услуг к 2025 г.» [1, с. 86]. Среди способов этой интеграции Л. Г. Титаренко указывает развитие университетов, обмен опытом и налаживание нелинейных сетевых связей между ними, создание образовательных кластеров, выделение элитных УВО в качестве ориентиров для развития остальных университетов, разработку общих образовательных принципов и стандартов для евразийского образовательного пространства, внедрение новых образовательных технологий (таких, например, как непрерывное образование), студенческие обмены и др.

Со своей стороны хотелось бы представить иной подход к интеграционным процессам в отечественном образовании, который также занимает умы многих философов, ученых, управленцев, педагогов. Беларусь – центральноевропейская страна. Она вольно или невольно включена в широкий спектр глобализационных процессов, в том числе интеграционных. В связи с этим необходимо учитывать ее географическое, геополитическое, геокультурное положение при формировании стратегии развития этих процессов.

Следует принимать во внимание и тот факт, что интеграционные процессы, идущие в разных направлениях, отличаются друг от друга. Евразийская интеграция, следуя представлениям Л. Г. Титаренко, основана на взаимодействии различных образовательных систем внутри образовательного пространства, их многоуровневых связях, лидерстве, обмене опытом, что указывает на ее перспективность для нас. В то же время европейская интеграция подразумевает самостоятельное развитие национальных образовательных систем на основе определенных положений и принципов. В рамках нашей образовательной системы эти процессы должны дополнять друг друга, поэтому представляется, что интеграционная задача для нас должна рассматриваться как *многовекторная*, ведь сотрудничество с разными образовательными системами не подразумевает обязательного выбора одной из них. Вместе с тем на данном этапе в качестве приоритетной следует определить интеграцию европейскую.

Кратко характеризуя данное интеграционное направление, отметим, что в его основе лежат требования Болонской декларации [2] и последующих документов (Пражское коммюнике 2001 г., Берлинское коммюнике 2003 г., Бергенское коммюнике 2005 г., Левенское коммюнике 2009 г. и др.) [3]. Главными требованиями этих документов являются реализация трехступенчатой модели высшего образования (бакалавриат, магистратура, докторантура), установление европейской системы трансфера кредитов (*European Credit Transfer System*),

обеспечение мобильности студентов и преподавателей, а также серия более частных и конкретных требований, как например: утверждение приложения к диплому, демократичность структуры высшего образования, наличие гибких образовательных траекторий, создание системы непрерывного образования и др.

Выделим ряд аргументов в пользу европейского направления интеграции. Европейское пространство высшего образования (ЕПВО) уже создано, оно организовано и функционирует на основе определенных принципов. Можно обсуждать их значимость и перспективность для нас, но они по большей части реализованы, и мы имеем в Европе достаточно сформировавшуюся образовательную структуру. То есть там уже есть основа, на которую можно опираться при принятии нами как формальных, так и содержательных решений. Что же касается евразийского образовательного пространства, то на сегодня оно еще в достаточной мере не оформлено.

Вторым аргументом в пользу европейской образовательной интеграции является то, что наша страна подписала документы о присоединении к ЕПВО в мае 2015 г. в Ереване [4]. Это означает, что нами взяты обязательства по реализации болонских соглашений, которые необходимо исполнять. На это было отмерено три года, как того требовали условия дорожной карты [5–7]. Эти обязательства, к сожалению, оказались не выполнены, поэтому мы серьезно отстаем от остальных стран в продвижении в ЕПВО. Нам дали еще два года (до 2020 г.) с сохранением нашего нынешнего статуса в нем [8]. И теперь в течение этого срока мы обязаны, формально ли, содержательно ли, привести, или реформировать, или адаптировать (в зависимости от разработанной концепции высшего образования и способов ее реализации) наше образование к болонским стандартам. Это составляет сущность третьего аргумента приоритетности европейского направления на современном этапе. Отставая, мы довольно сильно ограничиваемся во времени, поэтому необходимо срочно определиться со стратегией, путями и способами преобразований.

Четвертый, очень важный аргумент состоит в том, что все наши соседи находятся в болонском пространстве. Но даже дело не в том, что мы являемся белым пятном на карте ЕПВО, а в том, что все страны ЕАЭС сами находятся в этом пространстве и их системы образования развиваются в русле европейских стандартов. В связи с этим может возникнуть вопрос: а что же тогда это такое – евразийское пространство высшего образования, если оно тоже строится на базе болонских принципов?

Пятым аргументом может служить историческая близость европейской и отечественной систем образования. Следует помнить, что система обра-

зования Российской империи, в состав которой мы в свое время входили, имеет европейские корни. Она в значительной степени была создана на основе немецкой системы и долгое время сохраняла, а в некотором смысле и до сих пор сохраняет ее основные черты [9].

Шестой аргумент касается наших конкретных приобретений в случае вступления в ЕПВО:

- сближение образовательных стандартов страны с нормативными документами европейских стран;
- обеспечение совместимости на европейском уровне различных образовательных институтов, научных степеней и званий;
- использование международных механизмов оценки, гарантий и контроля качества образования;
- поддержание идентичности профессиональной терминологии и языка, используемых в международной практике;
- усиление интеграции сфер науки, образования и производства;
- скоординированное проведение работы по обновлению образовательных программ с системой европейского высшего образования;
- привлечение передовых знаний и педагогических технологий в образовательный процесс;
- повышение престижа национальной системы образования;
- привлечение иностранных абитуриентов за счет международного признания белорусского образования;
- снижение оттока белорусских абитуриентов в иностранные УВО.

Еще одним, седьмым аргументом можно считать тот, что Болонский процесс направлен не только на создание в рамках ЕС единого образовательного пространства, но и на развитие единой экономики, рынка труда, формирование единой социальной и культурной среды. Единой – значит не единообразной, а функционирующей на основе общих положений и принципов. Беларусь – европейская страна, и, если рассматривать ее как часть Европы, необходимо учитывать этот фактор. Иначе говоря, интеграция нашего образования в европейское пространство связана с интеграцией Беларуси в Европу.

Таким образом, европейский вектор развития белорусского образования является не только перспективным, но и на данный момент приоритетным. Конечно, при этом должны выполняться определенные условия, о которых будет сказано ниже. Почему же тогда у руководства нашей страны нет желания активно включаться в Болонский процесс? Здесь имеется спектр как объективных, так и субъективных причин. Назовем некоторые из них.

С вхождением в Болонский процесс связаны возможные негативные последствия для нашей системы образования. Дело в том, что наряду со своими достоинствами, которые отмечали ряд авторов (см., например, [5; 10; 11]), в результате реализации идей Болонского процесса выявились и его недостатки. К ним можно отнести такие, например, как его некоторая незавершенность (несмотря на почти двадцатилетнее существование), обнаруживающиеся элементы унификации европейского образовательного пространства (что может привести к исчезновению уникальных, самобытных национальных образовательных систем), снижение качества образования (прежде всего на первой ступени, при вхождении в Болонский процесс, из-за уменьшения сроков обучения и сокращения учебных программ), трудности со студенческой и преподавательской мобильностью, отсутствие баланса на рынке труда, проблемы с финансированием УВО мероприятий по реализации этого процесса, излишняя коммерциализация образования и др.

Эти особенности мы должны учитывать при внедрении болонских стандартов в высшее образование Беларуси. Анализируя и суммируя результаты исследований системы высшего образования Беларуси в контексте Болонского процесса (см., например, [12–17]), отметим следующее. Принципы, цели и задачи Болонского процесса в целом имеют верную направленность и при правильной их реализации способны внести вклад в развитие нашего образования. Однако при этом в процессе интеграции в общее образовательное пространство могут возникнуть проблемы с сохранением национальных интересов и особенностей, обеспечением должного уровня качества образования, более интенсивным оттоком квалифицированных специалистов из республики в другие страны, увеличением финансовых затрат УВО, связанным с осуществлением болонских мероприятий, и др.

Кроме того, представители власти и определенная часть научно-педагогического сообщества отчасти справедливо считают, что еще не исчерпан имеющийся потенциал советской системы образования. Есть мнение, что в целом наше образование пока не хуже, чем на Западе.

Некоторые трудности связаны и с тем, что Болонский процесс требует серьезной демократизации системы образования на всех уровнях. В нашей же стране произошли обратные процессы и имеют место централизация, жесткий контроль и управление данной системой, и этот принцип популярностью не пользуется.

Болонский процесс зачастую рассматривается со стороны его выгоды в финансовом плане – как способ получения денег от притока иностранных студентов. Поскольку же затраты на вхождение в него в настоящее время сопоставимы с прибылью,

а с точки зрения руководства страны, даже превышают ее, этим реформам полного хода не дается.

У значительной части управленцев и некоторых белорусских исследователей Болонского процесса существуют также опасения, связанные с тем, что в результате реализации болонских принципов мы будем терять кадры в ЕС. Можно сказать, что это вряд ли окажется серьезной проблемой, особенно на фоне нынешних несопоставимых потерь (и их неутешительных перспектив) нашего кадрового потенциала в России.

Указанные проблемы требуют поиска путей и способов их решения. Что касается национальных интересов, то уместно вспомнить определение Дж. Дьюи, которое философски отражает сущность образования как передачу культурного опыта от поколения к поколению [18]. Думается, что если мы будем исходить именно из этого принципа, руководствуясь интересами нашей страны и учитывая вместе с тем болонские требования, то наши цели, задачи и интересы вполне могут быть соблюдены в рамках европейского образовательного пространства. Насильно подгонять нас под образовательные системы тех или иных стран, если мы только сами не выберем их путь, никто не будет. Тем более что в Болонской декларации выделено право каждой страны на сохранение и приумножение национальных достижений и традиций в процессе реформирования своего образования.

Профессор Л. Г. Титаренко выражает довольно распространенное в нашей управленческой и образовательной среде мнение о том, что нас в Европе в сфере образования никто не ждет. Это верно. С образованием, которое не имеет конкретной направленности, концептуальности, оформленности, в котором отсутствуют некоторые ценные с точки зрения европейского образования свойства (в частности, научно-исследовательский компонент, практическая направленность), которое не согласовано ни по структуре, ни по качеству, ни по содержанию, ни по формальным признакам с образованием европейским, нас в Европе никто не ждет. Ждут развитое, качественное, современное образование, направленное в будущее, причем в этом случае формальные критерии для Европы будут уже не так важны, а значит, легко достижимы.

Наша цель заключается в том, чтобы взять лучшие результаты разных стран, переработать их и получить на выходе собственную устойчивую, адаптивную и перспективную систему образования. Принципами, на которые в этом деле можно опираться, являются следующие:

- многовекторность с европейским приоритетом на данном этапе;
- качество образования;
- учет передовых достижений разных образовательных систем;

- ориентация образования на национальные интересы;
- направленность современности на перспективу;
- обеспечение сопоставимости организационных, учебно-методических, содержательных аспектов образования в нашей стране и странах болонского пространства.

Лариса Григорьевна в своей работе указывает на различие целей и задач европейского и отечественного образования. Видимо, здесь имеется в виду различие между единообразием европейского образования, его нацеленностью на ЕС и национальными особенностями и интересами образования отечественного. То, как зачастую реализуется Болонский процесс в разных странах, позволяет признать справедливость этого утверждения. Однако если основываться на его основополагающих принципах, то цели и задачи Беларуси и стран ЕПВО сходны: они заключаются в том, чтобы сделать образование качественным, отвечающим современным требованиям общества и личности, адаптированным их возможностям, отвечающим международ-

ным требованиям. Вопросы здесь могут возникать только в отношении того, какие способы и методы реализации этих целей будут использоваться.

Болонский подход к реформированию образования не лишен недостатков, но это единственный на сегодня наиболее развитый интеграционный процесс. С ним следует считаться, в него нужно включаться, его стоит совершенствовать хотя бы на примере национального образования, ведь оно тоже имеет комплекс серьезных проблем, которые можно решать, используя в том числе возможности Болонского процесса. Поэтому магистральный путь, который нам следует выбрать, требует мобилизовать и мотивировать научный, педагогический, управленческий потенциал страны на решение задач реального, позитивного, перспективного реформирования отечественного образования на основе собственных традиций и с учетом достижений мировой науки и практики с целью занять достойное место в мировой образовательной системе, решая при этом внутренние проблемы социального, культурного, экономического и политического развития страны.

Библиографические ссылки

1. Титаренко ЛГ. Современные интеграционные процессы в сфере высшего образования: предпосылки, закономерности, перспективы. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;1:82–90.
2. Болонская декларация. Зона европейского высшего образования. Совместное заявление европейских министров образования, г. Болонья, 19 июня 1999 г. [дата обращения: 27.03.2018]. URL: <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/inter/bologna/>.
3. Болонский процесс [дата обращения: 27.03.2018]. URL: <http://www.ond.vlaanderen.be/hogeronderwijs/bologna/>.
4. Беларусь принята в Болонский процесс решением министров образования стран общеевропейского пространства [дата обращения: 27.03.2018]. URL: <http://www.belta.by/society/view/belarus-prinjata-v-bolonskij-protsess-resheniem-ministrov-obrazovaniya-stran-evropy-2856-2015>.
5. Кислицын КН. Болонский процесс как проект для Европы и для России. *Знание. Понимание. Умение*. 2010;11 [дата обращения: 27.03.2018]. URL: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/11/Kislitsyn/>.
6. Support for the Belarus roadmap: draft final report [cited 2018 March 27]. Available from: http://www.ehea.info/media.ehea.info/file/2018_Paris/72/3/MEN_conf-EHEA_AG2_03_950723.pdf.
7. Дорожная карта для Беларуси [дата обращения: 27.03.2018]. URL: <http://ag2.bsu.by/ru/main.aspx?guid=4031>.
8. Республика не успела реализовать все пункты «дорожной карты» по вступлению в Болонский процесс в срок [дата обращения: 30.05.2018]. URL: <https://sputnik.by/education/20180528/1035679817/reformy-vysshego-obrazovaniya-do-2020-goda-potrebovali-ot-belarusi.html>.
9. Степашко ЛА. *Философия и история образования*. Москва: Московский психолого-социальный институт; 2003. 320 с. Совместное издание с «Флинта».
10. Байденко ВИ. Болонский процесс: современный этап. *Высшее образование в России*. 2015;10:52–60.
11. Байденко ВИ, Селезнёва НА. Нынешний раунд Болонского процесса: сохранение оптимизма. И немного о российском... (Статья 1). *Высшее образование в России*. 2017;10:94–108.
12. Николайчик Э. Беларусь и Болонский процесс: между формальными обязательствами и реальными потребностями [дата обращения: 27.03.2018]. URL: <http://liberalclub.biz/analytics/education/external-articles/belarus-i-bolonskiy-process-mezhdu-formalnymi-obyazatelstvami-i-realnymi-potrebnostyami>.
13. Можейко В. Беларусь и Болонский процесс: реальные плюсы и минусы Европейского пространства высшего образования [дата обращения: 27.03.2018]. URL: <http://liberalclub.biz/analytics/education/memorable-notes/belarus-i-bolonskiy-process-realnye-plyusy-i-minusy-evropeyskogo-prostranstva-vysshego-obrazovaniya>.
14. Болонский процесс: возможные позитивные и негативные последствия от присоединения к нему Республики Беларусь: решение Республиканского совета ректоров высших учебных заведений [дата обращения: 27.03.2018]. URL: http://mspu.by/files/ehea/reshenie_SRRB_10062009.doc.
15. Ветохин СС, Граблевский ОВ, Дунаев ВА, Лаврухин АВ, Савко ЕО. *Болонский процесс как путь модернизации системы высшего образования Беларуси*. Минск: Медисонт; 2014. 67 с.
16. Спасюк Е. Образование в Беларуси: одной ногой в Болонском процессе, другой в СССР [дата обращения: 27.03.2018]. URL: <https://www.opendemocracy.net/od-russia/alena-spasjuk/belarus-mejdu-bolonskim-processom-sssr>.
17. Царенок ТС. Проблемы и перспективы вступления Республики Беларусь в Болонский процесс. В: *Сборник работ 69-й научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета, в 3 частях; 14–17 мая 2012 г.; Минск, Беларусь. Часть 3* [дата обращения: 27.03.2018]. URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/103799/1/165-169.pdf>.
18. Дьюи Дж. *Демократия и образование*. Москва: Педагогика-Пресс; 2000. 384 с.

References

1. Titarenko LG. Modern integration processes in the sphere of higher education: prerequisites, regularities, perspectives. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;1:82–90. Russian.
2. The Bologna Declaration: Joint Statement of the European Ministers of Education, Bologna, 1999 June 19 [cited 2018 March 27]. Available from: <http://www.russia.edu.ru/information/legal/law/inter/bologna/>. Russian.
3. Bologna process [cited 2018 March 27]. Available from: <http://www.ond.vlaanderen.be/hogeronderwijs/bologna/>. Russian.
4. Belarus is admitted to the Bologna process by the decision of the Ministers of Education of the countries of the European Higher Education Area [cited 2018 March 27]. Available from: <http://www.belta.by/society/view/belarus-prinjata-v-bolonskij-protsess-resheniem-ministrov-obrazovaniya-stran-evropy-2856-2015>. Russian.
5. Kislicyn KN. The Bologna process as a project for Europe and for Russia. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2010;11 [cited 2018 March 27]. Available from: <http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2010/11/Kislitsyn/>. Russian.
6. Support for the Belarus roadmap: draft final report [cited 2018 March 27]. Available from: http://www.ehea.info/media.ehea.info/file/2018_Paris/72/3/MEN_conf-EHEA_AG2_03_950723.pdf.
7. Belarus Roadmap For Higher Education Reform [cited 2018 March 27]. Available from: <http://ag2.bsu.by/ru/main.aspx?guid=4031>. Russian.
8. The Republic did not manage to implement all the points of the Road map on accession to the Bologna process on time [cited 2018 May 30]. Available from: <https://sputnik.by/education/20180528/1035679817/reformy-vysshego-obrazovaniya-do-2020-goda-potrebovali-ot-belarusi.html>. Russian.
9. Stepashko LA. *Filosofiya i istoriya obrazovaniya* [Philosophy and history of education]. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute; 2003. 320 p. Co-edition with «Flinta». Russian.
10. Bajdenko VI. Bologna process: the modern stage. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher educational in Russia]. 2015;10:52–60. Russian.
11. Bajdenko VI, Selezneva NA. Today's round of the Bologna process: continued optimism. And a little bit about Russian... (Paper 1). *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher educational in Russia]. 2017;10:94–108. Russian.
12. Nikolajchik E. Belarus and the Bologna process: between formal obligations and real needs [cited 2018 March 27]. Available from: <http://liberalclub.biz/analytics/education/external-articles/belarus-i-bolonskiy-process-mezhdu-formalnymi-obyazatelstvami-i-realnymi-potrebnostyami>. Russian.
13. Mozhejko V. [Belarus and the Bologna process: the real pluses and minuses of the European Higher Education Area] [cited 2018 March 27]. Available from: <http://liberalclub.biz/analytics/education/memorable-notes/belarus-i-bolonskiy-process-realnye-plyusy-i-minusy-evropeyskogo-prostranstva-vysshego-obrazovaniya>. Russian.
14. The Bologna process: possible positive and negative consequences from the accession of the Republic of Belarus to it: decision of the Republican council of rectors of Higher Educational Institutions [cited 2018 March 27]. Available from: http://mspu.by/files/ehea/reshenie_SRRB_10062009.doc. Russian.
15. Vetokhin SS, Grablevskii OV, Dunaev VA, Lavrukhin AV, Savko EO. *Bolonskii protsess kak put' modernizatsii sistemy vysshego obrazovaniya Belarusi* [The Bologna process as a way to modernize the system of higher education in Belarus]. Minsk: Medisont; 2014. 67 p. Russian.
16. Spasjuk E. Education in Belarus: one foot in the Bologna process, the other – in the USSR [cited 2018 March 27]. Available from: <https://www.opendemocracy.net/od-russia/alena-spasjuk/belarus-mejdu-bolonskim-processom-sssr>. Russian.
17. Carenok TS. [Problems and prospects of Belarus' accession to the Bologna process]. In: *Sbornik rabot 69-i nauchnoi konferentsii studentov i aspirantov Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta, v 3 chastyakh; 14–17 maya 2012 g.; Minsk, Belarus'. Chast' 3* [Collection of works of the 69th scientific conference of students and postgraduate students of the Belarusian State University, in 3 parts; 2012 May 14–17; Minsk, Belarus. Part 3] [cited 2018 March 27]. Available from: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/103799/1/165-169.pdf>. Russian.
18. Dewey J. *Demokratiya i obrazovanie* [Democracy and education]. Moscow: Pedagogika-Press; 2000. 384 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 14.05.2018.
Received by editorial board 14.05.2018.

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК 316.334.23(476)

ВЫНУЖДЕННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Т. В. КУЗЬМЕНКО¹⁾

¹⁾Институт экономики Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Проанализированы факторы, оказывающие влияние на мотивацию предпринимательской деятельности. На материалах эмпирических исследований рассмотрены особенности вынужденного предпринимательства и связанные с ним социальные риски и пути их преодоления, выявлены противоречия между относительной легкостью открытия и регистрации бизнеса и отсутствием инструментария и навыков осуществления дальнейшей хозяйственной деятельности у вынужденных предпринимателей. Обоснована идея о том, что вынужденный характер предпринимательской деятельности не может выступать стимулом инновационных преобразований, а для превращения предпринимательства в фактор экономического роста необходимы условия, способствующие не только увеличению количества малых предприятий, но и их эффективному развитию. В качестве важнейших направлений развития предпринимательства предлагается рассматривать стимулирование добровольного предпринимательства, переориентацию инструментов поддержки с финансовых на обучающие, создание эффективной системы делового образования.

Ключевые слова: предпринимательство; малый бизнес; вынужденное предпринимательство; добровольное предпринимательство; предпринимательская активность; институциональная среда; мотивация предпринимательской деятельности; адаптация.

Образец цитирования:

Кузьменко ТВ. Вынужденное предпринимательство: проблемы и пути их преодоления. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;3: 110–117.

For citation:

Kuzmenko TV. Necessity entrepreneurship: problems and ways to overcome them. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;3:110–117. Russian.

Автор:

Татьяна Викторовна Кузьменко – кандидат социологических наук; ведущий научный сотрудник.

Author:

Tatyana V. Kuzmenko, PhD (sociology); leading researcher. socio@tut.by

NECESSITY ENTREPRENEURSHIP: PROBLEMS AND WAYS TO OVERCOME THEM

T. V. KUZMENKO^a

^a*Institute of Economics, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

The factors that influence the motivation of entrepreneurial activity are analyzed in the article. On the materials of empirical research, the features of necessity entrepreneurship and the associated social risks and ways to overcome them are considered. The contradictions between the relative ease of opening and registering a business and the lack of tools and skills for carrying out further economic activities for necessity entrepreneurs are revealed. The idea that the forced nature of entrepreneurial activity can't serve as an incentive for innovative transformations, and the transformation of entrepreneurship into a factor of economic growth requires conditions that contribute not only to increasing the number of small enterprises, but also to their effective development is justified. As the most important directions for the development of entrepreneurship, it is proposed to stimulate voluntary entrepreneurship, to reorient support tools from financial to training, to create an effective system of business education.

Key words: entrepreneurship; small business; necessity entrepreneurship; voluntary entrepreneurship; business activity; institutional environment; motivation of entrepreneurial activity; adaptation.

Существует мнение, согласно которому развитие малого и среднего бизнеса – основной катализатор интенсивного экономического роста. Обладая большей гибкостью и мобильностью, оперативно реагируя на изменения конъюнктуры рынка, предпринимательский сектор обеспечивает необходимую адаптацию к часто меняющимся рыночным условиям, формирует конкурентную среду. Именно малые формы предпринимательства вносят существенный вклад в рост производительности во многих странах мира. С развитием частного сектора связывается возможность достижения социального здоровья. Малый бизнес рассматривается в качестве опоры гражданского общества, источника сохранения и поддержания социальной стабильности. Подчеркивается, что чем больше людей занимаются или хотя бы планируют заняться предпринимательством, тем больше у страны шансов на развитие и прогресс.

Государство и общество возлагают серьезные ожидания на роль начинающего предпринимательства в уменьшении безработицы и создании новых рабочих мест в условиях снижения занятости на государственных предприятиях. В первую очередь это касается малых населенных пунктов и сельской местности. Служба занятости всячески поддерживает бизнес-инициативы безработных путем оказания консультативной, методической помощи в организации своего дела, а также финансовой поддержки в виде субсидий. На основании Положения о содействии безработным в организации предпринимательской деятельности, деятельности по оказанию услуг в сфере агротуризма, ремесленной деятельности, утвержденного постановлением Совета Министров от 7 марта 2008 г. № 342, безработным, испытывающим сложности с трудоустройством на вакансии и имеющим инициативу создать свой бизнес, предоставляется единовременное государственное денежное по-

сobie в размере 11-кратной величины бюджета прожиточного минимума. Мероприятия по вовлечению незанятых в предпринимательский сектор включают прохождение курсов «Основы предпринимательской деятельности», где учат азам предпринимательства и составлению бизнес-планов. Подпрограммой «Содействие занятости населения» Государственной программы о социальной защите и содействии занятости населения на 2016–2020 гг. предусматривается оказание такой помощи как минимум 9,2 тыс. безработных [1].

Вместе с тем формирующуюся бизнес-среду необходимо рассматривать не только исходя из количества зарегистрированных малых предприятий и индивидуальных предпринимателей, но и с точки зрения ее качественных параметров, которые в значительной степени определяются характеристиками мотивационной среды. Поскольку мотивация является одним из ключевых условий успешного экономического развития, объективно оценить функционирование частного сектора, его перспективы и вероятные социальные и экономические риски возможно, только отвечая на вопросы о том, кто приходит в малый бизнес и почему люди выбирают карьеру предпринимателя.

В основе решения заняться бизнесом могут быть самые разные причины: желание повысить доход, неудовлетворенность работой по найму, стремление самореализоваться или воплотить в жизнь интересную идею, изменение жизненных обстоятельств и т. п. Главная роль в иерархии предпринимательских целей так или иначе принадлежит экономическим мотивам, стремлению извлечь выгоду. Прибыль выступает и источником дохода, и необходимым условием для дальнейшего развития компании, и показателем профессионализма предпринимателя, критерием его успешности, определяющим социальное признание и деловую репутацию.

Однако стремление к деньгам может приобретать иное значение, когда открытие своего дела является вынужденной мерой. В литературе выделяют «толкающие» и «тянущие» факторы предпринимательской деятельности (*push and pull factors*) [2; 3]. «Тянущие» факторы предполагают свободный и осмысленный выбор занятия бизнесом в целях обретения независимости, самореализации, профессиональных достижений, социального статуса, власти [3, с. 26]. В роли «толкающих» факторов могут выступать неимение других возможностей для получения дохода или неудовлетворенность работой, заработной платой, отсутствием перспективы карьерного роста, условиями или графиком работы. В структуре предпринимательской деятельности не может быть единичных мотивов в чистом виде, поскольку любая человеческая деятельность – это результат взаимодействия многих разных по содержанию и побудительной силе устремлений. В то же время выделение доминирующих или ключевых мотивационных факторов позволяет говорить о двух типах предпринимателей: «добровольных» (предпринимателях «по возможности») и «вынужденных» (предпринимателях «по необходимости») [3–6]. Для первых открытие своего дела – это осознанный карьерный выбор, основанный на внутренней потребности быть предпринимчивым, а также на рациональной оценке своих личных и материально-финансовых ресурсов и видении открывающихся возможностей и преимуществ от занятия бизнесом [5, с. 2]. В основе мотивационного механизма предпринимательства «по возможности» лежит нацеленность на достижение профессиональной и творческой самореализации. Представители данной группы чаще всего удовлетворены своим уровнем жизни и оплатой труда, характеризуются более высоким уровнем образования и обширной сетью социальных связей [3, с. 27]. Уход в бизнес для них, как правило, обусловлен ограниченными возможностями для профессионального и служебного роста и реализации собственных идей, знаний и опыта в рамках работы по найму. Привлекательность нового бизнеса определяется сложностью и разнообразием решаемых задач, возможностью проверить профессиональные способности и раскрыть свой потенциал.

Для предпринимателей «по необходимости» причинами для открытия своего дела, напротив, становятся негативные стимулы: неудовлетворенность работой, карьерными перспективами, увольнение или угроза потерять работу и доход, падение статуса и престижа профессии. По оценкам исследователей, именно эти факторы характерны для двух третей начинающих предпринимателей [3; 6; 7]. Для них занятие бизнесом – это прежде всего возможность справиться с материальными трудностями: по данным российских социологов,

среди желающих открыть фирму значительная часть характеризует свое материальное положение как плохое, часто встречаются лица, в семье которых есть нетрудоспособные (безработные, тяжелобольные или инвалиды) [3, с. 27].

Рост вынужденной предпринимательской активности служит реакцией на кризисные явления в экономике, когда открытие своего дела может выступать своеобразным «социальным трамплином», позволяющим компенсировать утрату привычных способов существования. Американские исследователи (С. Прейс, П. Джонсон, А. Дарнелл) эмпирически обосновали снижение доли малого бизнеса в занятости и объемах производства в периоды устойчивого экономического роста и увеличение данного показателя при повышении уровня безработицы [6, с. 121]. Обратная связь между уровнем экономического развития и предпринимательской активностью подтверждается и выводами крупнейшего межстранового исследовательского проекта «Глобальный мониторинг предпринимательства» (*Global Entrepreneurship Monitor, GEM*), в рамках которого установлено, что доля вынужденного предпринимательства снижается по мере роста ВВП [4; 7]. Достижение макроэкономической стабильности способствует развитию крупных компаний, предоставляющих привлекательные условия занятости для наемных работников: высокую оплату труда, гарантии, социальные льготы. Доступность рабочих мест с высокими доходами обуславливает стремление большинства людей, не склонных к риску и предпринимательству, сохранять существующие социальные и профессиональные позиции в качестве работников по найму. С другой стороны, в ситуации благополучия потребности в людях с предпринимательскими наклонностями и инновациях ограничены. Все это ведет к снижению темпов развития малого и среднего бизнеса. Соответственно, спад предпринимательской активности в странах с низким уровнем доходов, если он сопровождается экономическим ростом, социальной и политической стабильностью, может считаться положительной тенденцией [8].

В странах с невысокими показателями ВВП на душу населения структура экономики характеризуется доминированием большого количества малых предприятий. В условиях экономического спада крупные компании сталкиваются с необходимостью поиска новых хозяйственных возможностей, технологического и структурного обновления и снижения издержек, в том числе за счет сокращения сотрудников и ухудшения условий трудового найма. Для многих работников, оказавшихся перед угрозой увольнения и снижения доходов, это является толчком к занятию предпринимательством, в результате чего количество новых фирм растет. Угроза безработицы и перенасыщенность

определенных сегментов рынка труда стали причинами новой волны предпринимательства в США в 1970–80-х гг.: около четверти основателей малых фирм были безработными [6, с. 119–120]. Страновой анализ в рамках проекта *GEM* показывает, что вынужденное предпринимательство менее распространено в государствах с развитой системой социальной защиты [9, с. 178].

Таким образом, уровень экономического развития страны определяет структуру мотивации предпринимательства – соотношение вынужденных и добровольных предпринимателей. В странах с низкими показателями экономического развития предпринимательская активность населения в большей степени обусловлена невысокими доходами и отсутствием альтернативных возможностей трудоустройства, нежели стремлением реализовать инновационные бизнес-идеи. Очевидно, вынужденный характер предпринимательской деятельности не может выступать стимулом инновационных преобразований экономики и общества. Ввиду этого особую актуальность приобретает рассмотрение категории вынужденного предпринимательства и связанных с ней социальных рисков и путей их преодоления.

В целях изучения предпринимательской активности населения и факторов развития малого бизнеса в Беларуси научно-исследовательской группой по проведению социологической экспертизы объектов интеллектуальной собственности и экономико-правовых отношений под руководством доктора философских наук Р. А. Смирновой (Институт экономики НАН Беларуси) в 2017 г. было проведено исследование «Развитие малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь». Исследовательский проект включал республиканский опрос населения (1219 человек, выборка репрезентативна по полу, возрасту, типу населенного пункта) и опрос предпринимателей (118 представителей малого бизнеса по республиканской выборке). Сравнительный анализ с данными других исследований фиксирует рост интереса к предпринимательской деятельности. Так, по данным Института социологии НАН Беларуси, в 2016 г. 23,3 % жителей республики хотели заниматься бизнесом, 55,5 % – не хотели [10]. В 2017 г. по результатам опроса уже 30,8 % выразили желание создать свое дело, 48,9 % не проявили заинтересованности. И хотя далеко не все, кто проявляет интерес к предпринимательству, осуществляют конкретные шаги к открытию собственного дела и тем более доходят до стадии создания собственного бизнеса, указанная тенденция является отражением роста предпринимательской активности населения. Во многом он обусловлен улучшением институциональных условий для ведения бизнеса. Результаты исследований убедительно доказывают, что регулятивные, норматив-

ные и когнитивные факторы институциональной среды напрямую влияют на структуру мотивации предпринимательской деятельности [7]. С другой стороны, существующая тенденция сокращения рабочих мест в государственном секторе и недостаточный выбор вариантов занятости с высокой заработной платой выступают толкающими факторами выбора в пользу начала бизнеса. По данным Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, субсидию на открытие собственного дела в 2016 г. получили 1810 безработных, в 2017 г. – 1845 [11].

Результаты опроса представителей малого бизнеса показали, что в структуре основных мотивов предпринимательства равнозначны экономические факторы и желание быть свободными в работе. В частности, среди ответов на вопрос: «Почему Вы занялись предпринимательской деятельностью?» – лидируют позиции: «Хотел заработать денег» и «Хотел быть свободным в своей работе, надоело быть наемным работником» (по 55,2 %). В то же время сравнительный анализ ответов молодых предпринимателей, чей бизнес существует менее 5 лет, и владельцев уже устоявшегося бизнеса с опытом более 5 лет свидетельствует о росте предпринимательства «по необходимости». Если для опытных бизнесменов наиболее значимыми причинами открытия своего дела выступили желание быть свободными в работе (69 %), стремление реализовать себя и заниматься творческой предпринимательской деятельностью (по 37,9 %), то молодые предприниматели указывали эти факторы в 1,5–2 раза реже, а главной побудительной причиной для них стало желание заработать (55,2 %).

В случае успешного развития бизнеса вторая категория предпринимателей переходит в ряды состоявшихся бизнесменов. В то же время результаты многочисленных исследований свидетельствуют о том, что лица, занявшиеся предпринимательством в целях поиска источника дохода и самозанятости, а не руководствуясь деловыми мотивами, часто не готовы к сопутствующим роли бизнесмена изменениям и с большей вероятностью сталкиваются с проблемами адаптации [2; 5]. А при изменении условий ведения бизнеса (налогообложение, повышение арендных ставок и т. п.), еще не успев адаптироваться к прежней ситуации, они неизбежно оказываются в категории риска. К особенностям предпринимателей «поневоле» относят скромные амбиции в отношении роста, низкие доходы и малую вероятность выживания предприятия [5, с. 3].

Смена позиции наемного работника на статус предпринимателя предполагает кардинальные перемены в образе жизни. Начало собственного дела сопряжено с ненормированным, чаще всего длительным, рабочим временем, самоэксплуата-

цией в сочетании с относительно невысокими, нерегулярными доходами и большой вероятностью потерпеть фиаско. Навыки, необходимые для хороших работников по найму, не имеют ничего общего с теми навыками и качествами, которые требуются, чтобы стать бизнесменом. Предпринимательская деятельность предполагает склонность к риску и инновациям, интеллектуальные способности, выносливость и упорство. По мнению ученых, даже в стабильных социально-экономических условиях способностью к предпринимательской деятельности и возможностью ее реализовать обладает не более 5–7 % трудоспособного населения [12]. Большинство людей не имеют «врожденных» предпринимательских качеств, предпочитая жить пусть беднее, зато с гарантированным уровнем дохода, без риска. По данным опроса населения 2017 г., 40,7 % жителей республики среди важнейших препятствий для занятия бизнесом указали отсутствие личных предпринимательских качеств. В то же время благодаря меньшим альтернативным расходам и финансовой поддержке государства риски предпринимательской деятельности для безработных оказываются не столь существенными, и в случае провала представители данной категории предпринимателей теряют меньше. Это может привести к необъективному восприятию рисков и чрезмерной самоуверенности в отношении своих предпринимательских способностей. Однако и для тех, кто невысоко оценивает свои возможности для занятия бизнесом и предпочитает стабильность наемного труда, и для тех, кто, напротив, переоценивает свои силы, высока вероятность таких последствий, как неудовлетворенность трудом, банкротство предпринимательской структуры либо преобладание пассивной формы стратегии выживания. Если предприниматели «по возможности» ориентированы в большей степени на рост и инновационность, то бизнесмены «по необходимости» – на желание выжить. Скромные притязания представителей данной группы обусловлены и тем, что такие предприниматели часто рассматривают свое новое социальное положение как имеющее временный, ситуационный характер.

Особую сложность для «вынужденных» начинающих предпринимателей составляет поиск источников финансирования. Они, как правило, не готовы к значительным вложениям, большинству не под силу основать предприятие без финансовой поддержки. Помощь государства имеет для них существенное, а порой критическое значение. Компании с ограниченными денежными возможностями не имеют достаточных резервов для преодоления трудностей. Выделенной субсидии хватает только на первое время, а согласно положению об их предоставлении в случае неудачи и закрытия фирмы на протяжении первого года работы биз-

несмен обязан вернуть всю сумму государственной помощи в течение недели. Кроме того, необходимые для начала бизнеса оборудование, инструмент и услуги за субсидию могут приобретаться только на территории Республики Беларусь. Вследствие незначительного начального капитала и дефицита инвестиционных средств страдают скорость ввода в действие предприятия, уровень и качество предпринимательской активности и вероятность выживания в целом. В перспективе рост числа вынужденных предпринимателей, не имеющих опыта, знаний, квалификации и необходимых финансовых средств, с высокой вероятностью повлечет рост числа заемщиков и увеличение количества проблемных кредитов. Такая ситуация может привести к тому, что в целях компенсации кредитных рисков банки будут вынуждены поднимать ставки, что, в свою очередь, скажется на развитии действующего бизнеса.

Начинающие предприниматели часто приходят в сферы с жесткой конкуренцией и низкими барьерами входа, в сегменты малого бизнеса, которые находятся в зоне риска, например в сферу торговли с постоянно меняющейся конъюнктурой рынка и нарастающими тенденциями монопольного характера, образования ритейловых сетей и сетевых торговых комплексов. Кроме того, из-за низкого платежеспособного спроса сужаются рынки сбыта: люди меньше пользуются товарами и услугами не первой необходимости. Экономические и конкурентные риски предпринимательской деятельности во всем мире приводят к тому, что в первые три года своего существования разрушаются многие бизнесы. В США, где ежегодно открываются тысячи новых фирм, в первые пару лет разоряются до 75–80 % новых малых предприятий. В случае провала для тех, кто занялся бизнесом по призванию, приобретенный опыт с большой вероятностью станет основой для реализации новой предпринимательской идеи. Большинство же предпринимателей «по необходимости», которые не смогли адаптироваться к новому виду деятельности, скорее всего, обеспечат новый приток безработных на рынок труда. Одним из рисков в сфере занятости является и потеря квалифицированных кадров в результате перехода подготовленных и обученных сотрудников организаций и предприятий (в том числе производственных) в сферы, где полученное образование и профессиональная подготовка оказываются невостребованными, например в розничную торговлю.

К возможным негативным последствиям вынужденного предпринимательства относятся также маргинализация социальной структуры и связанные с ней риски социальных потрясений. По социальному происхождению, располагаемым ресурсам, мотивам и моделям взаимодействия предпри-

нимательский слой формируется как принципиально неоднородный. Наличие внутри его ядра и периферии определяется разной степенью выраженности показателей групповой принадлежности – объективных (имеющиеся ресурсы, отношение к собственности, общность социальных интересов, социальный статус), субъективных (степень групповой самоидентификации, солидарность, уровень доверия) и культурно-символических (образ жизни, представления о норме жизни, ценности) [13]. Периферия предпринимательского сообщества представлена значительной частью бизнесменов «по необходимости», не являющихся в строгом смысле предпринимателями, и носит полумаргинальный характер.

Еще один фактор риска вынужденного предпринимательства – недостаточная профессиональная подготовка. Ситуация неопределенности и неустойчивости рыночной среды обязывает владельцев предприятий, независимо от масштабов деятельности, заниматься планированием и прогнозированием. В то же время бизнесменов, у которых есть ясная идея продукта или услуги до принятия решения открыть свое дело, в четыре раза меньше, чем тех, кто начинает бизнес, не имея подобной идеи [6, с. 119]. Добровольные предприниматели готовятся к открытию фирмы, как правило, в течение длительного времени, тщательно планируя, накапливая знания и опыт, собирая информацию и нужные контакты и тем самым используя лучшие возможности для бизнеса. Вынужденная предпринимательская деятельность в этом отношении находится в неблагоприятной ситуации: в силу внешних обстоятельств и необходимости быстрого поиска источника доходов вхождение в бизнес осуществляется в сжатые сроки. В результате у предпринимателей «поневоле» меньше времени для вступления в полезные социальные сети и получения необходимых компетенций.

Поддержка предпринимательской инициативы безработных со стороны Государственной службы занятости Республики Беларусь предполагает возможность получения базовых навыков для открытия фирмы или регистрации в качестве индивидуального предпринимателя: проводится информирование о порядке и условиях открытия своего дела, осуществляется направление в случае необходимости на профобучение, оказывается помощь в подготовке документов для получения субсидии. Одним из условий ее предоставления является прохождение курсов «Основы предпринимательской деятельности», где учат азам ведения бизнеса и составлению бизнес-планов. Однако для успешного развития нового предприятия необходимы более глубокие знания. Мелкие предприниматели, как правило, совмещают функции собственника, менеджера и исполнителя, поэтому они должны

обладать компетенциями в предметной сфере, уметь технически организовывать производственный процесс, иметь четкое представление о том, как им управлять, владеть базовыми познаниями в области экономики, менеджмента, маркетинга, быть в состоянии сопоставлять затраты и результаты, оценивать инвестиционный проект, применять современные подходы к внутрифирменному планированию.

Экономические и социальные ориентиры развития современного бизнеса определяются двумя взаимосвязанными аспектами – прибыльностью и направленностью на удовлетворение нужд потребителей. Важнейшим условием повышения доходности является умение приспосабливать номенклатуру и качество производимой продукции или оказываемых услуг к требованиям рынка и запросам клиентов. Борьба за предпочтения потребителей требует продвижения новых потребительских качеств, создание которых невозможно без инновационной идеи и творческого начала. Поэтому ключевые компетенции предпринимателя сегодня – это знания в области маркетинга и владение инструментами проведения активной маркетинговой политики и поиска новых рыночных сегментов. Рост числа начинающих вынужденных предпринимателей оказывает существенное влияние на потребительский рынок и характер потребительских практик. С одной стороны, появление новых фирм способствует расширению ассортимента товаров и услуг, усилению конкуренции и служит стимулом к повышению эффективности деятельности существующих бизнес-структур. С другой стороны, решая только проблемы выживания и не владея инструментами обеспечения клиентоориентированности, такие компании снижают общий уровень культуры потребления и деловой культуры, а также качество маркетинговой среды. Определенный риск для уже существующих бизнесов представляет и то, что не имеющие опыта новые игроки начинают ломать сложившиеся на рынке правила, демпинговать. При этом ни о сервисе, ни о высоком качестве продукции речи не идет.

Анализ возможных рисков развития вынужденной предпринимательской деятельности позволяет утверждать, что для превращения предпринимательства в фактор экономического роста необходимы условия, способствующие не только увеличению количества малых предприятий, но и их эффективному развитию. Это значит, что, помимо оптимизации организационных процедур начала собственного дела (возможность регистрации фирмы в течение дня, упрощение алгоритма постановки на учет в налоговом органе и Фонде социальной защиты населения Республики Беларусь, увеличение сроков для получения книги учета проверок и т. п.), необходимо снабдить начинающих

бизнесменов эффективными инструментами для дальнейшего развития. Государственной поддержки в виде субсидии на открытие хватает лишь на первое время, бесплатные курсы при службах занятости обучают только составлению бизнес-планов и процедурам прохождения регистрации, а дальше начинающий предприниматель остается один на один со своими трудностями. Низкий уровень продаж, отсутствие свободных средств для развития фирмы, взвинчивание цен поставщиками, неблагоприятное изменение регулирующих предписаний, неожиданные визиты инспекции, рост налогов, увеличение арендной платы, недовольные качеством обслуживания клиенты – лишь небольшой список из всего перечня проблем, с которыми ему приходится сталкиваться. По данным опроса 2018 г., проведенного Исследовательским центром Института приватизации и менеджмента, наиболее значимыми барьерами для развития бизнеса, по мнению представителей малого и среднего предпринимательства, выступают высокие ставки налогов (54,8 %), изменчивость законодательства, в том числе налогового (50,9 %), высокие процентные ставки (45,2 %), обременительные административные процедуры (43,3 %), неравные условия деятельности по сравнению с государственными предприятиями (36,9 %) [14]. В результате владельцы мелких бизнес-структур озабочены исключительно проблемой выживания и просто не видят, куда идти дальше и в каком направлении развиваться. После вовлечения вынужденных предпринимателей в коммерческую деятельность работа с данной категорией лиц (как и с представителями малого бизнеса в целом) носит формальный характер. Власти контактируют с ними, независимо от степени их подготовленности и предпринимательской квалификации, преимущественно при обнаружении нарушений. Вместе с тем ключевую роль в развитии и повышении качества бизнес-среды играет регулирование процессов предпринимательской адаптации.

Одним из векторов в этом направлении является переориентация инструментов поддержки с финансовых на обучающие и создание эффективной системы делового образования. Обучение предпринимателей предполагает особые технологии, включающие менторские услуги, разработку специализированных тренингов, доступных для малого бизнеса. При этом речь не идет о сплошном охвате населения бесплатными обучающими программами, однако, если хотя бы часть начинающих предпринимателей будут вооружены необходимыми знаниями, это повысит возможности выживания и успешность бизнесов. В то же время в качестве критериев оценки предпринимательского сектора и его вклада в экономическое и социальное развитие недостаточно ограничиваться только степенью выживания, цифрами прибыли и количеством созданных рабочих мест. Необходимо учитывать специфику начинающих предпринимателей, структуру мотивации и соотношение вынужденного и добровольного предпринимательства. Большое количество людей, втянутых в предпринимательскую деятельность по воле обстоятельств, не может быть показателем эффективной экономики. Тот факт, что по результатам республиканского опроса населения 2017 г. среди временно неработающих и безработных менее трети (30,2 %) опрошенных выражают желание заняться предпринимательской деятельностью, свидетельствует о том, что развитие малого бизнеса не стоит рассматривать в качестве панацеи в борьбе за повышение уровня занятости населения. Желание начинающих предпринимателей заниматься бизнесом осознанно, для реализации своих целей и возможностей, наличие амбиций роста, направленность на расширение масштабов деятельности, установки на продуктовые и процессные инновации формируют совершенно иное качество бизнес-среды. В связи с этим основной акцент должен сместиться в сторону поддержки добровольного предпринимательства.

Библиографические ссылки

1. Государственная программа о социальной защите и содействии занятости населения на 2016–2020 годы [дата обращения: 03.03.2018]. URL: <http://mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/files/Gosudarstvennaja-programma-na-2016-2020.pdf>.
2. Dawson C, Henley A. «Push» versus «pull» entrepreneurship: an ambiguous distinction? *International Journal of Entrepreneurial Behaviour & Research*. 2012;18(6):697–719. DOI: 10.1108/1355255121126819.
3. Чепуренко АЮ. Раннее предпринимательство в России: промежуточные результаты GEM. *Мир России. Социология. Этнология*. 2008;2:22–40.
4. Верховская ОР, Александрова ЕА, Богатырева КА, Джелепова МВ, Шмелева ЭВ. Глобальный мониторинг предпринимательства. Россия 2016–2017 [национальный отчет]. Санкт-Петербург: ВШМ СПбГУ; 2017. 66 с. [дата обращения: 08.04.2018]. URL: http://gsom.spbu.ru/files/docs/gem_russia_2016-2017.pdf.
5. Юргенсон А. Вынужденное предпринимательство в Эстонии: распространенность, проблемы и удовлетворенность предпринимателей. *Praxis*. 2010;2 [дата обращения: 06.04.2018]. URL: http://www.praxis.ee/fileadmin/tarmo/Projektid/Valitsemine_ja_kodanike%C3%BChiskond/VUEFvene_veebi/Vajadusettevotlus_Poliitikaanalueues_RU.pdf.
6. Радаев ВВ. *Экономическая социология*. Москва: Аспект Пресс; 1998. 368 с.
7. Александрова ЕА, Верховская ОР. Мотивация предпринимательской активности: роль институциональной среды. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 8, Менеджмент*. 2016;3:107–138.

8. Василенок ВЛ, Алексашкина ЕИ. Развитие предпринимательства и факторы, его определяющие. *Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент»*. 2013;1 [дата обращения: 02.10.2018]. URL: http://economics.itmo.info/ru/article/6983/razvitie_predprinimatelstva_i_faktory_ego_opredelyayushchie.htm.
9. Пиньковецкая ЮС, Катаев ЕН. Сравнительный анализ предпринимательской активности в экономически развитых странах. *Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Экономические науки*. 2014;4:172–182.
10. Сечко НН. Ориентация молодежи Беларуси на занятие предпринимательской деятельностью. *Научные труды Белорусского государственного экономического университета*. Минск: БГЭУ; 2017. Вып. 10. с. 641–647.
11. Реализация активных мер политики занятости [дата обращения: 03.03.2018]. URL: <http://www.mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/files/Realizatsiya-aktivnyx-mer-12.pdf>.
12. Верховская ОР, Дорохина МВ. Предпринимательская активность и потенциал предпринимательства в России (по материалам проекта «Глобальный мониторинг предпринимательства», 2006–2010 гг.). *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия «Менеджмент»*. 2011;4:68–99.
13. Смирнова РА. Социально-классовая структура белорусского общества: теоретико-методологический анализ. *Социологический альманах*. Минск: Беларуская навука; 2017. с. 365–373.
14. Состояние малого и среднего частного бизнеса в Беларуси в 2018 году. Результаты опроса. Аналитический обзор [дата обращения: 02.05.2018]. URL: <http://www.research.by/webroot/delivery/files/sr2018r02.pdf>.

References

1. State Program on Social Protection and Employment Promotion for 2016–2020 [cited 2018 March 3]. Available from: <http://mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/files/Gosudarstvennaja-programma-na-2016-2020.pdf>. Russian.
2. Dawson C, Henley A. «Push» versus «pull» entrepreneurship: an ambiguous distinction? *International Journal of Entrepreneurial Behaviour & Research*. 2012;18(6):697–719. DOI: 10.1108/1355255121126819.
3. Chepurenko AY. [Early Entrepreneurship in Russia: Intermediate Results of GEM]. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 2008;2:22–40. Russian.
4. Verkhovskaya OR, Aleksandrova EA, Bogatyreva KA, Dzhelepova MV, Shmeleva EV. [Global Entrepreneurship Monitor. Russia 2016–2017] [national report]. Saint Petersburg: VShM SPbGU; 2017. 66 p. [cited 2018 April 8]. Available from: http://gsom.spbu.ru/files/docs/gem_russia_2016-2017.pdf. Russian.
5. Jurgenson A. [Forced entrepreneurship in Estonia: prevalence, problems and entrepreneurs' satisfaction]. *Praxis*. 2010;2 [cited 2018 April 6]. Available from: http://www.praxis.ee/fileadmin/tarmo/Projektid/Valitsemine_ja_kodanike%C3%BCchiskond/VUEFvene_veebi/Vajadusettevotlus_Poliitikaanalueues_RU.pdf. Russian.
6. Radaev VV. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic sociology]. Moscow: Aspect Press; 1998. 368 p. Russian.
7. Alexandrova EA, Verkhovskaya OR. Motivation of entrepreneurial activity: the role of the institutional environment. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 8, Menedzhment* [Vestnik of the Saint Petersburg State University. Series 8, Management]. 2016;3:107–138. Russian.
8. Vasilyonok VL, Aleksashkina EI. Development of business and its factors defining. *Nauchnyi zhurnal NIU ITMO. Seriya «Ekonomika i ekologicheskii menedzhment»* [Scientific journal of NIIT ITMO. Series «Economics and environmental management»]. 2013;1 [cited 2018 October 2]. Available from: http://economics.itmo.info/ru/article/6983/razvitie_predprinimatelstva_i_faktory_ego_opredelyayushchie.htm. Russian.
9. Pinskovetskaya YS, Kataev EN. Comparative analysis of entrepreneurial activity in economically developed countries. *Saint Petersburg State Polytechnical University Journal. Economics*. 2014;4:172–182. Russian.
10. Sechko NN. [Orientation of the youth of Belarus for engaging in entrepreneurial activity]. *Nauchnye trudy Belorusskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Scientific works of the Belarusian State Economic University]. Minsk: BSEU; 2017. Issue 10. p. 641–647. Russian.
11. Realization of active measures of employment policy [cited 2018 March 3]. Available from: <http://www.mintrud.gov.by/system/extensions/spaw/uploads/files/Realizatsiya-aktivnyx-mer-12.pdf>. Russian.
12. Verkhovskaya OR, Dorokhina MV. Activity and potential of the Russian entrepreneurship (evidence from Global Entrepreneurship Monitor Data, 2006–2010). *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya «Menedzhment»* [Vestnik of Saint Petersburg State University. Series 8, Management]. 2011;4:68–99. Russian.
13. Smirnova RA. [Socio-class structure of the Belarusian society: theoretical and methodological analysis]. *Sotsiologicheskii al'manakh* [Sociological almanac]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2017. p. 365–373. Russian.
14. The state of small and medium-sized private business in Belarus in 2018. Survey results. Analytical review [cited 2018 May 2]. Available from: <http://www.research.by/webroot/delivery/files/sr2018r02.pdf>. Russian.

Статья поступила в редакцию 21.05.2018.
Received by editorial board 21.05.2018.

УДК 316.334.23:[378.6:62]-057.87

СТУДЕНТЫ ИНЖЕНЕРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ КАК ПЕРСПЕКТИВНЫЙ КАДРОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ МАЛОГО ПРОМЫШЛЕННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

И. А. АНДРОС¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Изучено развитие малого промышленного предпринимательства в Беларуси. На основе анализа статистических данных показано, что в Беларуси в условиях доминирования крупных промышленных предприятий доля малых промышленных предприятий составляет 90 % при их выручке не более 10 % объема промышленного производства республики. Данный факт указывает на потребность повысить эффективность их деятельности. Социологическими методами исследованы потенциальные возможности технического студенчества в развитии предпринимательской деятельности в промышленности. Результаты опроса студентов инженерных специальностей показали, что одним из основных факторов, который способствовал бы открытию ими своего дела в производственной сфере, является практико-ориентированное обучение, при этом студенты полагают, что получение бизнес-знаний нужно им скорее для расширения кругозора и адаптации к рыночным условиям работы, а не для организации промышленного предпринимательства. Предложены меры по активизации привлечения студентов инженерных специальностей в промышленный бизнес.

Ключевые слова: промышленное предпринимательство; бизнес-образование; студенты инженерных специальностей; малые промышленные предприятия.

ENGINEERING STUDENTS AS PERSPECTIVE HUMAN RESOURCES OF SMALL INDUSTRIAL ENTREPRENEURSHIP

I. A. ANDRAS^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article is focused on the development of small industrial entrepreneurship in Belarus. Analysis of statistical data shows that in the context of domination of large industrial enterprises, the share of small industrial enterprises is 90 % with revenue of no more than 10 % of volume of industrial production in the republic. This fact indicates the need to increase the efficiency of their activities. We studied the potential of engineering students in development of entrepreneurship in industry by sociological methods. The survey of engineering students shows that practice-oriented training is one of the main factors that would help them to open their business in the production sphere. At the same time, students consider getting business knowledge rather as an extension of their worldview and adaptation to the market conditions of work than for the organization of industrial entrepreneurship. We proposed measures to activate the involvement of engineering students in industrial business.

Key words: industrial entrepreneurship; business education; engineering students; small industrial enterprises.

Образец цитирования:

Андрос ИА. Студенты инженерных специальностей как перспективный кадровый потенциал малого промышленного предпринимательства. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2018;3:118–130.

For citation:

Andras IA. Engineering students as perspective human resources of small industrial entrepreneurship. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2018;3:118–130. Russian.

Автор:

Ирина Александровна Андрос – кандидат социологических наук, доцент; ведущий научный сотрудник кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Iryna A. Andras, PhD (sociology), docent; leading researcher at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
androsita@tut.by

Актуальность исследования

Позиция властей Беларуси такова, что подавляющее количество крупных промышленных предприятий находятся в государственной собственности, поскольку имеют стратегическое значение для страны. Промышленное малое и среднее предпринимательство лучше развивается в тех видах деятельности, где барьеры для входа на рынок новых организаций невелики и для достижения рентабельности не требуется эффект масштаба: это производство изделий из дерева и бумаги, полиграфическая деятельность (49,8 %) ¹, производство прочих готовых изделий, ремонт, монтаж машин и оборудования (41,7 %), производство резиновых и пластмассовых изделий, прочих неметаллических минеральных продуктов (35,8 %), производство вычислительной, электронной и оптической аппаратуры (35,4 %), металлургическое производство, кроме машин и оборудования (30,8 %), производство текстильных изделий, одежды, изделий из кожи и меха (29,5 %) [1, с. 86]. Очевидно, что в Бела-

руси, как и в России, основной проблемой развития малого предпринимательства в промышленности является «слабость научно-технической и технологической обеспеченности» [2, с. 28]. Принятая Программа развития промышленного комплекса Республики Беларусь на период до 2020 г. основной целью развития малого и среднего предпринимательства в промышленности ставит изменение качественной структуры валовой добавленной стоимости отрасли на основе повышения удельного веса малых и средних предприятий в общем объеме промышленного производства не менее чем до 25 % (против 16 % в 2010 г.) [3]. Наша задача состоит в том, чтобы, с одной стороны, на основе статистических данных изучить эффективность современного малого предпринимательства в промышленности, а с другой – социологически исследовать потенциальные возможности технического студенчества в развитии предпринимательской деятельности в отечественной промышленности.

Исследовательский подход

Полагаем, что для развития белорусской экономики власти не используют в полной мере потенциал технических учреждений высшего образования (УВО), так как в силу исторических особенностей подготовка инженеров не оценивается как существенный фактор развития частного промышленного предпринимательства. В Российской империи технические УВО не предназначались для выпуска инженеров-предпринимателей – обучавшиеся в них студенты готовились главным образом для бюрократической карьеры в царских министерствах [4, с. 54]. Советские УВО выпускали в три раза больше инженеров, чем в западноевропейских странах [5, с. 48], однако при назначении на должности руководителей предприятий ценился опыт партийной работы, а не самостоятельность и инициативность руководителя. В итоге в советский период был сформирован корпус лояльных, но в профессиональном смысле слабо подготовленных руководителей, которые не смогли решать обострившиеся в период перестройки социально-экономические проблемы [6]. В разрешении сложившихся трудностей ставку сделали на либеральных экономистов. Рост спроса на специальности, которые в большей степени подходили бы для рыночных отношений (экономисты, банкиры, менеджеры, маркетологи и т. д.), при одновременном снижении престижности технических специальностей привел к тому, что из поля зрения исследова-

телей выпал значительный объект – техническое студенчество.

Таким образом, объектом социологического подхода в рамках данного исследования выступает техническое студенчество как социальная база для развития малого промышленного предпринимательства, т. е. микро- и малых промышленных предприятий независимо от форм собственности. Для анализа применения предпринимательских инициатив в промышленных отраслях мы использовали результаты социологического опроса среди обучающихся по инженерным специальностям студентов, выполненного в рамках совместного белорусско-украинского проекта «Интеграция инженерного образования и бизнес-образования в технических университетах Украины и Беларуси как фактор развития национальных экономик» (2016–2018) ². В Беларуси анонимный анкетный опрос проводился на базе Белорусского национального технического университета (БНТУ) (г. Минск) в апреле – мае 2017 г. (выборка случайная стратифицированно-гнездовая со сплошным опросом на последнем этапе; целевая группа – студенты инженерных специальностей четвертого и пятого курсов; опрошены 848 человек). Для сравнения по некоторым показателям мы приведем данные социологического опроса среди студентов инженерных специальностей, выполненного в Украине. Анонимный анкетный опрос проводился на базе

¹В скобках указан удельный вес объема промышленного производства микропредприятий, малых и средних предприятий в общем объеме промышленного производства Республики Беларусь за 2016 г.

²Проект осуществлен при финансовой поддержке БРФФИ, научный руководитель – С. В. Костюкевич.

Национального технического университета Украины «Киевский политехнический институт имени Игоря Сикорского» (далее – КПИ имени Игоря Сикорского) в сентябре – декабре 2017 г. (выборка случайная стратифицированно-гнездовая со сплошным опросом на последнем этапе; целевая

группа – студенты инженерных специальностей третьего – шестого курсов; опрошены 843 человека).

В рейтинге лучших университетов мира (*QS World University Rankings*) за 2017 г. БНТУ вошел в группу 701+, а КПИ имени Игоря Сикорского – в число 551–600 ведущих университетов [7].

Анализ развития микро- и малых предприятий в промышленности Беларуси

Обретя независимость, Республика Беларусь получила в наследство от Советского Союза промышленный сектор, в котором в рамках административно-управленческой экономики приоритетное развитие получила тяжелая промышленность. Запросы советских граждан как потребителей часто удовлетворялись за счет ввозимого импорта. В настоящее время власти Беларуси особое внимание уделяют развитию промышленного малого и среднего предпринимательства, направленного на удовлетворение потребностей рынка. Обеспокоенность властей по поводу развития предпринимательства в промышленности подтверждается статистическими данными. Впервые, за период с 2011 по 2015 г. количество микро- и малых организаций в целом увеличилось с 84 164 до 105 047 [1, с. 68–69], т. е. почти на четверть (24,82 %). При этом их прирост в горнодобывающей и обрабатывающей промышленности, производстве и распределении электроэнергии, газа и воды составил 16,0 % (в 2010 г. – 12 797,

в 2015 г. – 14 848 организаций). Если принимать во внимание ведомственную принадлежность, то за аналогичный период количество промышленных микро- и малых организаций, основным видом экономической деятельности которых является производство промышленной продукции (работ, услуг), увеличилось с 10 825 до 11 562, т. е. на 7,0 % [8, с. 222]. В 2015 г. количество предприятий промышленности в Беларуси составляло 13 126 единиц (в том числе 11 562 промышленные микро- и малые организации). Общая выручка всех предприятий промышленности достигла 738 381 млрд бел. руб. (36,9 млрд долл. США) в ценах 2015 г.: крупных и средних предприятий (1564 единицы) – 670 269,1 млрд бел. руб. (33,5 млрд долл. США), микро- и малых предприятий – 68 111,9 млрд бел. руб. (3,4 млрд долл. США). Как видим, микро- и малые предприятия дают в общем объеме промышленного производства 9,23 % выручки, хотя их доля среди всех организаций промышленности составляет 88,09 % (табл. 1).

Таблица 1

Сводные данные по отдельным экономическим показателям развития промышленности Республики Беларусь

Table 1

Summary data of selected economic indicators of industry of the Republic of Belarus

Показатели	Год					
	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Общее число организаций, единиц	11 946	12 479	13 055	13 615	13 696	13 126
Количество микро- и малых предприятий, единиц	10 248	10 825	11 332	11 909	12 048	11 562
Объем промышленного производства, млрд бел. руб.	166 953	347 655	615 862	605 635	673 850	738 381
Объем промышленного производства микро- и малых предприятий, млрд бел. руб.	14 852,4	41 031,3	64 768,2	57 393,6	60 638,8	68 111,9
Доля микро- и малых предприятий в объеме промышленного производства, %	8,90	11,81	10,52	9,48	9,0	9,23
Среднесписочная численность работников, тыс. человек	1075,1	1073,8	1059,1	1036,9	989,0	923,6
Соотношение среднесписочной численности работников на микро- и малых предприятиях в общереспубликанском итоге, %	16,5	17,1	17,9	17,9	17,7	17,6

Примечание. Составлено автором на основе [8, с. 31, 220].

Во-вторых, принятые правительством меры по поддержке малого и среднего предпринимательства в промышленности вплоть до передачи «не-

используемых производственных площадей и оборудования крупных организаций государственной формы собственности для производственной

деятельности инновационно активным субъектам малого и среднего предпринимательства при наличии эффективного инвестиционного проекта» [3] пока не демонстрируют явного эффекта. Анализ приведенных в табл. 1 статистических данных демонстрирует, что по показателю объема промышленного производства эффективность одного среднестатистического микро- и малого предприятия по сравнению с типичным крупным (средним) предприятием в экономике Республики Беларусь составляет 1,38 %. Приведем порядок расчета по показателям 2015 г.:

1) число средних и крупных предприятий: $13\,126 - 11\,562 = 1564$ единицы;

2) объем промышленного производства средних и крупных предприятий: $738\,381 - 68\,111,9 = 670\,269,1$ млрд бел. руб. (в ценах 2015 г.);

3) объем промышленного производства в среднем на одно предприятие из группы средних и крупных предприятий: $\frac{670\,269,1}{1564} = 428,56$ млрд бел. руб.;

4) объем промышленного производства в среднем на одно предприятие из группы микропредприятий и малых предприятий: $\frac{68\,111,9}{11\,562} = 5,9$ млрд бел. руб.

В-третьих, анализ развития частного предпринимательства в промышленности осложняется неполнотой данных по заявленной тематике либо их отсутствием в двух основных официальных

статистических сборниках: «Промышленность Республики Беларусь» и «Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь». Например, в последнем в разделе «Промышленность» есть сведения о количестве промышленных организаций, осуществляющих производство промышленной продукции, с выделением размера предприятий (микро-, малые и средние организации), однако отсутствует информация об их форме собственности. В сборнике «Промышленность Республики Беларусь» в п. 2.5 «Число организаций промышленности по формам собственности», наоборот, указана форма собственности, но отсутствуют сведения о размере предприятий, причем частная форма собственности включает в себя смешанную собственность с долей государственной собственности, в которую, в свою очередь, входит разновидность предприятий «с долей государственной собственности 50 % и более» (табл. 2).

Используя данные табл. 2, мы можем рассчитать количество промышленных предприятий с частной формой собственности (без смешанной) и их долю в промышленности Беларуси. В период с 2010 по 2015 г. среди частных промышленных предприятий, включая предприятия со смешанной формой собственности, доля именно частных промышленных предприятий (без государственной собственности) увеличилась с 88,0 до 90,0 %, а в общем массиве организаций промышленности – с 79,0 до 90,0 %.

Таблица 2

Число промышленных предприятий по формам собственности

Table 2

Number of industrial enterprises by ownership

Форма собственности	Год					
	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Государственная	761	705	640	552	456	448
Республиканская	320	287	249	202	137	134
Коммунальная	441	418	391	350	319	314
Частная	10 780	11 354	11 969	12 611	12 785	12 307
В том числе: смешанная собственность с долей государственной собственности	778	755	754	785	756	702
Из нее: смешанная собственность с долей государственной собственности 50 % и более	586	556	528	537	534	585
Иностранная	405	420	446	452	455	371
Всего	11 946	12 479	13 055	13 615	13 696	13 126

Примечание. Составлено автором на основе [8, с. 34].

Таким образом, на основании рассчитанных данных (доля микропредприятия и малых предприятий составляет 88,09 %, и они дают 9,23 % выручки, а доля частных предприятий равна 90,0 %) можно сделать вывод о том, что в настоящее время в промышленности Беларуси микро- и малые предприятия представлены частными организациями

с низкой долей выручки, которые тем не менее потенциально могут внести намного более весомый вклад в национальную экономику. И здесь большое значение имеет не столько количество микро- и малых предприятий в промышленности, сколько их продуктивность, которую могут повысить выпускники технических УВО.

Бизнес-обучение в техническом УВО

В условиях административно-плановой экономики инженеры не получали навыков, связанных со сбытом продукции, удовлетворением спроса потребителей, умением реагировать на изменение потребностей клиентов. Переход к новым экономическим условиям хозяйствования принуждает работников различных отраслей, в том числе инженеров, принимать самостоятельные решения, ставить цели и задачи по выпуску продукции и ее дальнейшей реализации. Как работать, чтобы производимые товары (оборудование, автомобиль) отвечали не только техническим требованиям, но и были успешно проданы на рынке? Как организовать свою работу, чтобы при минимизации издержек и максимизации прибыли улучшить качество продукции? С этими вопросами выпускники-инженеры сталкиваются не только на частных, но и на государственных предприятиях. Опыт известных технических УВО показывает, что на формирование инженерного мышления существенно влияет бизнес-образование. Каждое УВО формирует свой набор бизнес-ориентированных курсов, которые подбираются исходя из запросов рынка. Выбор бизнес-дисциплин учащиеся делают самостоятельно.

Сегодня в мире существуют различные модели бизнес-образования. В то время как в американской модели бизнес-образования в одном учреждении (*Business School*) собраны все типы образовательных программ по бизнесу и менеджменту, основой которых является программа *MBA* (*Master of Business Administration*), то в бизнес-образовании в Европе делают акцент на спектре коммуникационных навыков (англ. *soft skills*). Здесь подразумевается умение по-настоящему понимать свою команду и потребителей на самом глубинном уровне. Принято считать, что европейская школа акцентирует внимание на социальной ответственности предпринимательства и соблюдении принципов этики ведения бизнеса. Азиатская модель бизнес-образования построена на гармонии национальных традиций с инновационностью экономического развития при доминирующей функции государственного регулирования. На постсоветском пространстве бизнес-образование пока находится в состоянии догоняющего развития.

В Беларуси сегодня отсутствует широкий спрос на бизнес-образование в связи с замедленными темпами развития основного потребителя данной услуги – частного сектора экономики. Оно не сформировалось в самостоятельную сферу по причине высоких материальных и организационных издержек. В УВО применяются структурные компоненты, обеспечивающие бизнес-образование, – бизнес-школы, программы, курсы и т. д. Что оно собой представляет? Если бизнес – это «практическое применение экономических законов» [9, с. 28],

то, на наш взгляд, бизнес-образование – это обучение предпринимательским знаниям и умениям. Оно отличается от экономического образования тем, что, во-первых, основано на практическом анализе, а лишь затем опирается на теоретическое обобщение конкретных экономических ситуаций. Во-вторых, бизнес-образование позволяет результативно приспособить фундаментальные знания неэкономического характера к текущим потребностям экономики, таким как занятость населения, развитие предпринимательства, инвестиционная деятельность и т. д.

Как показывает практика, работодатели при приеме на работу ориентируются на опыт и умения будущего сотрудника. Например, согласно последнему исследованию Международной рекрутинговой компании *HAYS*, 40 % нанимателей отметили, что профессиональные навыки кандидата важнее, чем степень *MBA* [10]. То есть получение предпринимательских знаний и умений актуализируется в том случае, если у сотрудника уже есть накопленный опыт, практические кейсы и ему необходимо решить конкретные практические задачи. Также и успешные предприниматели, которые получили бизнес-образование, советуют пройти обучение не слишком рано, но и не затягивать с ним, иначе учиться будет сложнее из-за возникновения проблемы с выделением на это времени. Идеальным можно считать вариант для начала бизнес-образования, когда у человека есть 4–6 лет профессионального опыта, поскольку на подготовленной почве получение новых знаний принесет больший эффект [11]. Мнения студентов БНТУ, обучающихся по инженерным специальностям, по поводу того, когда лучше получать бизнес-образование, отражены в табл. 3.

Доля опрошенных, считающих, что обучаться предпринимательству в техническом УВО полезно для всех студентов, которые в будущем желают открыть собственное дело, в целом высока. Однако процент студентов-предпринимателей, поддерживающих тезисы о практическом обучении предпринимательству и его генезисе, вдвое больше, чем соответствующий показатель среди всех студентов. При этом предприниматели – учащиеся БНТУ – практически едины с остальными студентами во мнении о пользе практической работы по специальности и почти в полтора раза ниже оценивают пользу обучения предпринимательству для всех студентов, заинтересованных в открытии собственного бизнеса.

В отличие от большинства стран в Украине нет дневной формы обучения *MBA*. Участники образовательных программ занимаются по несколько дней в месяц и выполняют задания между модулями. Все это направлено на обучение без отрыва

от производства. В Украине также нельзя получить степень MBA как основную специальность в университете, так как образовательная система может подготовить специалистов – учителей, врачей, инженеров, а руководителем делает жизнь. Именно поэтому в качестве главного требования к абитуриентам украинские бизнес-школы выдвигают наличие как минимум двухлетнего опыта работы

на руководящей должности. В связи с этим вопрос студентам КПИ имени Игоря Сикорского был задан с целью узнать, на каком именно этапе обучения в УВО эффективнее начинать готовить инженера-предпринимателя. Судя по ответам, будущие украинские инженеры считают, что изучать бизнес-дисциплины лучше пораньше, буквально с первых курсов (табл. 4).

Таблица 3

Мнения студентов БНТУ о необходимости обучения предпринимательству в техническом УВО, %

Table 3

Opinion of students of BNTU about entrepreneurship education in technical university, %

Варианты ответа	Все студенты	Студенты, имеющие свой бизнес
Полезно для всех студентов, желающих заниматься бизнесом	51,0	36,2
Полезно для тех, кто уже окончил УВО и приобрел опыт практической работы по специальности	27,1	23,4
Обучение предпринимательству в УВО не нужно, поскольку получить эти знания и умения можно только на практике (на рабочем месте)	14,9	27,7
Предпринимательству в принципе нигде не обучишься, предпринимателями рождаются	6,0	12,7
Нет ответа	1,0	–

Таблица 4

Наиболее эффективный способ подготовки инженера-предпринимателя по мнению студентов КПИ имени Игоря Сикорского, %

Table 4

The most effective way of training an engineer-entrepreneur according to Igor Sikorsky KPI students, %

Варианты ответа	Все студенты	Студенты, имеющие свой бизнес
Преподавание бизнес-ориентированных дисциплин студентам инженерных специальностей, начиная с бакалавриата	42,0	48,3
Преподавание бизнес-ориентированных дисциплин студентам инженерных специальностей только в магистратуре	22,9	21,7
Организация бизнес-подготовки специалистов уже после получения высшего инженерного образования	16,8	16,7
Затрудняюсь ответить	15,3	13,3
Нет ответа	3,0	–

Главным источником бизнес-знаний для студентов БНТУ, в том числе имеющих собственное дело, являются непосредственные контакты с представителями бизнеса. При этом студенты-

предприниматели в большей степени выделяют роль специальной литературы по ведению бизнеса и преподавателей УВО в получении коммерческих знаний (табл. 5).

Таблица 5

Источники коммерческих знаний для студентов БНТУ, %

Table 5

Sources of commercial knowledge for students of BNTU, %

Варианты ответа	Все студенты	Студенты, имеющие свой бизнес
Непосредственные контакты с представителями бизнеса	69,6	67,6
Специальные семинары, мастер-классы по организации и ведению бизнеса	36,4	19,5

Окончание табл. 5
Ending table 5

Варианты ответа	Все студенты	Студенты, имеющие свой бизнес
Специализированная литература (учебники, пособия по ведению бизнеса)	31,8	37,2
Средства массовой информации (интернет, телевидение, газеты, радио и т. д.)	29,0	17,2
Родственники, друзья, знакомые	20,4	18,8
Преподаватели УВО	13,2	19,5
Другое	1,7	–
Нет ответа	0,8	–

Обсуждая определенные идеи в бизнес-школах, преподаватели-практики выступают своеобразным аванпостом для студентов, которые ищут профессиональных советов. Практики в качестве при-

меров чаще приводят свои достижения и неудачи, давая более объективную оценку полученному опыту. Данные о том, кого в качестве лектора выбрали бы студенты БНТУ, приведены в табл. 6.

Таблица 6

Представления студентов БНТУ о лекторе, обучающем предпринимательству, %

Table 6

Vision of BNTU students about a lecturer, who teaches entrepreneurship, %

Варианты ответа	Все студенты	Студенты, имеющие свой бизнес
Профессиональный преподаватель, работающий в УВО	4,3	6,5
Предприниматели-практики с опытом работы в производственной сфере	45,6	39,1
Можно объединить: теорию излагают преподаватели, практику проводят предприниматели	44,4	37,0
Затрудняюсь ответить	4,7	17,4
Нет ответа	1,0	–

Хотя мнения и разделились, но тенденция просматривается четко: в УВО при обучении предпринимательским дисциплинам половину объема учебных занятий должны занимать лекции практиков, сделавших благополучную карьеру, тренинги от успешных предпринимателей и владельцев бизнеса, мастер-классы руководителей крупных компаний и т. д.

Желание получать предпринимательские знания и умения в своем УВО высказали и студенты КПИ имени Игоря Сикорского (табл. 7).

Различные бизнес-школы, курсы, программы обучения, которые можно пройти дистанционно, предлагают большой набор бизнес-дисциплин. Чем престижнее УВО, тем более адаптированы его выпускники к работе в крупных транснациональных корпорациях. Это связано с тем, что образовательные программы элитных УВО нацелены на подготовку специалистов наднационального уровня. Мы спросили у студентов БНТУ и КПИ имени Игоря Сикорского, какие бизнес-знания и бизнес-умения важны для того, чтобы заниматься пред-

принимательством, и составили рейтинг их значимости. Мнение студентов-предпринимателей мы рассматриваем как экспертное, поскольку они уже на практике столкнулись с проблемами ведения бизнеса. Кроме того, у таких студентов уже должны были сформироваться определенные представления о потребностях в развитии своего дела. Для наглядности сравним степень важности получения предпринимательских знаний и умений для всех студентов и студентов, имеющих собственный бизнес (табл. 8).

В табл. 8 представлены субъективные оценки важности тех или иных знаний и умений для ведения собственного дела, данные украинскими и белорусскими студентами, поэтому обращает на себя внимание различие в их подходах к получению бизнес-знаний. Белорусские студенты считают более значимыми институциональные знания (необходимость представлять правила игры), т. е. знания по бизнес-администрированию, маркетингу, владение иностранными языками, аналитические навыки и знания по коммуникации,

в том числе межкультурной, что необходимо для ведения бизнеса с партнерами из других стран. При этом у студентов, имеющих собственный бизнес, на первых пяти местах по рангу находятся те же варианты ответов, что и у остальных участников опроса, но с вариациями процентных отношений, поскольку практика ведения собственного бизнеса корректирует приоритетность. Украинские студенты считают более важными

деятельностно-индивидуальные навыки – знание иностранных языков, аналитические способности, умения, важные для самостоятельной работы, знания и навыки для воспитания и реализации лидерских качеств, практические знания по строительству и управлению коллективом (*team-building*). Студенты-предприниматели придают большее значение лидерским качествам и *team-building*.

Таблица 7

Желание студентов КПИ имени Игоря Сикорского
обучаться предпринимательству в своем УВО, %

Table 7

The desire of Igor Sikorsky KPI students
to study entrepreneurship in their university, %

Варианты ответа	Все студенты	Студенты, имеющие свой бизнес
Да	28,1	44,3
Скорее да	32,6	19,7
Скорее нет	17,3	8,2
Нет	14,9	24,6
Затрудняюсь ответить	6,2	3,2
Нет ответа	0,9	–

Таблица 8

Ранжирование бизнес-ориентированных дисциплин студентами БНТУ и КПИ имени Игоря Сикорского, %

Table 8

Ranking of business-oriented disciplines by students of BNTU and Igor Sikorsky KPI, %

№ п/п	Знания, умения, навыки	Беларусь				Украина			
		Все студенты		Студенты, имеющие свой бизнес		Все студенты		Студенты, имеющие свой бизнес	
		Важно	Скорее важно	Важно	Скорее важно	Важно	Скорее важно	Важно	Скорее важно
1	Знания по бизнес-администрированию (знания по управлению бизнесом)	61,1	28,8	50,2	23,4	29,8	40,6	37,7	31,2
2	Знания по маркетингу (анализ рынка и реклама)	56,4	33,1	55,7	25,5	34,5	40,9	46,0	27,9
3	Знание иностранных языков	51,4	33,9	67,1	21,3	64,4	25,5	62,3	23,0
4	Аналитические (исследовательские) навыки	50,6	36,2	43,6	36,2	51,8	34,0	54,1	26,2
5	Знания по коммуникации, в том числе по межкультурной коммуникации для ведения бизнеса с партнерами из других стран. Практические знания и навыки по ведению переговоров и достижению компромиссов	50,1	35,7	44,8	27,7	42,4	38,3	48,4	32,0
6	Навыки самостоятельной работы	48,1	34,6	32,8	31,9	45,7	31,4	37,7	29,5
7	Знания и навыки для воспитания и реализации лидерских качеств	47,8	39,2	37,8	42,6	43,7	38,3	52,5	29,5
8	Знание основ законодательства в области хозяйственной деятельности	40,9	37,1	35,5	36,2	32,1	38,0	32,8	41,0

Окончание табл. 8
Ending table 8

№ п/п	Знания, умения, навыки	Беларусь				Украина			
		Все студенты		Студенты, имеющие свой бизнес		Все студенты		Студенты, имеющие свой бизнес	
		Важно	Скорее важно	Важно	Скорее важно	Важно	Скорее важно	Важно	Скорее важно
9	Практические знания по строительству и управлению коллективом (<i>team-building</i>)	39,3	40,8	39,8	25,5	43,1	36,7	50,8	29,5
10	Практические знания по технологии производства	37,2	41,0	35,7	23,4	38,1	35,2	44,3	29,5
11	Общие знания по бухгалтерско-финансовой грамотности	33,8	45,1	27,5	34,1	21,7	43,9	24,6	42,6
12	Знания по патентованию в своей стране и вопросам интеллектуальной собственности	25,6	36,7	35,7	14,9	23,5	39,7	29,5	32,8
13	Общие (гуманитарные) знания для развития эрудиции и кругозора	18,9	40,5	18,9	36,2	14,5	32,7	21,3	24,6
14	Знания по экономической географии	17,6	42,1	25,1	27,7	11,9	31,2	13,1	19,7
15	Теоретические знания по научным дисциплинам	15,6	37,2	29,4	12,8	23,0	36,9	26,2	26,2
16	Другое	2,0	1,4	6,4	2,1	1,8	2,0	6,5	–

Такие различия в ответах белорусских и украинских студентов объясняются, скорее всего, тем, что бизнес в Беларуси уже практически четверть века развивается в условиях институциональной стабильности, а Украину, напротив, постоянно сотрясают социально-экономические катаклизмы. Естественно, в прожективном плане белорусские студенты особое значение придают навыкам наиболее успешной адаптации к существующим условиям ведения бизнеса, а украинские – собственно навыкам работы как таковым в ситуации весьма

вероятных непредсказуемых изменений внешних условий хозяйствования. Почти 30-летняя история самостоятельности двух бывших советских республик определила специфику сознания белорусского и украинского народов. На примере опроса «технической» студенческой молодежи видны различия в мотивировках заняться предпринимательством в промышленной деятельности и потребностях получить бизнес-знания, обусловленные социально-историческими факторами.

Мотивы, побуждающие студентов инженерных специальностей заниматься предпринимательством в промышленности

Основной мотивацией к получению бизнес-образования для зарубежных инженеров являются стремление повысить жалование (наличие степени MBA увеличивает заработную плату) и желание расширить свой кругозор. Второй существенный фактор – стремление изменить сферу деятельности и стать предпринимателем. В школах, специализирующихся на предпринимательстве, наблюдается следующая картина: в *EM Lyon* доля инженеров составляет 47 % класса, в *Salford* – 50 %, в *IE-Instituto de Empresa* – 27 %. Кроме таких школ, появляются специализированные программы. В сентябре 2005 г. *Imperial College Management School* запустила первую программу *Masters in Business Engineering (MBE)*. Она рассчитана на инженеров, которые хотят развить бизнес-навыки и получить соответствующие знания [12]. Такие программы направле-

ны на людей, которые хотят постоянно развиваться и не желают останавливаться лишь на одной специальности. Предполагаем, что большая часть технических специалистов оставляют свою инженерную карьеру в расцвете сил для повышения своего материального положения, а получение степени в бизнес-образовании помогает им в этом. Важно выяснить, какую роль играет бизнес-образование в определении своего профессионального будущего студентами-инженерами Беларуси и Украины, а точнее, в их желании заняться предпринимательством в производственной сфере.

Итак, в настоящее время в Беларуси существует государственный заказ на промышленное предпринимательство, которое, по мнению властей, должно внести существенный вклад в развитие отечественной промышленности. Студенты техни-

ческих УВО формируют основу кадрового потенциала промышленных предприятий независимо от их форм собственности. На вопрос: «Хотите ли Вы заниматься предпринимательством?» – более половины студентов БНТУ (66,1 %) ответили положительно, из них 18,0 % выбрали вариант ответа «очень хочу». Примерно 20 % опрошенных не проявили интереса к данной возможности, ответив «скорее не хочу» (17,3 %) и «совсем не хочу» (4,0 %). Затруднились ответить 11,7 % опрошенных, не ответили 0,9 %. Среди студентов, которые не хотят заниматься бизнесом, 27,4 % не уверены в том, что условия для развития частного предпринимательства в Беларуси благоприятные; у 12,1 % опрошенных отсутствует уверенность в том, что у них это получится; 9,0 % ответили, что им будет нравиться заниматься бизнесом; 3,1 % указали, что работать в частном бизнесе лучше, чем на государственном предприятии (одиночный выбор ответа).

Студенты КПИ имени Игоря Сикорского отвечали на вопрос в следующей формулировке: «Рассуждая о Вашем будущем, отметьте, насколько Вы желаете открыть собственное дело и заниматься предпринимательством?» Однозначно желают открыть собственное дело 57,1 % студентов, не желают открывать бизнес 16,4 % опрошенных, затруднились ответить 18,5 % учащихся, не ответили 0,8 % участников опроса. Уже имеют собственный бизнес 7,2 % опрошенных студентов КПИ имени Игоря Сикорского (61 человек) и 5,5 % (47 человек) студентов БНТУ. Основными причинами нежелания открывать бизнес (множественный выбор ответа) были названы нехватка средств для старта бизнеса (14,5 %), неблагоприятная экономическая ситуация в Украине (13,9 %), недостаточность знаний и навыков в сфере ведения бизнеса (13,4 %), высокий уровень коррупции в стране (12,8 %).

Ответы белорусских и украинских студентов-инженеров БНТУ и КПИ имени Игоря Сикорского демонстрируют большой интерес к предпринимательству со стороны «технической» молодежи. В целом можно сказать, что как для белорусских, так и для украинских студентов в желании заняться предпринимательской деятельностью сдерживающим фактором выступают институциональные условия для ведения бизнеса, а также нехватка бизнес-знаний, которые порождают неуверенность в собственных силах.

В связи с этим вызывает интерес выяснение того, при каких условиях студенты технических специальностей окунулись бы в промышленный частный сектор экономики. Студентам БНТУ был задан вопрос: «Какие условия способствовали бы открытию Вашего бизнеса в производственной сфере?» – с предложением выбрать не более 7 вариантов ответа из 16. При помощи SPSS и с использованием стандартной процедуры расчета факторно-

го анализа предлагаемые 16 вариантов-положений были сведены к меньшему количеству независимых влияющих величин. В результате выделены семь факторов, превосходящих единицу. Первый фактор объясняет 12,279 % суммарной дисперсии, второй – 8,161, третий – 7,931, четвертый – 7,314, пятый – 6,846, шестой – 6,577, седьмой – 6,359, итого – 55,467 %, т. е. выделенные факторы объясняют более половины разброса. В качестве метки для каждого фактора подобраны выражения, которые наиболее емко характеризуют факторные нагрузки, имеющие наибольшее абсолютное значение. Таким образом, по мнению студентов инженерных специальностей, открытию их собственного бизнеса в производственной сфере способствовали бы следующие факторы (в скобках указаны факторные нагрузки):

1) капитал под бизнес-проект: собственный стартовый капитал (0,731) при наличии инженерной идеи под бизнес-проект (0,498);

2) практико-ориентированное обучение: получение практических навыков ведения бизнеса в стартапах при УВО (0,692), подкрепленное прохождением производственной практики у предпринимателя (0,559) и обучением предпринимательству в УВО (0,556);

3) «вынужденный бизнес»: отсутствие возможности хорошо зарабатывать в качестве наемного работника (0,740), а также отсутствие возможности устроиться на работу (найти работу на рынке труда) (0,661);

4) семейная поддержка: поддержка родных и близких (0,723), подкрепленная успешным примером знакомых предпринимателей-производственников (0,651);

5) экономико-правовая поддержка: предсказуемая правовая база (0,753) и финансовая поддержка со стороны государства (0,635);

6) продуманный механизм коммерциализации: наличие продуманного механизма коммерциализации инженерной идеи (0,797);

7) благоприятное стечение обстоятельств (0,904).

Как видим, в тройку основных условий, которые благоприятствовали бы привлечению студенческой молодежи технических специальностей, вошли три фактора: статичный – капитал под бизнес-проект, где наличие капитала и бизнес-идеи можно решить в режиме «здесь и сейчас»; системный – практико-ориентированное обучение, включающее в себя специально организованный управляемый процесс взаимодействия преподавателей и обучающихся для получения предпринимательских знаний и умений; альтернативный наемному труду – «вынужденный бизнес». Если первый и третий факторы относятся к разряду слабоуправляемых, так как подвержены сильному влиянию внешних условий, на которые УВО не может влиять

непосредственно (наличие значительных свободных денежных ресурсов в распоряжении студентов, текущая ситуация на рынке труда и т. д.), то второй фактор является регулируемым.

Схожий вопрос с предложением выбрать не более трех вариантов ответа из двенадцати был задан и студентам КПИ имени Игоря Сикорского. В результате факторного анализа выделены шесть факторов, которые составили 58,057 % суммарной дисперсии. По мнению студентов, в большей мере открытию их собственного бизнеса в производственной сфере способствовали бы следующие факторы (в скобках указаны проценты суммарной дисперсии данного фактора и факторные нагрузки):

1) капитал при защите частной собственности (11,191 %): собственный стартовый капитал (0,668) при условии совершенствования законодательства относительно защиты частной собственности (0,646);

2) профконсультационное и финансовое обеспечение (10,429 %): профессиональное консультирование на начальном этапе (0,669) и финансовая поддержка со стороны государства (0,671);

3) практико-ориентированное обучение (9,819 %): прохождение производственной практики на пред-

приятиях (0,640) и получение предпринимательских знаний и умений в университете (0,627);

4) семейная поддержка (9,168 %): пример успешных знакомых предпринимателей в сферах производства ИТ (0,740), подкрепленный поддержкой родных и близких (0,408);

5) бизнес-практика (8,895 %): получение практических навыков ведения бизнеса (0,853), а также прохождение производственной практики на предприятиях (0,225);

6) самодостаточный креатив (8,555 %): личные качества (знание, воля, характер) (0,352) и наличие инженерной идеи под бизнес-проект (0,207).

Заняться промышленным бизнесом украинских студентов побудило бы в первую очередь урегулирование финансово-юридических вопросов вместе с профессиональным консультированием на начальном этапе. Обратим внимание, что белорусскую и украинскую молодежь для вовлечения в бизнес в производственной сфере простимулировали бы два одинаковых фактора: практико-ориентированное обучение и семейная поддержка. Если мнение родных и близких остается для молодых людей традиционно сильным, то обучение предпринимательским знаниям и умениям, а точнее бизнес-образование, становится уже трендом.

Заключение

Власти Беларуси, говоря о способах увеличения эффективности микро- и малых предприятий в отечественной промышленности (в объеме промышленного производства), обычно упускают из виду качественную составляющую, в частности подготовку специалистов для малого предпринимательства, которые смогли бы организовать эффективную деятельность в национальной экономике. Серьезным фактором повышения конкурентоспособности выпускников технических УВО становится их обучение бизнес-ориентированным дисциплинам, которое принято в престижнейших УВО, таких как Массачусетский технологический университет (США), Кембриджский университет (Великобритания), Швейцарская высшая техническая школа Цюриха (Швейцария), Наньянский технологический университет (Сингапур) и т. д. Главное – чтобы учебный процесс в УВО оперативно учитывал структурные изменения в национальной экономике.

На примере ведущих УВО Беларуси (БНТУ) и Украины (КПИ имени Игоря Сикорского) можно сказать, что на постсоветском пространстве выбор студентами определенного набора предпринимательских знаний и умений обусловлен в первую очередь социально-историческими условиями развития их стран (республик) после распада СССР. По сути, такой набор предпринимательских знаний, умений, навыков отражает институциональные условия, созданные в стране для становления

предпринимательства. Стратегические различия в промышленной политике каждой из республик привели к структурным изменениям в промышленном секторе национальных экономик. Если в белорусской промышленности присутствие государства остается сильным, то в украинской происходит снижение влияния властей за счет либо ликвидации убыточных предприятий, либо их продажи иностранным инвесторам или местным олигархическим группам. Однако тема продвижения малого промышленного предпринимательства остается одинаково актуальной для Беларуси и Украины независимо от усиления либо ослабления воздействия властей на развитие промышленного сектора экономики.

Использование в техническом образовании элементов динамичного бизнес-образования развивает у студентов технических специальностей новое инженерное мышление, соответствующее реалиям экономики. Сегодня важность предпринимательских знаний и умений белорусские и украинские студенты определяют с нацеленностью на международное сотрудничество (знания иностранного языка и умение вести переговоры), не уделяя должного внимания знаниям, необходимым для юридической фиксации технического эффекта работы инженера (основы законодательства в хозяйственной деятельности, патентование, интеллектуальная собственность). То есть большинство студентов-инженеров рассматривают бизнес-ори-

ентированные дисциплины как расширение своего кругозора, основу для лучшей адаптации к рыночным условиям хозяйствования, но не как подспорье в практической работе инженера-изобретателя, желающего коммерциализировать инженерную идею. Вместе с тем одним из основных факторов, который способствовал бы открытию студентами-инженерами своего дела в производственной сфере, является именно практико-ориентированное обучение. Его актуализацию студенты видят в организации системной работы в технических УВО по обучению предпринимательским знаниям и умениям и получению практических навыков ведения бизнеса в стартапах при УВО, которое подкреплялось бы прохождением производственной практики у предпринимателя. У студентов-предпринимателей заинтересованность в получении бизнес-знаний выступает уже как потребность. Чтобы повысить предпринимательскую активность будущих инженеров, необходимо разработать спецкурс по бизнес-практике с учетом отраслевой специфики и пожеланий студентов. Однако для производительного эффекта следует составить курс таким образом, чтобы студенты не просто обогащали свои знания, а повышали патентную грамотность, знали основы интеллектуальной собственности и законодательства в области хозяйственной деятельности.

Конечно, интерес студентов-инженеров к получению бизнес-знаний еще не означает, что все

они уйдут (или должны уйти) в промышленное предпринимательство или создадут свои фирмы. Но для того, чтобы чаша весов между желаниями просто расширить кругозор и открыть собственное дело перевесила в сторону промышленного предпринимательства, необходимо в первую очередь развеять стереотипы самих инженеров о сложностях, связанных с началом своего бизнеса. Для этого практико-ориентированное обучение в технических УВО следует организовывать на базе технопарков, приглашая на мастер-классы успешных представителей промышленного бизнеса. Для предпринимателей-промышленников взаимовыгодное сотрудничество может обеспечиваться через выполнение на базе технопарков актуальных для их бизнеса конкретных исследовательских задач (проектов). В итоге студенты-инженеры, участвуя в таких проектах и получая советы от представителей бизнеса, приобретут ценную практику инновационной деятельности создания продукта для коммерциализации. То есть для инженеров инновационная инфраструктура (научно-технические технопарки, стартапы и т. д.) при технических УВО – это лучшая альтернатива бизнес-школам. Для институционализации интеграции высшего технического образования и бизнес-образования властям необходимо в инновационной политике определить данное взаимодействие как решающий фактор развития промышленного предпринимательства.

Библиографические ссылки

1. *Малое и среднее предпринимательство в Республике Беларусь* [статистический сборник]. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь; 2016.
2. Гришин ИА. Сила – в малом... Особенности развития малого предпринимательства в российской промышленности. *Российское предпринимательство*. 2006;7:24–29.
3. *Программа развития промышленного комплекса Республики Беларусь на период до 2020 года* [дата обращения: 10.06.2018]. URL: <http://pravo.newsby.org/belarus/postanovsm1/sovm263.htm>.
4. Костюкевич СВ, Андрос ИА, Кобяк ОВ. *Подготовка инженера-предпринимателя: предпосылки, факторы, перспективы*. Минск: РИВШ; 2018.
5. Стражев ВИ. *Образование и наука в современном обществе*. Минск: БГУ; 2004.
6. Филонович СР, редактор. *Бизнес-образование: специфика, программы, технологии, организация*. Москва: Издательский дом ГУ ВШЭ; 2004.
7. Рейтинг QS World University Rankings [дата обращения: 14.06.2018]. URL: <https://www.topuniversities.com/qs-world-university-rankings>.
8. *Промышленность Республики Беларусь* [статистический сборник]. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь; 2016.
9. Флауэрс А. Бизнес-образование, обучение и организация работы для развития предприятий малого бизнеса. В: *Бизнес-образование и обучение в Беларуси в условиях перехода к рыночной экономике. Материалы международного симпозиума; 12 ноября 1998 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 1998. с. 28–29.
10. Деньги на ветер, или Кому реально нужна степень MBA [дата обращения: 10.06.2018]. URL: <https://rb.ru/opinion/trend-mba/>.
11. Снова в школу: 5 предпринимателей о пользе бизнес-образования [дата обращения: 10.06.2018]. URL: <https://www.the-village.ru/village/business/management/156455-mba>.
12. Инженеры наступают [дата обращения: 11.05.2018]. URL: <http://www.mbastrategy.ua/content/view/600/183/lang,Rus/>.

References

1. *Maloe i srednee predprinimatel'stvo v Respublike Belarus'* [Small and Medium-sized enterprises in the Republic of Belarus] [statistical yearbook]. Minsk: National Statistical Committee of the Republic of Belarus; 2016. Russian.
2. Grishin IA. [Strength is in a small... Features of small business development in the Russian industry]. *Rossiyskoe predprinimatel'stvo* [Russian Journal of Entrepreneurship]. 2006;7:24–29. Russian.

3. Industrial Complex Development Program of the Republic of Belarus for the period until 2020 [cited 2018 June 10]. Available from: <http://pravo.newsby.org/belarus/postanovsm1/sovm263.htm>. Russian.
4. Kostyukevich SV, Andros IA, Kobyak OV. *Podgotovka inzhenera-predprinimatel'ya: predposylki, faktory, perspektivy* [Training of an engineer-entrepreneur: presuppositions, factors, prospects]. Minsk: RIHS; 2018. Russian.
5. Strazhev VI. *Obrazovanie i nauka v sovremennom obshchestve* [Education and science in modern society]. Minsk: BSU; 2004. Russian.
6. Filonovich SR, editor. *Biznes-obrazovanie: spetsifika, programmy, tekhnologii, organizatsiya* [Business education: specifics, programs, technologies, organization]. Moscow: HSE publishing house; 2004. Russian.
7. QS World University Rankings [cited 2018 June 14]. Available from: <https://www.topuniversities.com/qs-world-university-rankings>. Russian.
8. *Promyshlennost' Respubliki Belarus'* [Industry in the Republic of Belarus] [statistical yearbook]. Minsk: National Statistical Committee of the Republic of Belarus; 2016. Russian.
9. Flauers A. [Business education, training and organization of work for development of small businesses]. *Biznes-obrazovanie i obuchenie v Belarusi v usloviyakh perekhoda k rynochnoi ekonomike. Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma; 12 noyabrya 1998 g.; Minsk, Belarus'* [Business education and training in Belarus in the context of transition to market economy. Materials of international symposium; 1998 November 12; Minsk, Belarus]. Minsk: BSU; 1998. p. 28–29. Russian.
10. Money pit, or Who are really need an MBA [cited 2018 June 10]. Available from: <https://rb.ru/opinion/trend-mba/>. Russian.
11. Back to school: 5 entrepreneurs about the benefits of business education [cited 2018 June 10]. Available from: <https://www.the-village.ru/village/business/management/156455-mba>. Russian.
12. Engineers are coming [cited 2018 May 11]. Available from: <http://www.mbastrategy.ua/content/view/600/183/lang,Rus/>. Russian.

Статья поступила в редколлегию 10.06.2018.
Received by editorial board 10.06.2018.

КУРС ПО ВЫБОРУ

OPTION COURSE

Если говорить о средневековых моделях любви, периферических по отношению к аскетической ортодоксии, то прежде всего необходимо назвать рыцарскую традицию. Она уходит своими корнями в культуру Франции и распадается, в свою очередь, на две ветви: северофранцузскую, представленную рыцарским романом, и южнофранцузскую, нашедшую свое воплощение в поэзии трубадуров. Трактовка любви в этих традициях столь далека от ортодоксальной, что остается только восхищаться и недоумевать: как же это могло так красиво получиться?!. Итак, рыцарство... Начнем с северофранцузского авантюрного романа...

М. А. Можейко

УДК 177.6:130.2-047.48(4-15)

«РУКА МЕЧУ – СЕРДЦЕ ДАМЕ»: ТРАКТОВКА ЛЮБВИ В СЕВЕРОФРАНЦУЗСКОМ РЫЦАРСКОМ РОМАНЕ

М. А. МОЖЕЙКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

Анализируются предпосылки формирования гипотетической модели любви в рыцарской средневековой культуре. Выявлены аксиологические сдвиги в развитии культуры Средневековья, которые привели к трансформации рыцарской традиции в направлении светскости.

Ключевые слова: рыцарство; рыцарская культура; кодекс чести; городская культура; аристократический двор; роман; рыцарский роман; лирико-героическая утопия; гипотетическая модель рыцарской любви.

Образец цитирования:

Можейко МА. «Рука мечу – сердце Даме»: трактовка любви в северофранцузском рыцарском романе. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;3:131–139.

For citation:

Mojeiko MA. «A hand for sword – a heart for Lady»: the interpretation of love in the North French knightly romance. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;3: 131–139. Russian.

Автор:

Марина Александровна Можейко – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии и методологии гуманитарных наук факультета культурологии и социокультурной деятельности.

Author:

Marina A. Mojeiko, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of philosophy and methodology of humanities, faculty of culturology and sociocultural activities.
marina-mojeiko@yandex.by

«A HAND FOR SWORD – A HEART FOR LADY»: THE INTERPRETATION OF LOVE IN THE NORTH FRENCH KNIGHTLY ROMANCE

M. A. MOJEIKO^a

^aBelarusian State University of Culture and Arts, 17 Rabkoraŭskaja Street, Minsk 220007, Belarus

The article is devoted to the analysis of the preconditions for the formation of a hypothetical model of love in a knightly medieval culture. The axiological shifts in the development of Middle Ages culture, that led to the transformation of the knightly culture in the direction of secular form, are revealed.

Key words: chivalry; knightly culture; honor code; urban culture; aristocratic court; novel; knightly romance; lyrical and heroic utopia; the hypothetical model of knightly love.

Важнейшей по своему значению и резонансу в европейской культуре является трактовка любви, сформированная в рамках рыцарской традиции.

Исходно рыцарство представляло собой «общность всех благородных воинов, равных между собой» [1, с. 89]. Собственно, сами эквиваленты лексемы *рыцарь* – фр. *chevalier*, нем. *Ritter*, ит. *cavaliere* – этимологически означают *всадник* (см. [2; 3]), а самих рыцарей автор специальной энциклопедии рыцарства С. В. Жарков называет «конницей Западной Европы» (см. [4], гл. 1). Филипп де Пюи дю Кленшан, прослеживая истоки рыцарства как феномена, говорит о первоначальных группах «профессиональных бойцов», «вооруженных всадников», обеспечивавших безопасность замков в условиях феодальной раздробленности («Европа покрылась тысячами примитивных замков, возведенных на холмах, откуда их владельцы правили и оказывали покровительство окрестному населению взамен повинностей и оброков» [5, с. 3]). По оценке историков, «во времена Средневековья насилие и жестокость были обычным делом. Практически все слои населения носили при себе личное оружие для того, чтобы защитить свою жизнь» [4, с. 5].

Согласно определению Ж. Флори, «рыцари – это прежде всего солдаты», причем к началу XI в. рыцарство еще не только не оформилось в качестве общественного института, но и не сложилось как социальная группа (это произойдет позднее, лишь к концу XII в.) [6; 7].

Фактически в феномене рыцарства находит свою объективацию процесс конституирования самосознания феодального сословия, и в этом контексте остро значимым оказывается поиск ценностных установок, которые легли бы в основу его содержания. В рамках традиционного эпоса герои совершали подвиги ради интересов рода или во исполнение вассального долга («Песнь о Роланде», «Песнь о Сиде» и др.). В отличие от этого в контексте рыцарской культуры возникает необходимость новой ценностной шкалы. Известен феодальный лозунг Средневековья «Дайте смысл вашей удали!» [1, с. 89; 8, с. 745].

И решающее слово здесь, несомненно, сказала церковь: с одной стороны, она могла это сделать, выступая мощнейшим идеологическим институтом Средневековья, с другой – была заинтересована как в возможности опоры на светскую власть, так и (в преддверии Крестовых походов) в выработке доктрины справедливой войны и воинской доблести. Интенция оказалась весьма успешной: уже к середине VIII в. церковь не только благословляла, но и сама опоясывала мечом (посвящала в рыцари) молодых воинов [1, с. 89; 8 с. 764–765].

Таким образом, первоначальное смысловое наполнение корпоративно-сословного самосознания феодалов задает именно церковь. Раннее рыцарство историки оценивают как «плод устремлений к лучшему», однако поначалу «еще несовершенный и лишенный всякой привлекательности», как сословие, фактически «состоявшее из разобщенных грубых воинов», в которое «церковь быстро вдохнула жизнь» (см. [5], гл. 1, разд. IV).

В силу этого изначально рыцарство представляло собой не только феодальный, но и сугубо религиозный институт: исходно рыцарь – это воин-христианин, чьи ратные доблести вписаны в контекст религиозного мировоззрения. Традиционным лозунгом рыцарства был *Душа – Богу, рука – мечу* [9, с. 822–841]; характерной являлась даже молитвенная поза рыцаря: он простирался на земле крестом, головой к востоку [8, с. 779]; известны также монашеские рыцарские ордены [10].

Таким образом, рыцарский этос, по оценке историков, представляет собой «сложный продукт взаимодействия военной системы ценностей и христианских нравственных устоев» [11, с. 433]. Филипп де Пюи дю Кленшан полагает, что феномен рыцаря вообще возникает как «компромисс между воином и христианином» (см. [5], гл. 1, разд. III).

Именно под влиянием церкви рыцари обрели неписанный кодекс чести, сыгравший немалую роль в смягчении роста насилия, исходившего из замков [5]. В первом теоретическом сочинении, посвященном рыцарству («Книга о рыцарском ордене» Рамона Льюля, конец XIII в.), говорится о том, что в смутные времена, когда были попорчены законы

и справедливость, для восстановления порядка народ разделили на тысячи и во главе каждой из них был поставлен самый преданный, сильный, храбрый и образованный *miles* – рыцарь (Рамон Льюль опирается на этимологию Исидора Севильского: *miles* – один из тысячи) [11, с. 435].

Разумеется, эта легенда сильно приукрашивает ситуацию. И конечно, в таком сложном синкризе идей и ценностей, как рыцарская идеология, можно обнаружить немало противоречий. Так, если братоубийство как таковое осуждалось вероучением, то Крестовые походы интерпретировались как реализация воли Провидения и выступали предприятием праведным и богоугодным. В этом отношении чрезвычайно показательно название хроники Первого крестового похода, написанной Гвибертом Ножанским: «Деяния Бога через франков» [12, с. 365].

Рыцарство претерпевает в истории средневековой Европы значительную эволюцию [13]. Так, прежде всего «из группы профессиональных бойцов» оно «постепенно превращалось в замкнутое сословие, смешиваясь со знатью»: уже в XII в. «титул рыцаря становится почетным отличием, обязательным даже для королей» [5, с. 80–92].

Соответственно, эволюционирует и рыцарский кодекс чести: в раннем его варианте первым и главным требованием было принятие крещения, за ним следовали истовость веры, готовность умереть за церковь, и лишь потом – воинские доблести. Позднее атмосфера постоянных усобиц, выливавшихся подчас в острые формы гражданских войн, и мировоззренческий резонанс Крестовых походов задавали в рыцарском кодексе чести акцент именно на ратных доблестях [14]. Содержание так называемых максим благородства (знаменитое покровительство вдовам и сиротам, защита невинно пострадавших, отказ от поддержки неправого дела и т. п.) также конкретизировано в этом контексте: например, нормативная *защита вдов и сирот* обеспечивала уверенность каждого рыцаря в том, что, погибши он на поле брани, его семья не будет оставлена без помощи. Галантные светские умения (играть в шахматы, слагать стихи Даме сердца и т. п.) появляются в более поздних вариантах кодекса.

Что же касается литературного проявления рыцарского идеала, то зрелой его формой выступают, как это на первый взгляд ни парадоксально, авантюрно-рыцарский северофранцузский роман (особенно ярко представленный в творчестве Кретьена де Труа и романах артуровского цикла) и куртуазная любовная лирика (нашедшая воплощение в поэзии трубадуров). Феномен рыцарства развивается в сторону светскости.

К числу социокультурных факторов, определивших трансформацию рыцарской культуры в светском направлении, относятся внутренние позитив-

ные факторы (формирование городов и развитие городской культуры), внутренние негативные факторы (экономические проблемы и разрушение веками устоявшихся социально-политических технологий), а также Крестовые походы как фактор внешний (кросс-культурное взаимодействие). При всей разнородности названных обстоятельств все они соотносимы хронологически.

В формировании новой системы мировоззрения принципиальную роль прежде всего сыграло развитие средневековых городов. Оформившаяся в XI–XII вв. городская культура Западной Европы становится важнейшей (а с течением времени – доминирующей) составляющей духовной жизни Средневековья.

Именно формирование городов как феномена экономического порядка (развитие мастерских, рост числа лавок менял и торговцев, появление постоянных дворов для купцов и т. п.) обеспечило достаточно высокий уровень материальной культуры (см. [15]), благодаря которому стал возможен «тот пышный декор, та роскошь, вообще то утончение и то усложнение придворной культуры, о которых столь часто – то с осуждением, то с нескрываемым воодушевлением – пишут средневековые хронисты» [16, с. 17].

Действительно, средневековые авторы пишут о городах, одновременно и восхищаясь их пышностью, и возмущаясь царящими в них изнеживающей роскошью и культом удовольствий. Так, например, в хронике Иоанна Солсберийского читаем: «...наслаждение – мачеха добродетели. Я не говорю о наслаждении, которое доставляют нам мир, долготерпение, благость, воздержание, радость в Духе Святом, – я говорю о наслаждении, которое дружит с застольем, пирами, возлияниями, танцами и пением, излишествами роскоши и разными видами разврата, которое расслабляет даже сильные души» [17, с. 361].

Однако, как бы ни относились к городам моралисты, средневековая культура XI–XII вв. конституируется на стыке классической феодальной традиции, фундированной идеями сеньориального вассалитета, с одной стороны, и оформляющейся традиции городской независимости – с другой.

Так, ранний город еще сохраняет базовые презумпции культуры феодальной, находясь в вассальной зависимости от сеньора, который, как говорится в документе 1204 г., «управляет своим народом и соблюдает его честь» [18, с. 15]. Кроме того, средневековый город и сам несет на себе печать определенного консерватизма: по оценке историков, «черты партикуляризма, местной обособленности, столь свойственные феодальному обществу, в немалой степени свойственны и экономической, и политической позиции городских коммун» [19, с. 5].

Однако наряду с этим в городской среде распространяется грамотность, открываются нецерковные школы, зарождается светская литература [19], разворачивается традиция городских развлечений [20]. И разумеется, в рамках раннегородской духовной среды приходят в столкновение традиция тотальной клерикализации, характерная для Средневековья в целом, и секулярная традиция светской эмансипации – с тенденцией постепенного (но все большего) доминирования последней. По оценке С. М. Стама, «города стали рассадниками новых идей и общественных движений», в них «угнездилась критическая мысль» [19, с. 4–5]. Это задает особую атмосферу аксиологического релятивизма, в рамках которой вызревает принципиально новый по отношению к традиционному Средневековью менталитет с характерной для него интенцией к свободе, выходящей далеко за пределы антиклерикального свободомыслия.

Идея свободы объективно оказывается важнейшим маркером городской культуры. Чрезвычайную важность имеет то показательное во всех отношениях обстоятельство, что, согласно закону 1219 г., дарованному императором Фридрихом городу Гослару и распространенному затем на многие иные города, *воздух города делает свободным* [21, с. 142]. Имелось в виду, что беглый серв, пересекший черту городских ворот и проживший в городе определенное время (стандартным сроком был год и один день), переставал быть крепостным и обретал статус свободного горожанина.

Впрочем, это касалось не только сервов: в определенном смысле данный тезис можно отнести также и к феодалам-сеньорам. Так, хроники сообщают, что в 1220 г. два рыцаря присягали на верность городу Авиньону за деревни и замки, которые они держали от него [22, с. 116]. Тем самым эти рыцари фактически обретали статус вассалов Авиньона, который в данном случае выступал в качестве сюзерена. Это событие может быть оценено как чрезвычайно важный прецедент, так как подобная практика радикальным образом меняет сущность вассалитета как такового. Традиционный оммаж (от фр. *homage* и лат. *hominium* – дань, почесть, отдавание почести) как ритуал, закрепляющий вассальную зависимость и сопровождающийся клятвой верности сеньору (фюа), самой своей этимологией (лат. *homo* – человек) выводит нас на притяжательные ассоциации и ощущение состояния принадлежности: *он – мой человек, ты – его человек* и т. п. Вассалитет в отношении города задает принципиально новый статус феномену вассальных связей: это не нахождение на службе у кого-то персонально (что, несомненно, предполагает ощущение личной зависимости), а фактически общественное служение.

Важным аспектом развития городской культуры является также феномен свободы самого города как

субъекта. Городская жизнь характеризуется такими явлениями, как коммунальность (т. е. общинность социальных и хозяйственных процессов, включая водоснабжение, дезодорацию, охрану улиц и т. п.) и муниципальность (т. е. городское самоуправление, предполагающее выборы мэра и наличие городского совета, причем часы на ратуше – месте заседаний совета – символизировали владение временем). Начиная еще с X в. эта тенденция проявляется в коммунальном движении как борьбе за независимость города от феодальных выплат и в XIII в. находит свое высшее воплощение в феномене Магдебургского права, согласно которому обеспечивалось городское самоуправление как в сферах экономической деятельности и имущественных отношений, так и в общественно-политической жизни, включая сословное состояние [23]. Таким образом, город становится полноправным субъектом политической жизни: появляются феномены городского права, городского судопроизводства, городского войска и т. п.

Однако тезис о воздухе города, который *делает свободным*, вполне правомерно толковать не только юридически буквально (в документальном смысле), но и фигурально – применительно к раскрепощению человеческого сознания и формированию нового типа городского менталитета.

Из незаметного ростка в системе средневекового мировоззрения городская традиция постепенно превращается в доминирующую культурную тенденцию. По образному выражению С. М. Стама, «башни городских готических соборов встали над замками феодалов и епископов» [19, с. 5].

Таким образом, именно город становился своего рода центром культурной жизни – центром одновременно и духовным, и светским. Именно город выступал отныне резиденцией епископа (а следовательно, и местом, где располагались церковная канцелярия, соборные школы, скриптории, в которых переписывались не только сочинения Отцов Церкви, но и произведения античных авторов). Именно город притягивал на свои площади певцов-менестрелей и жонглеров-хугларов, которых в сельской местности можно было не увидеть ни разу за целую жизнь. Именно в городах складывались значимые книжные собрания, причем принадлежащие не только монастырям, но и частным лицам. И именно город все чаще оказывался тем местом, где размещался аристократический двор феодала, уклад жизни которого в городских условиях разительно отличался от жизни в уединенном сельском замке, где пировали вассалы хозяина, вытирая жирные пальцы о шерсть собак и паже-ские кудри. В нашем контексте важно, что именно городская культура обеспечивает существование независимых аристократических дворов, выпавших из системы сеньориальной зависимости, в стиле жизни которых пришли в тесное взаимо-

действие устоявшаяся традиция рыцарского оммажа и раннегородская традиция с ее новым (если еще не открытым, то уже релятивным) мировоззрением, допускающим приглашение ко двору философов и поэтов, формирование книжных коллекций, поощрение искусств и зарождение зачатков галантности. Рыцарская традиция обретает новое качество, развиваясь в нерыцарской – городской – среде.

Нельзя не отметить и то обстоятельство, что на формирование новой (светской) версии рыцарской культуры существенное влияние оказало такое сугубо христианское мероприятие, как Крестовые походы. Это связано с тем, что именно Крестовыми походами были созданы условия для соприкосновения рыцарства с культурой Востока. Несмотря на то что соприкосновение это было достаточно поверхностным, восточная культурная традиция определенным образом (пусть даже с точки зрения чисто внешних своих характеристик) оказала воздействие на установки и ориентации рыцарской культуры, придав некоторые дополнительные импульсы общему процессу светской деформации ее исходной христианской парадигмы. По характеристике историка средневековых рыцарских войн Е. Щепкина, на Востоке «остатки умственной и художественной жизни античного человека ярко смешивались с пылкостью и роскошью восточной фантазии, с чувственностью и изнеженностью нравов магометан. Поэзия и наслаждение переплетались здесь в чарующую дымку, покрывавшую все грубые стороны быта. Дикой и узкой должна была сразу представиться феодалу вся его прежняя уединенная жизнь в мрачном замке... Под южным небом... впервые запала в его душу страсть к наслаждениям, к утонченному удовлетворению и всех своих пяти низших чувств, и самых утонченных и высоких потребностей ума и сердца» [8, с. 792].

Что уж говорить о среднестатистическом европейце, никогда не покидавшем то место, где он родился! Для него рассказ о Востоке – это всегда завораживающе экзотическая восточная сказка.

В силу этого локализованные в городах дворы сеньоров, где раньше и интенсивнее других начал культивироваться новый образ жизни, выступали своего рода центрами, куда стягивались рыцари, привлеченные светской придворной атмосферой. Среди характеристик последней медиевисты отмечают «увлечение светскими забавами, их своеобразный культ, несомненное проникновение в повседневную жизнь все более утонченных эстетических норм, в конечном счете слияние этики и эстетики» [16, с. 27].

Духовное взаимовлияние города и двора с учетом новых (светских) аксиологических установок того и другого оказалось очень плодотворным в культурном отношении. Именно эта почва и выра-

стила такой культурный феномен, как рыцарский роман, возникновение которого обычно относят к XII в. [24, с. 427]. По формулировке И. Г. Гердера, «нигде не было более благоприятных условий для развития романа, чем во Франции. Сошлось множество причин, а потому сам язык, поэзия, образ жизни, даже мораль и религия были заранее, словно нарочно, подготовлены к романам» [25, с. 588].

Под рыцарским романом в литературоведении понимают «связное сюжетное повествование с достаточно развитой фабулой, в стихах или прозе, родившееся в феодальной среде, отражающее ее вкусы и интересы и выбирающее в этой же среде своих героев», причем «эти герои могут выступать не обязательно в своей реальной жизненной обстановке, но в обстановке псевдоисторической, фантастической, условно ориентальной и т. д. – в зависимости от тематики того или иного произведения или цикла» [16, с. 3].

Сам термин *роман*, исходно означавший произведение на народном романском языке (в отличие от латинских церковных текстов), подчеркивает принадлежность данного жанра к светской культурной традиции. Как отмечает Э. Ренан, в сюжетах рыцарских романов «христианство редко обнаруживается; хотя иногда и чувствуется его близость, оно ни в чем не изменяет той естественной среды, в которой все происходит»: фактически епископ, присутствующий в Камелоте, лишь благословляет выставляемые на стол кушанья [26, с. 189]. Подчас это адекватно осмысливается самими авторами романов, о чем свидетельствует, в частности, тот факт, что один из них принимает псевдоним Пайен де Мазьер (что по-французски означает *Язычник из Мазьера*), явно обыгрывая с помощью этого многозначительного омонима антитезу с именем основоположника бретонского рыцарского романа и классика жанра в целом – Кретьен де Труа (соответственно – *Христианин из Труа*). Более того, в литературоведении существует гипотеза, согласно которой данный псевдоним принадлежит самому Кретьену [27, с. 266], что еще ярче подчеркивает альтернативность псевдонима (как результата свободного выбора) полученному при крещении имени.

Однако, несмотря на то что рыцарская культура в своих развитых экземплификациях фактически полностью отходит от церковной парадигмы, ее ни в коем случае нельзя рассматривать как сознательную оппозицию церковной ортодоксии: рыцарский роман формируется именно в лоне христианской культуры и содержательно выступает как плоть от плоти ее. В этом контексте он может быть оценен в качестве своего рода лирико-героической утопии, разворачивающейся тем не менее на фоне все еще действующей христианской системы ценностей. Даже авторами-романистами

нередко выступают монахи-клирики [16, с. 28–29]. Речь может идти лишь об объективной тенденции, заключающейся в генерации культурой теоретических моделей образа жизни, не укладывающихся в рамки официальной ортодоксии (и в силу этого объективно альтернативных ей), но не обретающих статуса сознательно противодействующей ей альтернативы.

Немаловажную роль в формировании романной традиции сыграло также то обстоятельство, что временной отрезок, хронологически непосредственно предшествующий Крестовым походам, был, мягко говоря, не самым благополучным периодом в истории Западной Европы.

Согласно летописям данный период отмечен несколькими подряд неурожайными десятилетиями и характеризуется глубочайшим экономическим кризисом, сопровождавшимся по всей центральной Франции практически тотальным голодом и, как следствие, широкими миграциями обнищавшего населения, страшными эпидемиями, а также крайним обострением междоусобиц и резкой криминализацией обстановки. По свидетельству уже упоминавшегося историка Первого крестового похода Гвиберта Ножанского, «в ту пору был всеобщий голод; даже богатые испытывали крайнюю нужду в хлебе» [12, с. 365].

Письменные памятники Средневековья сохранили описание ситуации в центральных областях Франции XI в.: «Голод по всей земле стал усиливаться, и гибель угрожала почти всему роду человеческому. <...> Казалось, что все стихии вступили между собою в ожесточенную борьбу, между тем как, без сомнения, они явились карой за гордыню человеческую. Непрерывными дождями вся земля была залита до того, что в течение трех лет нельзя было найти борозды, годной для посева... Весь род человеческий изнывал из-за отсутствия пищи... Стали пожирать мертвечину и другие неслыханные вещи... Страшно рассказывать, до какой степени доходило падение человеческого рода! Увы! Горе мне! <...> Люди пожирали мясо людей. На путников нападали те, кто был посильнее, делили их на части и, изжарив на огне, пожирали. Многие, гонимые голодом, переходили с места на место, их принимали на ночлег, а ночью душили, и хозяева употребляли их в пищу. Некоторые, показав детям яблоко или яйцо и отведя их в уединенное место, убивали и пожирали. Во многих местах тела, вырытые из земли, тоже шли на утоление голода... Волки, привлеченные трупами, оставшимися из-за множества покойников... стали делать своей добычей людей, чего уже давно не было» [21, с. 231–233].

Ситуация усугублялась и абсолютной дестабилизацией социально-политической обстановки. По характеристике Н. Шамониной, «в начале XI в. королевская власть страдала полным бессилием,

неукротимые мелкие владельцы попирали ногами общественный порядок. <...> Трупы остаются без погребения, земля без обработки, – при таких условиях зашедшая с Востока на Запад моровая язва производит здесь страшное опустошение» [28, с. 440–441].

Согласно метафоре А. Я. Гуревича, мир в средневековом представлении – «это не покоящийся при всем своем устремлении к небесам готический храм. Модель мира средневекового человека... живет какой-то пульсирующей жизнью: она постоянно колеблется, сжимается, переворачивается. Если это и собор, то собор во время землетрясения, – он грозит обвалом. Своды, колонны, статуи готовы сорваться со своих мест. Видимо, почва, на которой он возведен, сейсмична» [29, с. 28–29].

Предельная нестабильность условий жизни приводит и к ощутимой неустойчивости медиевального мироощущения: по оценке Ж. Ле Гоффа, «чувство неуверенности – вот что влияло на умы и души людей Средневековья и определяло их поведение» [30, с. 302]. Медиевисты отмечают высокую концентрацию эсхатологических настроений в мировоззрении этого периода: «...мир этот видел в себе только хаос: он стремился к порядку и ожидал его только от смерти. <...> Посмотрите на старинные статуи в соборах X и XI веков, худые, немые, с застывшей на лице гримасой, с видом страдальческим, как жизнь, и безобразные, как смерть» [28, с. 443].

Совершенно естественно, что на этом фоне в средневековой культуре формируется устойчивый мировоззренческий вектор иллюзорного ухода от действительности, попытки самоизоляции массового сознания от чудовищных реалий бытия посредством моделирования вымышленных миров – фантастических событийных континуумов, ирреальных моделей возможного (желаемого) устройства жизни.

Анализируя текстовые памятники этой эпохи, Ж. Ле Гофф констатирует, что «средневековые умы привлекало совсем не то, что можно было наблюдать» [30, с. 306, 319]. Как пишет М. Пастуро, «люди XII века, будь то клирики, рыцари или крестьяне, редко оставались довольны своей жизнью. Слишком тяжелой, мрачной, суетной и обманчивой была повседневная реальность, а окружающий мир – печальным. Все мечтали о чем-то ином... Эту потребность... жажду забвения и ностальгию по “золотому веку” каждый выражал по-своему. Существовало достаточно способов бегства от реальности» [31, с. 75].

В свете этого становится понятным, почему в качестве существенной характеристики медиевального сознания исследователи называют интенсивную работу воображения, способность создания творческим усилием особого, вымышленного мира – фан-

тастического событийного континуума, ирреальной модели возможного (желаемого) устройства жизни. Как пишет П. Ардашев, «воображение средневекового человека работало гораздо напряженнее, нежели разум, и ему на каждом шагу чудилось необычайное, сверхъестественное, чудесное. Чудо окружало человека с колыбели до могилы» [32, с. 621–622]. Весь описываемый отрезок эволюции средневековой духовности определяется, по образной формулировке Н. Шамонина, как «пора чудес и легенд, когда все представлялось в странном свете, как будто сквозь цветные стекла... чудеса наполняли обыденную жизнь» [28, с. 443]. При этом феномен чуда получает в средневековом массовом сознании трактовку, весьма далекую от канонических христианских представлений о теургии, обретая сказочно-фантастический, языческо-мифологический характер [33, с. 575].

Более того, исследователи формулируют вывод о наличии в культуре Средневековья специфических форм ухода от действительности – форм, конституирующих, по выражению Э. Ауэрбаха, «иллюзорный мир сословного или сословно-личного испытания и самоутверждения» [34, с. 152].

В этом контексте статус рыцарской культуры в рамках Средневековья может быть оценен как гипотетическая модель поведения и образа жизни, отнюдь не отражающая действительность реальной жизни, полной, по оценке Ф. Энгельса, «предательских убийств, отравлений, коварных интриг и всяческих низостей, которые только можно вообразить, всего того, что скрывалось за поэтическим именем рыцарства» [35, с. 411].

Соответственно, с точки зрения исследователя повседневности Средневековья М. Пастуро, «говорить о любви в конце XII в. – значит вести речь о... любви, воспетой... романистами. <...> Действительно, литературные произведения представляют историку самую полную и самую пленительную картину эмоциональной жизни». Однако, задавая вопрос о том, насколько эта картина «верна на самом деле», М. Пастуро склонен считать рыцарскую любовь скорее «литературным феноменом» [31, с. 70].

Итак, четыре фактора трансформации рыцарской культуры в направлении светскости (и они же – четыре фактора формирования рыцарского романа, предложившего средневековой Европе принципиально новую трактовку любви, о содержании которой речь пойдет в следующей статье):

- поиск новой идеологемы сословного благородства (нового *смысла рыцарства*) в условиях, когда родовой смысл уже утрачен, а практики нахождения индивидуально значимых конкретно-личностных идеологем еще не оформились, – любовь выступает в этом контексте и универсально предписанной целью подвига, и универсально обещанной наградой за доблесть;

- новое мышление, оформляющееся в рамках городской культуры как мышление критичное и характеризующееся первыми (пусть пока еще робкими) формами свободомыслия, которое позволило моделировать новый стиль жизни и новые формы отношений, выводящие трактовку любви далеко за рамки ортодоксальной аскезы;

- влияние культуры Востока, поверхностный взгляд крестоносцев на которую создал иллюзию экзотического волшебного мира, не имеющего прямого отношения к реалиям восточной жизни, но рисующего в воображении средневекового европейца иной, гедонистический образ жизни – жизни чувственных удовольствий и утонченных наслаждений;

- кошмар повседневности, заставляющий сознание бежать от реальности и искать прибежища в вымышленном мире, полном сказочных чудес, к числу которых относится и галантная рыцарская любовь.

Параллельное действие этих факторов и приводит к той трактовке (гипотетической модели) любви, которая фундирует средневековый рыцарский роман. Исходный девиз рыцарства *Душа – Богу, рука – мечу* сменяется в рамках северофранцузской рыцарской традиции девизом *Рука – мечу, сердце – Даме* [9].

Что же в этом сердце? Какова она, поэтическая сказка рыцарской любви? Итак, интрига сложилась... Что ж, продолжение следует!

Библиографические ссылки

1. Монфред АЗ, редактор. *История Франции в 3 томах. Т. 1.* Москва: Наука; 1972. 360 с.
2. Кардини Ф. *Истоки средневекового рыцарства.* Москва: Прогресс; 1987. 384 с.
3. Кин М. *Рыцарство.* Москва: Научный мир; 2000. 520 с.
4. Жарков СВ. *Рыцари: первая полная энциклопедия.* Москва: Эксмо; 2016. 672 с. Совместное издание с «Яуза». (Лучшие воины в истории).
5. Кленшан Ф. де Пюи дю. *Рыцарство.* Санкт-Петербург: Евразия; 2004. 190 с. (Clio).
6. Флори Ж. *Идеология меча. Предыстория рыцарства.* Санкт-Петербург: Евразия; 1999. 314 с. (Clio).
7. Флори Ж. *Повседневная жизнь рыцарей в Средние века.* Москва: Молодая гвардия; 2006. 356 с. (Живая история. Повседневная жизнь человечества).
8. Щепкин ЕН. *Рыцарство.* В: Виноградов ПГ, редактор. *Книга для чтения по истории Средних веков, составленная кружком преподавателей. Вып. 2.* Москва: Товарищество типографии А. И. Мамонтова; 1897. с. 734–821.
9. Казанский И. *Средневековая лирика.* В: Виноградов ПГ, редактор. *Книга для чтения по истории Средних веков, составленная кружком преподавателей. Вып. 2.* Москва: Товарищество типографии А. И. Мамонтова; 1897. с. 822–841.

10. Демурже А. *Рыцари Христа. Военно-рыцарские ордена в Средние века, XI–XVI вв.* Санкт-Петербург: Евразия; 2008. 542 с.
11. Лучицкая СИ. Рыцарство. В: Гуревич АЯ, редактор. *Словарь средневековой культуры.* Москва: Российская политическая энциклопедия; 2007. с. 431–437. (Summa culturologiae).
12. Гвиберт Ножанский. Деяния Бога через франков. В: Грабарь-Пассек МЕ, Гаспаров МЛ, редакторы. *Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв.* Москва: Наука; 1972. с. 365–367.
13. Руа ЖЖ. *История рыцарства.* Москва: Алетейа; 1996. 248 с. (Vita memoriae).
14. Коэн Г. *История рыцарства во Франции. Этикет, турниры, поединки.* Москва: ЗАО «Центрполиграф»; 2010. 168 с.
15. Сванидзе АА, редактор. *Город в средневековой цивилизации Западной Европы. В 4 томах. Т. 2. Жизнь города и деятельность горожан.* Москва: Наука; 1999. 345 с.
16. Михайлов АД. *Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе.* Москва: Наука; 1976. 351 с.
17. Иоанн Солсберийский. Поликратик: о забавах придворных и путях, указываемых философами. В: Грабарь-Пассек МЕ, Гаспаров МЛ, редакторы. *Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв.* Москва: Наука; 1972. с. 353–362.
18. Обычаи и вольности города Монпелье – 1204 [документальное приложение]. В: Стоклицкая-Терешкович ВВ, Плешкова СЛ. *Средневековый город в Западной Европе в XI–XV вв.* Москва: Издательство Московского университета; 1969.
19. Стам СМ. *Экономическое и социальное развитие раннего города (Тулуза XI–XIII веков).* Саратов: Издательство Саратовского университета; 1969. 429 с.
20. Крылова ЮП. Игры и развлечения горожан. В: Сванидзе АА, редактор. *Город в средневековой цивилизации Западной Европы. В 4 томах. Т. 3. Человек внутри городских стен. Формы общественных связей.* Москва: Наука; 2000. с. 319–337.
21. Егоров ДН, редактор. *Средневековье в его памятниках. Переводы.* Москва: Типолитография «Я. Данкин и Я. Хомутов»; 1913. 292 с.
22. Моравский С. Французские города в Средние века. В: Виноградов ПГ, редактор. *Книга для чтения по истории Средних веков, составленная кружком преподавателей. Вып. 2.* Москва: Товарищество типографии А. И. Мамонтова; 1897. с. 92–132.
23. Рогачевский АЛ. *Меч Роланда: правовые взгляды немецких горожан XIII–XVII вв.* Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета; 1996. 153 с.
24. Михайлов АД. Молодые герои Кретьена. В: Кретьен де Труа. *Эрек и Энида. Клижес.* Москва: Наука; 1980. с. 427–476. (Литературные памятники).
25. Гердер ИГ. *Идеи к философии истории человечества.* Москва: Наука; 1977. 703 с.
26. Ренан Э. Критические и этические очерки. В: Ренан Э. *Полное собрание сочинений в 12 томах. Т. 3.* Киев: Издательство Б. Фукса; 1902. 220 с.
27. Пуришев БИ, составитель. *Зарубежная литература Средних веков: латинская, кельтская, скандинавская, провансальская, французская литературы.* Москва: Просвещение; 1974. 399 с.
28. Шамонин НН. Подготовка Первого крестового похода. В: Виноградов ПГ, редактор. *Книга для чтения по истории Средних веков, составленная кружком преподавателей. Вып. 2.* Москва: Товарищество типографии А. И. Мамонтова; 1897. с. 442–458.
29. Гуревич АЯ. О новых проблемах изучения средневековой культуры. В: Данилова ИЕ. *Культура и искусство западноевропейского средневековья. Материалы научной конференции;* 1980. Москва: Советский художник; 1981. с. 5–34.
30. Ле Гофф Ж. *Цивилизация средневекового Запада.* Москва: Издательская группа «Прогресс», «Прогресс-Академия»; 1992. 376 с.
31. Пастуро М. *Повседневная жизнь Франции и Англии во времена рыцарей Круглого стола.* Москва: Молодая гвардия; 2001. 239 с. Совместное издание с «Классик». (Живая история. Повседневная жизнь человечества).
32. Ардашев П. Цезарий Гейстербахский (черты средневекового настроения и мирозерцания). В: Виноградов ПГ. *Книга для чтения по истории Средних веков, составленная кружком преподавателей. Вып. 2.* Москва: Товарищество типографии А. И. Мамонтова; 1897. с. 620–630.
33. Лучицкая СИ, Арнаутлова ЮЕ. Чудо. В: Гуревич АЯ, редактор. *Словарь средневековой культуры.* Москва: Российская политическая энциклопедия; 2007. с. 575–578.
34. Ауэрбах Э. *Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе.* Москва: Прогресс; 1976. 556 с.
35. Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Т. 21.* 2-е издание. Москва: Государственное издание политической книги; 1961. с. 406–416.

References

1. Manfred AZ, editor. *Istoriya Frantsii v 3 tomakh. T. 1* [The history of France in 3 vols. Vol. 1]. Moscow: Nauka; 1972. 360 p. Russian.
2. Cardini F. *Istoki srednevekovogo rytsarstva* [Origins of medieval knighthood]. Moscow: Progress; 1987. 384 p. Russian.
3. Kin M. *Rytsarstvo* [Knighthood]. Moscow: Nauchnyu mir; 2000. 520 p. Russian.
4. Zharkov SV. *Rytsari: pervaya polnaya entsiklopediya* [Knights: the first complete encyclopedia]. Moscow: Eksmo; 2016. 672 p. Co-published by «Yauza». (The best warriors in history). Russian.
5. Klenshan F. de Puy du. *Rytsarstvo* [Knighthood]. Saint Petersburg: Eurasia; 2004. 190 p. (Clio). Russian.
6. Flory J. *Ideologiya mecha. Predystoriya rytsarstva* [The ideology of the sword. Prehistory of Knighthood]. Saint Petersburg: Evraziya; 1999. 314 p. (Clio). Russian.
7. Flory J. *Povsednevnyaya zhizn' rytsarei v Srednie veka* [Daily life of knights in the Middle Ages]. Moscow: Young Guard; 2006. 356 p. (Living History. Everyday Life of Mankind). Russian.

8. Schepkin EN. [Knighthood]. In: Vinogradov PG, editor. *Kniga dlya chteniya po istorii Srednikh vekov, sostavlenneya kruzhkom prepodavatelei* [The book for reading on the history of the Middle Ages, compiled by a circle of teachers]. Vol. 2. Moscow: Tovarishestvo tipografii A. I. Mamontova; 1897. p. 734–821. Russian.
9. Kazansky I. [Medieval Lyrics]. In: Vinogradov PG. *Kniga dlya chteniya po istorii Srednikh vekov, sostavlenneya kruzhkom prepodavatelei* [The book for reading on the history of the Middle Ages, compiled by a circle of teachers]. Vol. 2. Moscow: Tovarishestvo tipografii A. I. Mamontova; 1897. p. 822–841. Russian.
10. Demurge A. *Rytsari Khrista. Voennno-rytsarskie ordena v Srednie veka, XI–XVI vv.* [The Knights of Christ. Military-knightly orders in the Middle Ages, XI–XVI centuries]. Saint Petersburg: Evrazia; 2008. 542 p. Russian.
11. Luchitskaya SI. [Knighthood]. In: Gurevich AY, editor. *Slovar' srednevekovoi kul'tury* [Dictionary of medieval culture]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya; 2007. p. 431–437. (Summa culturologiae). Russian.
12. [Guibert from Nogent. Acts of God through the Franks]. In: *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury X–XII vv.* [Monuments of medieval Latin literature of the X–XII centuries]. Moscow: Nauka; 1972. p. 365–367. Russian.
13. Roy JJ. *Istoriya rytsarstva* [The history of Knighthood]. Moscow: Aleteiya; 1996. 248 p. (Vita memoriae). Russian.
14. Cohen G. *Istoriya rytsarstva vo Frantsii. Etiket, turniry, poedinki* [History of chivalry in France. Etiquette, tournaments, duels]. Moscow: Tsentrpoligraf; 2010. 168 p. Russian.
15. Svanidze AA, editor. *Gorod v srednevekovoi tsivilizatsii Zapadnoi Evropy* [City in the medieval civilization of Western Europe. In 4 vols. Vol. 2. Life of the city and the activities of citizens]. Moscow: Nauka; 1999. 345 p. Russian.
16. Mikhailov AD. *Frantsuzskii rytsarskii roman i voprosy tipologii zhanra v srednevekovoi literature* [French knightly romance and questions of typology of the genre in medieval literature]. Moscow: Nauka; 1976. 351 p. Russian.
17. John from Salisbury [Polikratik: on the amusements of courtiers and the ways indicated by philosophers]. In: Grabar'-Passek ME, Gasparov ML, editors. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury X–XII vv.* [Monuments of medieval Latin literature of the X–XII centuries]. Moscow: Nauka; 1972. p. 353–362. Russian.
18. [The customs and liberties of the city of Montpelier – 1204] [documentary application]. In: Stoklitskaya-Tereshkovich VV, Pleshkova SL. *Srednevekovyi gorod v Zapadnoi Evrope v XI–XV vv.* [Medieval city in Western Europe in the XI–XV centuries]. Moscow: Publishing house of the Moscow University; 1969. Russian.
19. Stam SM. *Ekonomicheskoe i sotsial'noe razvitie rannego goroda (Tuluza XI–XIII vekov)* [Economic and social development of the early city (Toulouse XI–XIII centuries)]. Saratov: Publishing house of the Saratov University; 1969. 429 p. Russian.
20. Krylova YP. [Games and entertainment of townspeople]. In: Svanidze AA, editor. *Gorod v srednevekovoi tsivilizatsii Zapadnoi Evropy. V 4 tomakh. T. 3. Chelovek vnuti gorodskikh sten. Formy obshchestvennykh svyazei* [The city in the medieval civilization of Western Europe. In 4 vols. Vol. 3. A man inside the city walls. Forms of public relations]. Moscow: Nauka; 2000. p. 319–337. Russian.
21. Egorov DN, editor. *Srednevekov'e v ego pamyatnikakh. Perevody* [The Middle Ages in its monuments. Translations]. Moscow: Printing house and lithography «Y. Dankin and Y. Khomutov»; 1913. 292 p. Russian.
22. Moravsky S. [French cities in the Middle Ages]. In: Vinogradov PG, editor. *Kniga dlya chteniya po istorii Srednikh vekov, sostavlenneya kruzhkom prepodavatelei. Vyp. 2* [The book for reading on the history of the Middle Ages, compiled by a circle of teachers. Vol. 2]. Moscow: Tovarishestvo tipografii A. I. Mamontova; 1897. p. 92–132. Russian.
23. Rogachevsky AL. *Mech Rolanda: pravovye vzglyady nemetskikh gorozhan XIII–XVII vv.* [The sword of Roland: Legal views of German townspeople of XIII–XVII centuries]. Saint Petersburg: Publishing house of Saint Petersburg University; 1996. 153 p. Russian.
24. Mikhailov AD. [Young heroes of Chretien]. In: Chretien de Troyes. *Erek i Enida. Klizhes* [Erec and Enid. Cliges]. Moscow: Nauka; 1980. p. 427–476. (Literary Monuments). Russian.
25. Herder IG. *Idei k filosofii istorii chelovechestva* [Ideas to the philosophy of the history of mankind]. Moscow: Nauka; 1977. 703 p. Russian.
26. Renan E. [Critical and Ethical Essays]. In: Renan E. *Polnoe sobranie sochinenii v 12 tomakh. T. 3* [Complete set of works in 12 volumes. Vol. 3]. Kiev: B. Fuchs' Publishing house; 1902. 220 p. Russian.
27. Purishev BI, compiler. *Zarubezhnaya literatura Srednikh vekov: latinskaya, kel'tskaya, skandinavskaya, provansal'skaya, frantsuzskaya literatury* [Foreign literature of the Middle Ages: Latin, Celtic, Scandinavian, Provençal, French literature]. Moscow: Prosveshchenie; 1974. 399 p. Russian.
28. Shamonin NN. [The preparation of the first crusade]. In: Vinogradov PG, editor. *Kniga dlya chteniya po istorii Srednikh vekov, sostavlenneya kruzhkom prepodavatelei. Vyp. 2* [The book for reading on the history of the Middle Ages, compiled by a circle of teachers. Vol. 2]. Moscow: Tovarishestvo tipografii A. I. Mamontova; 1897. p. 442–458. Russian.
29. Gurevich AY. [About new problems of studying medieval culture]. In: Danilova IE, editor. *Ku'tura i iskusstvo zapadnoevropeiskogo srednevekov'ya. Materialy nauchnoi konferentsii* [Culture and art of the Western European Middle Ages. Proceedings of a scientific conference; 1980; Moscow, Russia]. Moscow: Sovetskii khudozhnik; 1981. p. 5–34. Russian.
30. Le Goff J. *Tsivilizatsiya srednevekovogo Zapada* [The civilization of the medieval West]. Moscow: Publishing group «Progress», «Progress-Akademiya»; 1992. 376 p. Russian.
31. Pasturo M. *Povsednevnyaya zhizn' Frantsii i Anglii vo vremena rytsarei Kruglogo stola* [The daily life of France and England in the time of the knights of the Round Table]. Moscow: Molodaya gvardiya; 2001. 239 p. Co-published by «Klassik». (Living History: Everyday Life of Mankind). Russian.
32. Ardashev P. [Cesarei Geisterbakhsky (Features of medieval mood and worldview)]. In: Vinogradov PG, editor. *Kniga dlya chteniya po istorii Srednikh vekov, sostavlenneya kruzhkom prepodavatelei. Vyp. 2* [The book for reading on the history of the Middle Ages, compiled by a circle of teachers. Vol. 2]. Moscow: Tovarishestvo tipografii A. I. Mamontova; 1897. p. 620–630. Russian.
33. Luchitskaya SI, Arnautova YE. [Miracle]. In: Gurevich AY, editor. *Slovar' srednevekovoi kul'tury* [Dictionary of Medieval culture]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya; 2007. p. 575–578. Russian.
34. Auerbach E. *Mimesis. Izobrazhenie deistvitel'nosti v zapadnoevropeiskoi literature* [Mimesis. The image of reality in Western European literature]. Moscow: Progress; 1976. 556 p. Russian.
35. Engels F. [On the decomposition of feudalism and the emergence of national states]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. T. 21* [Collected Works. Vol. 21]. 2nd edition. Moscow: Gosudarstvennoe izdanie politicheskoi knigi; 1961. p. 406–416. Russian.

ЮБИЛЕИ

JUBILEES

Павла Петровна
УКРАИНЕЦ

Pavla Petrovna
UKRAINETZ

Общественный и государственный деятель, журналист, известный белорусский ученый, ведущий в стране специалист в области социологии управления, доктор исторических наук, профессор Павла Петровна Украинаец 26 сентября отмечает свой юбилей. К сожалению, профессор П. П. Украинаец сейчас не преподает: уже пять лет она на заслуженном отдыхе. Но Павла Петровна, как и прежде, вся в работе. Недавно увидела свет ее долгожданная книга воспоминаний «Люблю и помню: посвящается моим родным» (Минск: Колоград, 2017. 348 с.). Такие книги создаются всю жизнь... «Я попытаюсь рассказать о реальном богатом и интересном, – пишет Павла Петровна о содержании своей работы, – достойном уважения жизненном опыте, который матушка-история подарила хоромцам – хозяевам деревни с уникальным и загадочным именем Хоромск».

А Павле Петровне, как никому другому, есть что рассказать и поведать современникам. За ее плечами большая и яркая жизнь, посвященная служению людям, насыщенная испытаниями, трудностями

преодоления, радостью побед и счастья труда. Этапы развития послевоенной Беларуси стали также вехами судьбы П. П. Украинаец. Думаю, что и творческая элита страны, цвет белорусской культуры, литературы, искусства, друзья, коллеги, люди, которым она когда-то помогла (а таких очень много), сегодня добрым словом вспоминают своего куратора и защитника, легендарную Павлу Украинаец, за смелость и решительность в отстаивании правды и справедливости, понимание и поддержку.

Сколько лет знаю Павлу Петровну, для меня она всегда – загадка, человек, способный удивляться и удивлять. Ее талант столь многогранен, что работать только в одной сфере деятельности, будь то управление, наука, литература, культура, искусство, журналистика, она не могла просто по масштабу своей разносторонней натуры, сильному лидерскому характеру и огромным творческим возможностям. Поэтому даже в свой столь почтенный юбилей Павла Петровна Украинаец остается тайной, совершенно не разгаданной, и никем не прочитанным феноменом нашей новейшей истории.

Просто чудо, даже по сегодняшним меркам, как маленькая девочка из далекого столинского Хоромска выросла в авторитетного и влиятельного государственного и общественного деятеля национального масштаба, маститого ученого и известного педагога. За плечами остались годы оккупации, потери родных и близких, годы тяжелого непосильного крестьянского труда в детстве. Она пережила весь ужас фашистской оккупации, когда повсеместно витал страх смерти, которую она видела и жестокою бессмысленностью которой навсегда сохранила ее детская память. Как все было сложно тогда, когда всем смертям назло жила в детском сердце гордость за мужество старших, готовность к самопожертвованию и неистребимое желание выжить во что бы то ни стало. Беларусь того грозного времени была вся пропитана духом сопротивления, патриотизма и неизбежной победы. Остается лишь удивляться, откуда после всего, что пришлось пережить, увидеть своими глазами, у Павлы Петровны брались силы учиться, улыбаться, дружить и познавать мир прекрасного. Тогда, видимо, и возникла у нее острая потребность рассказать обо всем увиденном и пережитом. Жизнь направила Павлу Петровну на факультет журналистики Белорусского государственного университета.

Судьба сама выбрала Павлу Украинца на роль летописца своего времени. Поэтому в жизни Павлы Петровны и соединились практическая журналистика, исторические науки и, конечно, социология, чтобы постоянно слышать голос реальной жизни с ее правдой и ложью, честью и бесчестьем, бесславием и бессмертием. Только для того, чтобы слышать и различать, каждому человеку, а тем более журналисту, дается слух. У Павлы Петровны от природы он тонкий, музыкальный, ей дано слышать людскую правду, сопереживать своим героям,

понимать их в горести и радости, к такому человеку идешь как на исповедь... Заслуженный высокий авторитет коллег, друзей, учеников, общественности страны – яркое тому подтверждение.

Мне представляется, что Павла Петровна всю свою жизнь работает практическим социологом. Журналист уже в силу своего профессионального долга – тонкий социальный работник и аналитик. Разбор конфликтных ситуаций, трудовые отношения и споры, упреждение нежелательных обострений между различными социальными группами, семейные раздоры, религиозные и этнические страсти – все долгие годы это было предметом повседневных забот в управленческой и творческой деятельности Павлы Петровны. Поэтому ее научные работы, как сейчас сказали бы, практико-ориентированные, в них обобщен богатый жизненный опыт. В период возрождения социологической науки П. П. Украинца всячески способствовала ее институционализации. А как только появилась возможность полностью перейти на преподавательскую работу, Павла Петровна с удовольствием связала свою жизнь с только что образованной кафедрой социологии Белорусского государственного университета.

Профессор П. П. Украинца – отличник образования Республики Беларусь (2008), лауреат премии имени В. И. Пичеты БГУ за 2009 г. в области социальных и гуманитарных наук.

Дорогая Павла Петровна, самой большой наградой для Вас стала искренняя любовь и уважение родного коллектива, людей, которым Вы помогли в трудную минуту советом, душевным теплом и участием. Здоровья Вам и долголетия. Поздравляем!

*А. Н. Данилов*¹

¹Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

**Александр Петрович
ЛИМАРЕНКО**

**Aleksandr Petrovich
LIMARENKO**

Известному белорусскому ученому-социологу, кандидату философских наук доценту кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета Александру Петровичу Лимаренко 23 сентября исполнилось 75 лет. Искренне поздравляем с юбилеем нашего Александра Петровича!

В своей жизни он многое испробовал, чтобы найти себя в опальной науке, какой в то время была социология. Хорошо учился, прошел срочную службу в армии, был прекрасным художником... и даже работал профессионально по этой специальности. Творчество и богемность не ушли от него и с переходом в науку. Социология тогда только возрождалась после длительного периода непризнания и замалчивания. В Проблемную научно-исследовательскую лабораторию социологических исследований (ПНИЛСИ) БГУ набирали выпускников философского отделения, а остальные приходили по велению сердца, в поисках своей правды и справедливости. Александр Петрович как раз подходил по всем статьям: яркий, безусловно не обделенный талантом и, как он сейчас признается, по характеру того времени – немножко ленивый. Хотя последнее, конечно же, преувеличение. Просто неформальными героями среди молодежи его времени были именно такие: если ты талантлив и имеешь творческую специальность, то ты ленив по определению, идешь не в ногу со временем, обязательно впереди: прическа – длинные волосы, одежда – брюки клеш, музыка – тяжелый рок, тусовка – кафе «Пингвин» в Минске... Всем этим переболел и наш Александр Петрович.

Но не это главное. У каждого в жизни свой путь и свое предназначение, а жизнь Александра Петровича – сплошной эксперимент. Где он только в качестве практикующего социолога ни побывал. Экспериментировал в лаборатории БГУ в отделе

социологии труда, работал в Институте философии и права Академии наук БССР, а когда кругом все стало рушиться, включился в электоральные исследования, проводил социологические замеры на первых президентских выборах, затем создал исследовательскую фирму «Белорусское агентство маркетинговых и социальных исследований». На дворе перестройка, распад Советского Союза, утверждается новое суверенное государство – время развала и вместе с тем время больших возможностей. Александр Петрович – один из создателей Международного гуманитарного института БГУ, где он был заместителем директора. Вообще А. П. Лимаренко – социолог по призванию: где бы он ни работал, никогда не уходил из социологического поля. Несмотря на возраст, он все равно моложе всех и теперь так же фонтанирует новыми идеями, носит битловскую прическу и просто неудержим в своих фантазиях.

Сегодня в белорусской социологической семье Александр Петрович Лимаренко – один из неформальных лидеров. В общественном мнении он уже давно профессор, и не имеет значения, что он не защищал докторскую диссертацию и до сих пор остается доцентом. Зато таких, как он, доцентов не так уж и много. Кто постарше, хорошо помнит, как ПНИЛСИ БГУ в 1970–80-х гг. собирала вокруг идеи возрождения социологии действительно самых интересных и перспективных молодых ученых. Александр Петрович был в их числе. Уроки ПНИЛСИ оставили заметный след в его судьбе. Он всегда отличается методологической глубиной и здоровой критичностью в осмыслении новых явлений, безукоризненной логикой, высокой культурой мышления и заразительностью речи. Когда берет слово Александр Петрович, аудитория замирает. Без аплодисментов его еще ни разу не отпустили. За трибуной он – умный, покоряющий многознанием оратор, глубокий мыслитель, при-

знанный кумир молодых дарований. Хотя он сам так не считает (и правильно делает), предпочитая оставаться скромным, увлеченным и по-детски заводным в своем нескрываемом желании помочь всему миру решить самые острые проблемы современности.

Александра Петровича, как большого ребенка, не оторвать от компьютера, он ненасытен в стремлении постигать новое, а затем обязательно делиться своими открытиями с коллегами, любознательными студентами. Поэтому неудивительно, что он находится в постоянном научном поиске, является исполнителем научных тем в рамках государственных научно-исследовательских программ, постоянно выступает на методических семинарах, научных конференциях, круглых столах. Ведет большую внеаудиторную работу с аспирантами, магистрантами, студентами, готовит желающих

к участию в конкурсах НИРС, руководит курсовыми и дипломными работами.

Монография А. П. Лимаренко «Социология денег», выпущенная в БГУ в серии «Кафедра социологии» в 2014 г., сразу стала событием для читающей публики. Он редко выступает на страницах нашего журнала, но зато каждая его статья – открытие, и не менее того... иначе Александр Петрович просто не может.

Родная кафедра социологии, научная общественность, редколлегия журнала поздравляют дорогого нашего юбиляра и желают Александру Петровичу Лимаренко оставаться таким же загадочным и увлеченным. Здоровья Вам, дорогой Александр Петрович, и радости жизни на долгие годы!

*А. Н. Данилов*¹

¹Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN THE BSU

УДК 364-786.4(075.8)+364.65(075.8)

Васильева Л. П. Профессиональная ориентация и трудовая адаптация [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-86 01 01 «Социальная работа (по направлениям)» / Л. П. Васильева ; ГИУСТ БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : ГИУСТ БГУ, 2018. 148 с. : табл. Библиогр.: с. 145–148. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/203657>. Загл. с экрана. Деп. 20.08.2018, № 006220082018.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 1-86 01 01 «Социальная работа (по направлениям)». Содержание ЭУМК включает 4 раздела: теоретический, практический, контроля знаний и вспомогательный, которые содержат базовый курс лекций для теоретического изучения учебной дисциплины «Профессиональная ориентация и трудовая адаптация» в объеме, установленном типовым учебным планом, тематику практических занятий по курсу, темы рефератов, примерные вопросы итоговой аттестации, перечень учебных изданий, рекомендуемых для изучения учебной дисциплины.

УДК 364-786.4(075.8)

Васильева Л. П. Профессиональная реабилитация [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-86 81 01 «Реабилитология» / Л. П. Васильева ; ГИУСТ БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : ГИУСТ БГУ, 2018. 91 с. : табл. Библиогр.: с. 82–84. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/203665>. Загл. с экрана. Деп. 20.08.2018, № 006320082018.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 1-86 81 01 «Реабилитология». Содержание ЭУМК включает 4 раздела: теоретический, практический, контроля знаний и вспомогательный, которые содержат базовый курс лекций для теоретического изучения учебной дисциплины «Профессиональная реабилитация» в объеме, установленном типовым учебным планом, тематику практических занятий по курсу, темы рефератов, примерные вопросы итоговой аттестации, перечень учебных изданий, рекомендуемых для изучения учебной дисциплины.

УДК 364:005.966(075.8)

Васильева Л. П. Формирование успешной карьеры [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-86 01 01 «Социальная работа (по направлениям)» / Л. П. Васильева ; ГИУСТ БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : ГИУСТ БГУ, 2018. 155 с. : табл. Библиогр.: с. 153–155. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/203668>. Загл. с экрана. Деп. 20.08.2018, № 006420082018.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 1-86 01 01 «Социальная работа (по направлениям)». Содержание ЭУМК включает 4 раздела: теоретический, практический, контроля знаний и вспомогательный, которые содержат базовый курс лекций для теоретического изучения учебной дисциплины «Формирование успешной карьеры» в объеме, установленном типовым учебным планом, тематику практических занятий по курсу, темы рефератов, примерные вопросы итоговой аттестации, перечень учебных изданий, рекомендуемых для изучения учебной дисциплины.

УДК 316.66(075.8)

Имиджмейкинг [Электронный ресурс] : учеб.-метод. комплекс для спец. 1-26 02 03 «Маркетинг» / сост. Т. Д. Рабец ; ГИУСТ БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : ГИУСТ БГУ, 2018. 139 с. : табл. Библиогр.: 138–139. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/198973>. Загл. с экрана. Деп. 27.06.2018, № 004627062018.

Учебно-методический комплекс (УМК) «Имиджмейкинг» подготовлен в соответствии с учебной программой № УД-4400/уч. от 12.07.2017 г. в целях учебно-методического обеспечения студентов ГИУСТ БГУ специальности 1-26 02 03 «Маркетинг», получающих образование в очной и заочной формах. Содержание

УМК включает 4 раздела: теоретический, практический, контроля знаний и вспомогательный, которые содержат тезисы лекций для теоретического изучения учебной дисциплины в объеме, установленном типовым учебным планом, вопросы и ситуации для обсуждения на практических занятиях, вопросы к зачету, элементы учебной программы по курсу «Имиджмейкинг», а также перечень учебных изданий и информационно-аналитических материалов, рекомендуемых для изучения дисциплины.

УДК 364(075.8)

Методы и технологии социальной работы [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-86 01 01 «Социальная работа (по направлениям)» / сост. Н. Н. Красовская ; ГИУСТ БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : ГИУСТ БГУ, 2018. 135 с. : табл. Библиогр.: с. 134–135. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/200167>. Загл. с экрана. Деп. 29.06.2018, № 005229062018.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 1-86 01 01 «Социальная работа (по направлениям)». Содержание ЭУМК включает 4 раздела: теоретический, практический, контроля знаний и вспомогательный, которые содержат базовый курс лекций для теоретического изучения учебной дисциплины «Методы и технологии социальной работы» в объеме, установленном типовым учебным планом, тематику семинарских занятий по курсу, темы рефератов, примерные вопросы итоговой аттестации, перечень учебных изданий, рекомендуемых для изучения учебной дисциплины.

УДК 364(075.8)

Тратинко Т. В. Инновационные подходы к социальной работе в стране и за рубежом [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-86 01 01 «Социальная работа (по направлениям)» / Т. В. Тратинко ; ГИУСТ БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : ГИУСТ БГУ, 2018. 124 с. : табл. Библиогр.: с. 123–124. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/203404>. Загл. с экрана. Деп. 15.08.2018, № 005915082018.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 1-86 01 01 «Социальная работа (по направлениям)». Содержание ЭУМК включает 4 раздела: теоретический, практический, контроля знаний и вспомогательный, которые содержат базовый курс лекций для теоретического изучения учебной дисциплины «Инновационные подходы к социальной работе в стране и за рубежом» в объеме, установленном типовым учебным планом, тематику семинарских занятий по курсу, примерные вопросы итоговой аттестации, перечень учебных изданий, рекомендуемых для изучения учебной дисциплины.

УДК 316.6(075.8)+159.923.2(075.8)

Тратинко Т. В. Тренинги (социально-психологические и коррекционные). Тренинг личностного роста [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-86 01 01 «Социальная работа (по направлениям)» / Т. В. Тратинко ; ГИУСТ БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : ГИУСТ БГУ, 2018. 100 с. : табл. Библиогр.: с. 98–100. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/203419>. Загл. с экрана. Деп. 15.08.2018, № 006015082018.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 1-86 01 01-02 «Социальная работа (социально-психологическая деятельность)». Содержание ЭУМК включает 4 раздела: теоретический, практический, контроля знаний и вспомогательный, которые содержат базовый курс лекций для теоретического изучения учебной дисциплины «Тренинги (социально-психологические и коррекционные). Тренинг личностного роста» в объеме, установленном типовым учебным планом, тематику семинарских и лабораторных занятий по курсу, примерные вопросы итоговой аттестации, перечень учебных изданий, рекомендуемых для изучения учебной дисциплины.

УДК 316.6(075.8)

Тратинко Т. В. Тренинги (социально-психологические и коррекционные). Социально-психологический тренинг. Практикум [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-86 01 01 «Социальная работа (по направлениям)» / Т. В. Тратинко ; ГИУСТ БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : ГИУСТ БГУ, 2018. 118 с. : табл. Библиогр.: с. 116–118. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/203425>. Загл. с экрана. Деп. 15.08.2018, № 006115082018.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов специальности 1-86 01 01-02 «Социальная работа (социально-психологическая деятельность)». Содержание ЭУМК включает 4 раздела: теоретический, практический, контроля знаний и вспомогательный, которые содержат базовый курс лекций для теоретического изучения учебной дисциплины «Тренинги (социально-психологические и коррекционные). Социально-психологический тренинг. Практикум» в объеме, установленном типовым учебным планом, тематику семинарских и лабораторных занятий по курсу, примерные вопросы итоговой аттестации, перечень учебных изданий, рекомендуемых для изучения учебной дисциплины.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

<i>Стёпин В. С.</i> Проблемы прогнозирования сложных развивающихся социальных систем	4
<i>Бабосов Е. М.</i> Контуры грядущего: цифровизация экономики и других сфер жизнедеятельности человека	11
<i>Хальман Л., Ломацци В.</i> Европейское исследование ценностей: уникальный межнациональный сравнительный и лонгитюдный исследовательский проект об общечеловеческих ценностях в Европе	24

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Щербин В. К.</i> Кто изучает кризисы и риски? Организационные ресурсы мировой риск-аналитики	35
<i>Гуторов В. А.</i> Модернизация и демократия: о некоторых проблемах теоретической интерпретации	53

РЕЛИГИОЗНЫЙ ЭКСТРЕМИЗМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

<i>Данилов А. В.</i> Религия, экстремизм, насилие	67
<i>Мартинovich В. А.</i> К проблеме определения понятия «религиозный экстремизм»	74
<i>Безнюк Д. К.</i> Религиозный экстремизм? Это нормально... ..	83

ДИСКУССИЯ

<i>Волнистая М. Г., Мамедов А. К.</i> Социальный капитал коммуникативного поля научного сообщества	89
<i>Бирженюк Г. М., Ефимова Т. В.</i> Стимуляция симуляции как новация в сфере научного менеджмента	96
<i>Куши А. Л.</i> Направления интеграции высшего образования: выбор Беларуси	104

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

<i>Кузьменко Т. В.</i> Вынужденное предпринимательство: проблемы и пути их преодоления	110
<i>Андрос И. А.</i> Студенты инженерных специальностей как перспективный кадровый потенциал малого промышленного предпринимательства	118

КУРС ПО ВЫБОРУ

<i>Можейко М. А.</i> «Рука мечу – сердце Даме»: трактовка любви в северофранцузском рыцарском романе	131
--	-----

ЮБИЛЕИ

<i>Павла Петровна Украинец</i>	140
<i>Александр Петрович Лимаренко</i>	142
Аннотации депонированных в БГУ работ	144

CONTENTS

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

<i>Stepin V. S.</i> The problems of forecasting of complex social systems developing.....	4
<i>Babosov E. M.</i> The outlines of the future: digitalisation of the economy and other spheres of human activity.....	11
<i>Halman L., Lomazzi V.</i> European Values Study: a unique cross-national comparative and longitudinal survey research project on basic human values in Europe.....	24

ARTICLES AND REPORTS

<i>Shcherbin V. K.</i> Who studies crises and risks? Organizational resources of the world risk analytics.....	35
<i>Gutorov V. A.</i> Modernization and democracy: on some problems of theoretical interpretation	53

RELIGIOUS EXTREMISM IN THE MODERN WORLD

<i>Danilov A. V.</i> Religion, extremism, violence	67
<i>Martinovich V. A.</i> To the problem of defining the concept of «religious extremism».....	74
<i>Bezniuk D. K.</i> Religious extremism? It is normal... ..	83

DISCUSSION

<i>Valnistaya M. G., Mamedov A. K.</i> Social capital of communicative fields of the scientific community	89
<i>Burianyk G. M., Efimova T. V.</i> Stimulation simulation as an innovation in the field of scientific management.....	96
<i>Kuish A. L.</i> Directions of integration of higher education: the choice of Belarus.....	104

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

<i>Kuzmenko T. V.</i> Necessity entrepreneurship: problems and ways to overcome them.....	110
<i>Andras I. A.</i> Engineering students as perspective human resources of small industrial entrepreneurship.....	118

OPTION COURSE

<i>Mojeiko M. A.</i> «A hand for sword – a heart for Lady»: the interpretation of love in the North French knightly romance.....	131
--	-----

JUBILEES

Pavla Petrovna Ukrainets.....	140
Aleksandr Petrovich Limarenko.....	142
Indicative abstracts of the papers deposited in the BSU.....	144

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по социологическим, политическим и философским наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. Социология.
№ 3. 2018**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

«Журнал Белорусского государственного
университета. Социология» издается с сентября 1997 г.
До 2017 г. выходил под названием «Социология»
(ISSN 2071-0968).

Редактор *С. Е. Богуш*
Технический редактор *Т. А. Караневич*
Корректор *Л. А. Меркуль*

Подписано в печать 24.09.2018.
Тираж 180 экз. Заказ 288.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2018

**Journal
of the Belarusian State University. Sociology.
No. 3. 2018**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

«Journal of the Belarusian State University. Sociology»
published since September 1997.
Until 2017 named «Sotsiologiya»
(ISSN 2071-0968).

Editor *S. J. Bohush*
Technical editor *T. A. Karanevich*
Proofreader *L. A. Merkul'*

Signed print 24.09.2018.
Edition 180 copies. Order number 288.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 3 March, 2014.
17 Kal'variiskaya Str., Minsk 220004.

© BSU, 2018